

Н. Кристи

По ту сторону одиночества. Сообщества необычных людей

Эта книга об экспериментальных поселениях для не вполне обычных людей. Экспериментальны они потому, что экономически и социально они образуют общину, что в них находится место почти для любого человека, сколь бы непривычным ни было его поведение, экспериментальны, поскольку вновь обращаются к старым формам жизни и культуры.

Одиночество подстерегает в современном обществе многих. Одни не поспевают за жизненной круговертью в силу своих физических или душевных особенностей (общество подчас называет их душевнобольными, инвалидами), другие отвергают идеалы общества потребления и стремятся к более гармоничному, христианскому жизненному устройству.

В этой книге исследуется, как в кэмпхилл-доселениях в Норвегии люди, различающиеся и по физическим и душевным способностям, и по образованию, и по социальному статусу строят совместную жизнь. Автор, профессор социологии и криминологику из Осло, знакомит читателя с жизненным укладом деревень, сопоставляет их с другими формами общественного устройства, размышляет, что же такое достойная человека жизнь и какова цена современным техническим достижениям, всматривается в духовно-научные основы кэмпхилл-движения.

Для специалистов в области психиатрии, социологии, социальной гигиены, для всех интересующихся этими проблемами,

На русском языке издается впервые.

Первое издание - "Beyond loneliness and institutions:
villages for extraordinary people" (англ.)
Universitetsforlaget AS, Oslo

Перевод с нем. Э. М. Радской, ред. Л. Н. Банзелюк
ISBN 5-88000-017-6 "Духовное познание, Калуга, 1993

СОДЕРЖАНИЕ

[К читателю](#)

[Предисловие](#)

[1. Пять деревень - одна семья](#)

[2. Обитатели деревень](#)

[3. "Семьи"](#)

[4. Работа](#)

[5. Ритм](#)

[6. Культурная жизнь деревни](#)

[7. Очеловечивание жизни](#)

[8. Ситуация с властью](#)

[9. Редкий вид](#)

[10. Долгий путь](#)

[11. Возвращение к нормальной жизни](#)

К ЧИТАТЕЛЮ

Кто в наше односторонне интеллектуальное время читает "Идиота" Достоевского, того не может не тронуть прекрасное, полное любви описание князя Мышкина. Что же это такое, что так своеобразно затрагивает нас в этом человеческом облике? Редкие моральные качества, чистота сердца, находящая отклик в нашем сердце?

Душевно-духовный облик людей, чье интеллектуальное развитие кажется нам недостаточным, гораздо более открыт, нежели тех, кто считается сегодня "нормальными". Мы, "нормальные", легко позволяем условностям, внутренней несвободе, зависти, страху, скупости и прочему закрыть наше подлинное существо, и чистый голос сердца не может прозвучать. Совместная жизнь, воспитание детей (и взрослых), чье развитие затруднено, требует от нас совершенно особой подготовки.

Австрийский духовисследователь Рудольф Штайнер (1861-1925) также прошел через опыт совместной жизни и воспитания интеллектуально отсталого ребенка. Его понимание развития человека и общества лежит в основе той формы жизни, о которой идет речь в этой книге.

Книга написана известным далеко за пределами собственной страны социологом и криминалистом, профессором Нильсом Кристи, автором многих книг. В ней очерчена жизнь деревенской общины в Норвегии, где примерно 70 человек, по обычным меркам называемых интеллектуально отсталыми, и столько же "нормальных" объединились в семьи и стараются создать осмысленную совместную жизнь. Если пожить в таком жизненном сообществе несколько месяцев, как это сделал Нильс Кристи, или даже половину жизни, чувствуешь исцеляющую человечность, отторгнутую нашим вечно занятым, направленным на коммерцию миром.

И можно, наконец, спросить себя, совершенно в духе значительного романа Достоевского, кто из нас является больше человеком, кто из нас здоровее душевно-духовно?

Редкостно здоровой может показаться нам жизнь такой деревенской общины, в которую сплетены эти люди! Возможно, нам вспомнятся образы из средневекового Новгорода. И в этих новых "деревнях" совсем явно слышен мотив совместного исцеления.

Возникает вопрос не являются ли эти люди, если вникнуть в их запросы и понаблюдать возникающие вокруг них культурно-духовные, социальные и экономические общинные мотивы, первооткрывателями новых социальных форм сообщества, близких тем, которые, например, упомянутый выше, но, к сожалению, недостаточно известный исследователь духовного мира Рудольф Штайнер описывает как "трехчленный социальный организм"?

март 1993
МАРГИТ ЭНГЕЛЬ

С женщиной, написавшей эти прогретые сердечностью мысли, специально для нашего издания, читатель еще не раз встретится в книге. Врач-психиатр, она выбрала свой путь более сорока лет тому назад, и большая часть ее жизни связана с

лечебно-педагогическим движением, с кэмпхилл-поселениями, с социально-терапевтическими сообществами. Недавно при ее поддержке возникла подобная деревня в Эстонии, а сейчас она прикладывает много усилий, помогая появлению ее в России

В нашей стране антропософское понимание развития человека, то есть те идеи, те идеалы, которые объединяют людей в социально-терапевтические сообщества и придают им силы строить совместную жизнь, мало известны не только широким кругам, но и специалистам; труды Рудольфа Штайнера и Карла Кёнига, заложившие основу этого движения, еще не изданы в России. Лишь описательно, извне касается духовно-научных основ и автор книги, которую вы держите в руках, профессор социологии и криминологии из Осло Нильс Кристи.

И все же эта книга, изданная первоначально в 1989 году на английском языке, а в 1992 также и на немецком, может быть для вас особенно интересна. Для духовной атмосферы России характерно томление по социально-здоровым формам совместной жизни. В нашей истории есть прекрасные тому примеры. Община как потребность души жива и сегодня. С другой же стороны - нарастающая в наши дни антисоциальность, и нередкая беспомощность перед ней материалистического воспитания, материалистической науки. И вот на наших глазах идеалы и практику социально-терапевтического сообщества исследует человек, выросший в русле традиционной науки, занимающий в ней высокое положение, представляющий эту науку. В каком-то смысле именно так могли бы увидеть эти деревни многие из нас. Может, быть, это по-научному дотошное исследование норвежского профессора Нильса Кристи поможет читателям, столкнувшимся в жизни со схожими проблемами, увидеть путь их разрешения, а у кого-то вызовет желание пристальнее всмотреться в глубоколежащие импульсы этого движения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга об экспериментальных поселениях для не вполне обычных людей. Экспериментальны они потому, что экономически и социально они образуют общину, что в них находится место почти для любого человека, сколь бы непривычным ни было его поведение; экспериментальны, поскольку вновь обращаются к старым формам жизни и культуры. Их в высшей степени разные обитатели - многие из которых по официальным меркам считаются "душевнобольными" - делят друг с другом все тяготы повседневной жизни: жилье, еду, работу, культурную жизнь. Нет индивидуальной оплаты, нет разделения на обслуживающий персонал и пациентов. Это, таким образом, не учреждения, но и не обычная жизнь.

В течение двадцати лет я чувствую себя связанным с этими деревенскими общинами. Я непрерывно курсировал между ними и жизнью в "нормальном" обществе, и всякий раз перемена была культурным и эмоциональным шоком. Это две совершенно различных жизненных основы. Но благодаря различиям они как раз проливают свет друг на друга. В предлагаемой книге я пытаюсь показать видимое, как с той, так и с другой стороны. При этом предо мной стояли три цели.

Во-первых, я хотел бы описать деревни так, чтобы стало понятно, сколь необычны эти поселения. В Европе их сейчас около шестидесяти, есть они и на

других континентах. Поэтому важно изучить их более систематически. Современные индустриальные общества как на Востоке, так и на Западе всей своей производительностью способствовали искоренению альтернативных общественных форм. Уменьшается численность старых форм, сокращается богатство видов. Но в рамках этого процесса вдруг возникают новые образования, представляющие собой радикальные альтернативы. Возникают новые виды. Они позволяют по-новому понять социальную жизнь.

Во-вторых, экспериментальные деревенские сообщества появились среди нас в известной мере в результате недовольства стандартными решениями нашего общества. И возможно, что как раз эти совершенно иные формы совместной жизни неожиданно хорошо подойдут для решения проблем современного индустриального общества.

Наконец, третий вопрос, могут ли считаться эти деревни образцом и могут ли прежде всего воплощенные в них идеи помочь в современном кризисе социальной работы. Всюду закрываются специальные институты. При этом говорится, что люди, не соответствующие норме, будут включаться в нормальное общество. Но возникает вопрос, какая жизнь ожидает этих людей в повседневности нашего общества. С материальной точки зрения их жизнь будет приемлемой, по крайней мере в государствах всеобщего благоденствия. Но будет ли эта жизнь хороша с точки зрения социальных связей и культурной деятельности? Будут ли эти люди вовлечены в общественные связи, которые благодаря особым свойствам и качествам этих людей позволили бы им положительно влиять на общество, улучшать его для остальных членов? Это тема последней главы книги.

Книга возникла большей частью благодаря совместным усилиям. Почти все, о чем в ней идет речь, я обсуждал с жителями деревни. Зачастую они помогали мне более глубоко понять то или иное. Правда, кто-то из них может не согласиться в чем-то с моей интерпретацией. Поэтому ответственность лежит на мне. Но в большинстве случаев я выступаю лишь как рупор людей, живущих в деревнях.

Я благодарен также друзьям и коллегам, подвергшим конструктивной критике как некоторые из высказанных здесь мыслей, так и отдельные места рукописи. Особенно готовы были помочь Флемминг Бальвиг, Вигдис Кристи, Стан Коэн, Лив Финстад, Сесиль Хойгард, Иван Илих, Том Локни, Маэви Мак-Магон, Аник Приой и Ане Сэтердал. Два человека оказали совершенно особое влияние на основные мысли этой книги: Маргит Энгель, сообщившая много важного об основных принципах и инициативах, определяющих совместную жизнь в деревенских сообществах, и Хедда Гирцен, советом и делом помогавшая отразить важные стороны жизни общины

Особую помощь оказала Асти Хорген при упорядочивании рукописи; она также в известной мере поправила мои погрешности в английском. При завершении книги подобное же проделал Рональд Вальфорд. Последнее же, а также и первое место в этом перечне принадлежит тем необычным людям, которые живут в деревнях. Они были моими главными учителями.

*Осло, июнь 1989 г.
НИЛЬС КРИСТИ.*

1. ПЯТЬ ДЕРЕВЕНЬ - ОДНА СЕМЬЯ

Януш Корчак, польский еврей, врач и автор многих детских книг, возглавлял еврейский приют для сирот в Варшаве. Когда детей забирали для отправки в лагерь смерти, он отказался покинуть их и последовал за ними на смерть. Здесь, в норвежской деревне Видарозен, названной по имени бога Видара, героя скандинавского, северогерманского эпоса, один из домов, расположенный на небольшом холме, назван в честь Януша Корчака.

Из окон этого дома можно видеть почти всю деревню. В ее центральной части амбар и оранжерея, вокруг расположились мастерские. На околице деревни видны жилые дома, все они построены из дерева, обычного строительного материала в Норвегии.

Таких сельских сообществ у нас в Норвегии пять. Видарозен, так сказать, "мать всех деревень", ей двадцать лет и она расположена в южной части страны в получасе езды от Тонсберга, ныне провинциального, а во времена викингов знаменитого города. В Видарозене живут 150 человек, 12 коров и телят, лошадь, 30 кур, 20 овец и неизвестно сколько кошек. Зимними ночами сюда часто заходят в гости лоси, косули, зайцы и лисы. Есть в Видарозене и пекарня, которая даже продает свою продукцию, мастерская плотника, гончарное производство, мастерская по изготовлению кукол, мастерская для работы с деревом. На крестьянском подворье и в двух, оранжереях хозяйство ведется по биологическому методу. Раньше здесь была также мастерская по производству свечей. Позже я объясню, как сказывается этот объем работы прежде всего в социальном отношении. Самое внушительное здание в Видарозене это "зал", большое помещение на 300, мест для всевозможных общих мероприятий, таких как доклады, театральные спектакли, деревенские собрания и концерты. В нем охотно играют музыканты, и не только потому, что там хорошая акустика, но и потому, что публика хорошо слушает. Еще в деревне - есть часовня и лавка с кафетерием.

Окрестности Видарозена противоречат традиционным представлениям о том, что такое Норвегия. Здесь нет ни впечатляющего пейзажа, ни озер, всего лишь небольшой холм и ручей. И чувствуешь своего рода облегчение, когда попадаешь в другую деревню, расположенную севернее в двух часах езды на автомобиле. Она расположилась на склоне, с которого открывается чудесный вид на окружающие селения и леса, а далеко на западе видны горы. Выше по склону простирается за деревней густой лес. Здесь можно целыми днями бродить, не встретив человеческого жилья. Это родина троллей и эльфов - образов давно прошедших времен, созданных силой воображения. Асбьозен и Моэ, эти норвежские братья Гримм, бродили по этим лесам, слушали рассказы местных жителей и записывали то, что находили достойным опубликования. Расположенная здесь деревня называется Сольборг/Альм. В ней живут 50 человек и обычное число животных. В хозяйстве особую роль играют овцеводство и мастерская по обработке металла. Есть в деревне также ткацкая и столярные мастерские, школа и детский сад для окрестных детей.

Деревня Хогганвик расположена на западном побережье Норвегии. Там, где кончается деревенский сад, начинается фиорд. Когда светит солнце, местность выглядит даже слишком красиво, словно на туристическом проспекте. Но большей частью идет дождь. Насыщенные влагой воздушные массы из Англии

наталкиваются на горы непосредственно за Хогганвиком и выпадают в виде кислотного дождя на 45 человек, на коров и телят, которые там живут. Раньше Хогганвик был самым крупным- крестьянским хозяйством в округе. Став деревней, он вырос на один дом, но это меньше, чем нужно бы. Западное побережье Норвегии, это, собственно, родина людей строгой веры, глубоко убежденных в том, что их вера в бога единственно возможная. Поэтому они не готовы так просто признать совершенно иную деревню в своей среде. Это приводит к проблемам, выражающимся конкретно в том, что возможности расширения у этой деревни ограничены.

Еще дальше на север ситуация совсем иная. Деревня И о з о з е н расположена непосредственно в горах, на высоте 300 метров над уровнем моря. Это совсем немало, если продвинуться так далеко на север. Там уже не могут расти фрукты, а из овощей лишь самые выносливые. Здесь живут 40 человек, которые занимаются земледелием и работают в мастерских. В округе эту деревню принимают очень сердечно. Тамошние общины борются с обезлюдением района, и эта деревня означает для них новую жизненную силу. В Норвегии стихийность увеличивается с продвижением на север -в отличие, например, от Италии.

Валлезунд - последнее дитя в этой семье. Он расположен на полуострове далеко в Северном море и был когда-то пристанищем для рыболовецких судов, отправлявшихся каждую зиму на север за треской. Это была также база для жизненно важной торговли с русскими судами: рыба из Норвегии менялась на зерно из России. Самое значительное здание в деревне относится к началу 18 века, вскоре после него возникли маленький склад и элеватор для зерна, где хранились запасы на черный день, когда не было рыбы, или же на случай войны и блокады. В деревне построено также несколько новых домов. Высоко вверху вертятся лопасти ветряной мельницы, это самая высокая мельница в Норвегии. Она производит так много электрического тока, что его можно продавать коммунальным электростанциям.

Сегодня в Валлезунде живут 30 человек. Тамошние мастерские еще не очень развиты; большую часть сил до сих пор поглощало строительство. Важным полем деятельности, наряду с сельским хозяйством, является рыбная ловля, Приступили к разведению устриц.

Вскоре мы больше узнаем о названных здесь селениях. Но сначала познакомимся поближе с теми, кто в них живет.

2. ОБИТАТЕЛИ ДЕРЕВНИ

2.1 Такие же люди, как и мы

Трапеза - это не просто прием пищи. Совместная трапеза - это выражение общности. Если несколько человек живут под одной крышей, трапеза становится ареной общественной жизни. Здесь обмениваются новостями и - ласковым прикосновением или строгим словом. - выражают чувства. Трапеза - это удобный случай показаться другим людям именно таким, каким, как ты надеешься, они тебя воспринимают.

Это стремление к самовыражению часто еще больше усиливается тем, что за столом сидят и гости. У них нет какого-то установившегося мнения о присутствующих, и местные жители могут представить себя такими, какими они хотели бы, чтобы их видели.

Как-то в одной из деревень у меня наметились проблемы с обитателем одного дома. У того был громкий голос, и он постоянно этим пользовался. У него была, так сказать, монополия на звук; о конкуренции не могло быть и речи. Присутствие гостей еще больше укрепляло его мнение о себе. Потому что гости в большинстве случаев охотно его слушали, одобрительно кивали и побуждали рассказывать дальше, и все новые и новые истории. Право же, за такое подбадривание остальным обитателям этого дома хотелось едва ли не удушить гостей. Ведь многие из них тоже могли бы что-то внести в беседу, рассказать что-то новое, не выпячивая так себя. Да и истории эти были им знакомы до мельчайших подробностей, потому что тот их все время повторял. У него были только эти четыре истории, и они занимали как раз все время трапезы, если только поток речи не обрывался внезапно на второй или третьей.

Но когда стало понятно, что же стоит за всеми этими историями, их стало легче переносить. Рассказчик был (да и сейчас таков) коренастый мужчина, производящий впечатление уверенного в себе человека. Весь его облик гласит: он сильный и старательный, он так хорошо работает, третье поколение в этом ремесле, столп деревенской жизни, человек, достойный доверия. И все это правда. Этот неутомимый рассказчик - одна из ключевых фигур в деревне. Но у него есть одна проблема. Он не умеет читать. Он не умеет писать. Он не может участвовать в обычной беседе. Как только он пытается это делать, тут же терпит поражение. Но ему-то как раз хочется - и этим он резко отличается от большинства, в деревне - быть как все, для него очень важно быть таким же, как, например, его брат, или его сестра, которая очень не хочет, чтобы этот рассказчик приходил в гости, потому что ей это неприятно. И этот человек с исключительным голосом слишком хорошо это знает; он знает общие идеалы, он знает, что он неудачник; и знает, что думает о нем его сестра. Главное - это быть нормальным.

И вот приходят гости. Рассказывая свои истории, он представляется себе таким же, как все.

Его непрерывный поток слов - просто попытка замаскироваться. Странно? Или же типично для таких людей? Последуйте за мной в Иерусалим, и я дам вам на это ответ.

2.2 Университет

Жаркий день в Иерусалиме. Воздух вокруг университета на горе накален так, что рябит в глазах. Я тороплюсь, мне нужно встретить там, наверху, друга. И надо сесть в автобус, чтобы не опоздать. Университет в Иерусалиме называется Скопусберг. Но как это слово выглядит по-еврейски? Я осмеливаюсь спросить постороннюю даму. Это, собственно, победа. Но тут же следует поражение. Я неправильно ее понял, и слышу, как она кричит мне вслед, когда закрываются двери автобуса. Мне нужно пересаживаться на другой номер, и от стыда у меня выступает испарина. Наконец-то передо мной университет. Но тут меня ждет новое

тяжелое испытание: длинный ряд служебных дверей. Все надписи только по-еврейски. Нужна превосходная память, когда путешествуешь как неграмотный. Какая же из дверей ведет в бюро моего друга? Не эта ли, пятая дверь на левой стороне, напротив огнетушителя? Не уверен. Знаю только, что рядом с кабинетом друга кабинет человека, с которым мне сегодня не хотелось бы встретиться. Еврейские буквы такие большие и красивые. Надо действовать. Итак, попытаемся с этой пятой дверью. Ах, передо мной именно тот, кого я так не хотел сегодня видеть. Следующая дверь. Опять неудача - друга больше здесь нет. Ищу утешения в кафетерии. Как всегда, ничего не понимаю ни в меню блюд, ни в меню напитков; заказываю неизвестно что, расплачиваюсь крупной купюрой, чтобы избежать непонятного потока слов, который, вероятно, означает, что я должен заплатить больше. Старый трюк туристов и всех, кто в чем-либо неполноценен. Когда нет слов, нужно быть хитрым. И все же кассир недоволен. В город я иду пешком, чтобы не спрашивать еще раз о подходящем автобусе. Думаю, не завернуть ли к Стене Плача, но путь по жаре слишком долог. Вместо этого посылаю свои жалобы в голубизну неба, потому что я заблудился в мире, в котором не могу ни читать, ни писать, ни даже говорить с большинством людей вокруг. Наконец-то я перед своей собственной дверью. Короткий разговор с плотником, он как раз работает во дворе - разговор, конечно, с помощью рук и ног. Приятный человек, думаю я. Наконец-то я в безопасности. Смотрю на себя в зеркало. Хорошо встретить того, кто тебя знает. Кто знает, что ты вполне нормальный человек.

2.3 Быть в ладу с самим собой

Подобная маскировочная тактика обычно подтачивает силы, и не только тех, кто к ней прибегает, но и окружающих. Уверенные в себе люди - это те, у кого видимость и сущность в основном совпадают. Так приятно было однажды услышать в деревне телефонный разговор. Молодой человек у телефона хотел знать, когда идет автобус. Ответ на другом конце был для него слишком сложен, и поэтому он воскликнул:

"О, еще раз, но помедленнее. Я с трудом понимаю!"

Другим примером может быть Анна. Мы поспорили, и в волнении у меня вырвалось: "Ты что, глупая?" На что Анна отпарировала: "Потому-то я и здесь."

Или Хельге. Когда он идет по деревне, он часто несет под мышкой портфель. Там у него блокнот, в котором он часто делает записи. По значительным случаям Хельге имеет обыкновение почти всегда произносить речи. То, что он говорит, кратко, точно, полно тепла и часто остроумно. Когда он говорит, этому всегда рады и бурно аплодируют - аплодисменты из благодарности и от радости. Есть только одна единственная проблема с его речами: они почти всегда совершенно без слов. В непосредственном разговоре с Хельге можно в том, что он говорит, расслышать отдельные слова, но в его речах по поводу каких-либо праздников это не получается. У них чудесный ритм и превосходная форма; их тон решителен и все же мелодичен. Также и то, что Хельге пишет, имеет ясную форму, но лишено букв или слов. Высказывания идут прямо из его сердца и так же непосредственно находят путь к сердцам других. Деревенские жители слушают его охотно, воспринимают важные части его послания. То, что говорит Хельге, выражается с

помощью небольшого количества слов и очень содержательно. В жизни же часто бывает наоборот.

2.4 Два Лайфа в одной деревне

Они живут в одном доме и занимают одну комнату. Было бы проще, если бы они жили в одном и том же теле.

Один Лайф - назовем его Лайф I - сильный, неунывающий, деятельный человек. Можно было бы назвать его реформатором мира, если бы многое из того, что он делает, не кончалось бы плохо. Лайф I бегаёт, говорит и действует точно также, как те энергичные деловые люди, которые владеют современным миром. Он постоянно говорит, занят всевозможными проблемами в деревне, выступает на каждом деревенском собрании и инициативен в реформах.

Лайф II, напротив, робок, и у него тихий голос. Его обязанность - звонить в деревенский колокол. В этом он абсолютно надежен. Колокол звонит тогда, когда этого ожидают, и точно так, как этого ожидают. Он хорошо звучит. Когда нет Лайфа, в воздухе Видарозена совсем иная музыка. Свою работу в оранжерее он выполняет тихо, не торопясь, но более чем удовлетворительно. Он охотно беседует, но никогда не берет слова во время деревенских собраний.

Недавно Лайф I стукнул Лайфа II бутылкой. Он попал ему в лицо и выбежал из комнаты. Через некоторое время пришел я и нашел Лайфа II лежащим на диване. Травма была плохая, во всяком случае мне так казалось, так как до сих пор я не замечал, чтобы взгляд его глаз был раскоординирован. Но через несколько минут он снова был на ногах, и все его сердечно приветствовали.

Столкновение произошло в кафетерии. Дважды в неделю он становится ареной общественной жизни, но драк, насколько мне известно, там еще никогда не было. Применение физической силы в Видаросене столь же редко, как и в остальной Норвегии. Когда происходит нечто подобное, это вызывает большой шок. В данном случае жители деревни совершенно растерялись. Происшедшее означало, что такой человек, как Лайф I, не может оставаться долее в деревне. По крайней мере, надо было запретить ему приходить в кафетерий и подвергнуть его строгому наказанию. Тор пообещал предпринять на следующий день необходимые меры. Я вмешался и предположил, что преступник, может быть, сам уже наказал себя таким деянием. Тор согласился. Но выйдя из помещения, он подтвердил свою угрозу перед другой группой людей.

Почему же произошло несчастье?

Может быть, мы когда-нибудь найдем ответ на это. При поверхностном рассмотрении дело кажется довольно простым: "родителей" - то есть тех, кто выполняет обязанности хозяина и хозяйки дома - не было. Всегда, когда их нет, Лайф I теряет самообладание. Это граничит почти с законом природы: в первый раз он отрезал электропроводку к дому, во второй - отсоединил телефонные провода, после этого - газопровод, а теперь вот нападение с бутылкой.

Ранним утром следующего дня я встретился с Лайфом I. Тор, который накануне вечером клялся его наказать, шепотом пообещал не вмешиваться. Может быть, он почувствовал, что нельзя наказывать Лайфа больше, чем он сделал это сам. Долго он бормотал про себя: "Я не должен был это делать, я не должен был делать этого."

Боюсь, что он даже не слышал утреннего колокола, который звучал столь же чисто и полно, как и всегда.

2.5 Сегодня день Карен

Карен похожа на плотно смотанный клубок. По дороге в поле и обратно я часто прохожу мимо нее. Согнувшись дугой, сидит она на ступенях крестьянского дома и покусывает правую руку. Лицо ее искажено также, как и ее тело - большей частью в гротескной гримасе. Это почти всегда производит печальное впечатление. В редкие мгновения появляется робкое "привет!" или даже улыбка.

Карен живет в ближайшем к нам доме. Так как "родителей" в конце недели нет дома, Карен находится у нас.

Вечер закончился большим шумом. Мы все собрались в комнате и обсуждали различные возможности перестройки помещения. В дискуссиях всегда есть что-то зажигательное, порох для конфликтов. Карен исчезла из поля зрения.

Утром ничего не изменилось. На втором этаже шли обычные домашние работы. На третьем работал над рукописью мой гость, он ритмично барабанил на пишущей машинке. Царили мир и усердие, пока сильный шум не потряс дом. Карен пришла в неистовство. Она бегала от двери к двери и сильно шумела. Весь дом был порядком наказан. Руки Карен, да и все ее тело, были судорожно сжаты. Я крепко держал ее, не зная, хочет она этого или нет. Медленно разжимались ее руки. Мы, точнее я, говорили о всевозможных, незначительных вещах, о маленьких птицах, готовящихся на сосне к зиме, о людях в доме, о планах на этот день.

И тут наконец у Карен вырвался вопрос, нацеленный прежде всего на причину: "Кто это там, наверху, такой злой, кто так топчет по полу?" Ее руки снова сжались: "Кто там стучит по моей голове?"

Да, кто?

Вняв страхам Карен, я открыл их причину. Я вдруг услышал пишущую машинку моего гостя, словно далекие раскаты грома в нашем деревянном доме. Для меня это был символ творчества, для Карен же, напротив, сигнал крайней опасности.

Я все объяснил ей, и опасность исчезла.

2.6 Бегун

Большинство людей в деревне немного медлительны в смысле физических движений. Нечасто приведется увидеть кого-то из них бегущим. С детьми, конечно, это бывает, но взрослые имеют обыкновение ходить степенно. Причины тому, пожалуй, две. Деревенская община это место для созерцания, а соединять размышления и быстрый бег довольно трудно. Кроме того, многие из жителей деревни по природе своей медлительны, часто с физическими затруднениями. Они и определяют общий темп. Все идет так, как и должно идти.

Только один человек, назовем его Z, не придерживался этого. В несколько дней после своего прибытия он уже обследовал всю местность. Он знал каждый угол, почти все дома, в том числе и изнутри, и почти всех жителей, но их скорее внешне. Он постоянно находился в движении.

Для детей обитателей деревни Z был подарком судьбы, а они для него. Наконец-то появился скороход, взрослый человек с нормальным темпом (ему было двадцать три года, но он мне однажды признался, что чувствует себя тринадцатилетним), сказочная фигура из внешнего мира, товарищ и все же совершенно иной, нежели обычные друзья. Едва появившись, он уже возился на газоне с группой маленьких детей; они образовали "кучу-малу".

Мы инстинктивно вмешались. Малыши - да и не только они, Z тоже - были слишком на взводе. Мы сказали им, что они должны перестать, чтобы дать Z немного покоя и отдыха. А Z мы сказали, что соблюдение дистанции зависит от него, он в конце концов взрослый и должен поэтому обращаться со взрослыми людьми. Но все напрасно. Дети гонялись за ним, а он за детьми. И только строгие приказы могли их разогнать.

Через несколько дней мы узнали, что Z незадолго до этого обвинялся в развращении детей. Он находился под следствием в близлежащей тюрьме. Но один работник социальной сферы высказал мнение, что, может быть, Виразозен более подходящее для него место.

В свои родные места Z не мог вернуться. Вся Норвегия пережила моральное потрясение, потому что там маленькая девочка подверглась сексуальному надругательству и была убита. Подозреваемый и раньше совершал безнравственные поступки. Буря возмущения прокатилась по всей стране. Повсюду - конечно, и в Видарозене. Поэтому Z должен был удивиться, когда по прибытии в деревню одна из женщин-хозяек дома пригласила его к трапезе. Накануне вечером он спрятался за шкафом в спальне детей. Сухое пояснение женщины гласило, что и она, а не только дети, желала бы познакомиться с новым обитателем деревни.

Мы решили положить конец его вечерним прогулкам. Несмотря на его громкие, граничащие с бунтом протесты, мы заставили Z либо оставаться вечером дома, либо приглашать провожатых, если ему куда-либо надо пойти. Четыре дня и тем более ночи это действовало. На пятый вечер Z поймали в кафетерии, где он взламывал кассу. Следующий день был днем его рождения.

Ему обещали, что он ненадолго сможет отправиться домой. Его мать спекла пирог, и дедушка с бабушкой хотели приехать в гости. Но мы повезли его в тюрьму, в связи с тем, что и ему, и нам нужно было время для размышлений. При этих словах он совершенно сник, но мы все же сделали так, как вознамерились. Доступ к деревенскому сообществу мыслился как альтернатива аресту; Z был единственным человеком с таким статусом. Таким образом, мы были вправе возратить его в место заключения. Две недели спустя его снова приняли в деревню.

Недавно его темп замедлился. Этому может быть два объяснения. Или мы его выдрессировали, укротили и сделали одним из этих медлительных и скучных взрослых, или же он сам больше не испытывает потребности в беготне, потому что стал действительно взрослым человеком.

Бывает, что Z ловко работает руками. Он может, например, хорошо починить велосипед. В деревне бывает до десятка сломанных велосипедов. Z делает чудеса. На наших глазах велосипеды один за другим превращаются из груды обломков в сооружение, способное ездить. У Z больше нет прежних оснований бегать, как зверь в клетке. Часто люди останавливают его и просят у него совета.

Но это не означает, что жизнь для Z или вместе с ним стала легкой. Собственно, это не тот человек, которого можно любить; чаще всего он отталкивающе грязен, плохо ведет себя за столом, вместо того, чтобы прилично сидеть на своем стуле, почти нем за едой и безмолвно указывает на блюда, которых ему хочется, вместо того, чтобы спросить об этом.

С одной стороны так, с другой эдак.

Его лицо постепенно принимает новое выражение. Например, гордая ухмылка, когда он кладет сыр на свой бутерброд. Он знает, что некоторые из нас убеждены в том, что телу в дополнение к сахару, мармеладу и сиропу нужны и другие строительные вещества. Или, скажем, то. напряженное внимание, с которым он слушает, чтение книги Михаэля Энде "Бесконечная история"

Когда Z снова прибыл в деревню, я думал, что он пробудет в ней дня четыре. И вот прошло уже пять недель. В эти выходные он у своих родителей. С одной стороны - это хорошо, с другой - плохо. С одной стороны, хорошо какое-то время не заниматься теми драмами, которые он провоцирует. С другой стороны, жизнь кажется нереальной, когда нет Z. Отсутствует вызов. Ложка, полная Z, ежедневно удерживает нас от нереальности.

Постскриптум: Z провел в деревне несколько месяцев. Его вновь приобретенные интересы оказались столь устойчивыми, что он отважился находиться вблизи девушек и взрослых. Но вскоре он стал слишком дерзок, связывался сразу со многими девушками. Некоторые выискивали подробности из его прошлой жизни. Сначала его спас переезд в другую деревню. Некоторое время он работал там как очень надежный помощник на крестьянском подворье. Потом вдруг некоторые из близлежащих домов оказались обворованы. Теперь Z снова арестован. Есть границы того, что могут и хотят осилить деревни. Но мы надеемся, что третья деревня примет его после освобождения из заключения.

2.7 Те, кто выглядят обрешими себя

Вне деревенской общины довольно многие из ее членов испытывали бы значительные трудности. Они отличны от нас, может быть, не могут читать, говорить или зарабатывать на жизнь. Альтернативой жизни в деревенском сообществе для них часто является медицинское учреждение или жизнь в крайней изоляции - причем пожизненно.

Большинство жителей деревни кажутся относящимися к другой группе. Осторожная формулировка "кажется" выбрана сознательно. Многие из них были в состоянии самостоятельно существовать до того, как попали в деревню; и те немногие, кто снова покидают деревню, по возвращении к нормальной жизни найдут себя - так или иначе, как и все мы. Но что это, собственно, означает, найти себя в нормальной жизни? Имеет ли это отношение к тому, живешь ты в приюте или нет? Связано ли это со степенью удовлетворенности, с чувством самореализации, с сознанием, что ведешь исполненную смысла жизнь и эта жизнь полностью соответствует собственным представлениям?

Большинство жителей деревни в своем прошлом были способны справляться самостоятельно. Но у некоторых были серьезные проблемы, у других позади сложный, изменчивый путь, неустанное внутреннее и внешнее скитание. Еще кто-

то потреблял наркотики, на ком-то тяжелый след оставили трагические обстоятельства.

Довольно много в деревне иностранцев. В большинстве случаев речь идет о молодых людях, которые на год-два отправляются за границу с целью найти себя. Большой частью они выросли в аналогичных поселениях в других странах. Для жизни в деревне это хорошо, что многие жители прибыли из других мест. Их социальные связи не так сильно простираются вовне.. Поэтому их социальная деятельность направлена вовнутрь, на самую деревню. Когда они, например, знакомятся с местностью, они большей частью делают это вместе с другими жителями деревни. Так что никто не остается со своей ущербностью в одиночку.

Я часто привозил в деревню друзей или целые группы студентов. Обычно я им перед этим не рассказываю, кого они там встретят. Лучше, если люди встречаются непредвзято. Посетители непосредственно встречаются с обитателями, расходятся по деревне, гостят в домах, где за чашкой кофе беседуют с хозяевами.

Вслед за этим неизбежно возникает вопрос: кто есть кто? Кто эта девушка в желтом платье? Или тот высокий мужчина, что не сказал ни слова? За такими вопросами обычно стоит желание узнать, кто нормален и более важен, а кто не вполне нормален.

Раньше я охотно участвовал в этом. Со знанием дела отвечал на вопросы, выстраивал жителей деревни в ряд перед своим духовным взором с целью классификации, а потом объяснял, кто из них умственно отсталый, кто душевнобольной, кто просто странный, а кто даже слишком нормальный. Но с годами интерес к подобному занятию исчез. Когда с людьми знакомишься в разных жизненных ситуациях, становится все труднее относить их к той или иной примитивной категории. Людей, которых мы знаем лишь отчасти, легче назвать сумасшедшими или умственно отсталыми, наркоманами или преступниками; власти своими требованиями вынуждают нас к такой классификации. Это, между прочим, цена социальной изоляции и содержания в приюте. Чем лучше мы узнаем соотечественников в разных ситуациях, тем непригоднее такое приклеивание ярлыков. Кто-то в нашем квартале, может, и "уголовник", но уж никак не мой собственный сын. Я; слишком много знаю о нем, всю его историю, знаю его великодушие, его неумение владеть собой, и его нереалистичный оптимизм - все это вместе заставило его, возможно, что-то позаимствовать", не спросив, то есть сделать точно то, что на языке закона называется воровством. Пусть он украл, но для тех, кто хорошо его знает, он никак не вор. Всякие же классификации быстро становятся маленькими тюрьмами, у них четко обозначенные, жесткие границы, и, собственно говоря, занимающиеся этим ни к кому не относятся справедливо. Чем больше мы кого-то знаем, тем менее-полезны и более опасны подобные классификации. Ярлыки прилипают. И тот, кому его прилепили, возможно, принимает отведенную ему роль. и становится тем, кем его называли.

Понимание этой опасности отражается в уставе деревень. Там говорится:

"Деревни ставят своей целью создать такие формы совместной жизни, которые полезны как каждому члену, так и всему сообществу. В них, живут люди, имеющие различные способности и затруднения в развитии, и все они должны получить возможность, при всех своих различиях и индивидуальных качествах, участвовать

в совместной жизни. Такие понятия, как "пациенты" или "обслуживающий персонал", лишены оснований."

И то, что в этой главе нет ни перечисления всех категорий людей, ни обзора их численного" распределения по отдельным деревням, это тоже соответствует как опыту, приобретенному во время пребывания в общинах, так и их основным принципам.

Но определенное разграничение, несмотря ни на что, все же проникло в общины, и этому трудно воспрепятствовать. Использование его наталкивается на сопротивление. Чаще всего встречается различие между теми, кого можно назвать обитателями деревни, и сотрудниками. Обитатели деревни это в основном те, кто не может сам о себе заботиться. Большинство из них получает своего рода пенсию от государства. Сотрудники - это, напротив, те, кто, кажется, мог бы справиться со всем в одиночку. Другое различие существует между теми, у кого есть счет в банке, и теми, у кого его нет. По закону лица, получающие пенсию по нетрудоспособности, обязаны определенную ее часть откладывать для личных потребностей. Поэтому все обитатели деревни имеют немного денег в банке, в то время как сотрудники совсем не обязательно располагают личными средствами.

Названные различия не только не резкие, но и не вполне логичные. Поэтому они нередко вызывают разочарование и путаницу. Все, кто живут в общине - обитатели, независимо от их способности или неспособности вести жизнь вне общины. И все они в то же время сотрудники. Действующие в деревнях основные принципы совместной жизни подчеркивают в уставе равенство всех, а не неравенство.

Но пока деревенские сообщества функционируют в таком обществе, как наше, подобные различия остаются, несмотря на их нечеткую выраженность и нелогичность. Нужно водить автомобиль, и не каждый может это сделать. Телефон существует для того, чтобы им пользоваться, даже если кто-то и не умеет с ним обращаться. Всюду расходуются деньги, и одним это удастся легче, чем другим. Кто-то должен месяцами набивать стружками кукол, другой чистить коров, третий звонить в колокол, а кто-то писать письма. Много сил в деревне уходит на то, чтобы держать технику на уровне, соответствующем большинству обитателей. Но все технические достижения невозможно отменить, и таким образом в деревню переносятся требования, существующие в остальном обществе. Независимо от принципа равенства в жизнь проникают некоторые существенные различия. Снова оживает тенденция мыслить категориями. Так, есть различие между теми, кто имеет деньги, и теми, у кого их нет. Сначала появляются условия, и лишь потом следуют понятия. И все же в деревенских общинах меньше противоречий, чем во всякой другой из известных мне общественных систем. К этому надо добавить, что встречающиеся там различия становятся тем менее значимыми, чем дальше находишься в деревне. Часто упоминаемый идеал состоит в том, чтобы стать жителем деревни. Чтобы все стали деревенскими жителями.

Установив, что организационная форма деревень преодолевает общепринятые диагностические классификации, и это сознательно закреплено в их уставе как желаемое, мы тем самым сделали первый шаг к пониманию, что же за феномен представляют собой эти деревни. Теперь мы можем нанести их на социологическую карту мира.

На этой карте два континента. Один из них охватывает людей в их взаимосвязях. Он имеет дело с совместной жизнью, с взаимозависимостью, с объединениями и общественными формами. Часто речь при этом идет о нюансах, а не о контрастах, о постоянном изменении, а не о стабильности, здесь возникают сомнения и многозначность. Этот континент едва ли можно выразить в цифрах, то есть статистически.

Другой континент на социологической карте мира включает не группировки, а классы; его главные достоинства в ясности и возможности истолкования. Поэтому он пригоден для статистики. Статистические понятия это не только цифры, но и мыслительная система. Она предполагает, с одной стороны, совершенно определенный образ мыслей, а с другой стороны оказывает влияние на мышление. Статистики описывают не только то, что уже существует как явление, но и активно содействуют появлению новых понятий. При этом феномены должны быть отнесены к определенным категориям, чтобы их можно было выразить в цифрах. Поделенные на категории и тем самым отделенные друг от друга, они могут быть полезны в крупных организациях, институтах или государствах.

В этой главе рассмотрена жизнь первого социального континента. В кемпхилл-поселениях - а речь идет именно о них - мы встретились с объединением людей, которые с трудом поддаются классификации. Большинство людей постоянно меняются, и все же там они в отношении основных своих качеств рассматриваются как подобные друг другу, и именно в том пункте, в котором специалисты, союзы и правительства обычно обнаруживают явные различия. Это наводит на мысли, из которых следует один из главных признаков таких деревень: деревенские общины способствуют совместной жизни, которая никак не хочет укладываться в категории, как это удобно для государства и статистики. Поэтому их можно считать маленькими островами сопротивления господствующему в государстве стремлению разносить людей по определенным категориям.

3. "СЕМЬИ"

Пять деревень. Разный ландшафт, климат, разные люди; совершенно разные культурные регионы. И все же они похожи. Если ты побывал в одной из них, то знаешь и остальные. Впрочем, это не совсем так, потому что каждая деревня имеет свой собственный стиль жизни, свое собственное индивидуальное лицо и свою собственную гордость. И все же, переезжая из одной деревни в другую, открывая дверь, чувствуешь себя опять дома.

Это сходство объясняется многими причинами, и я надеюсь на следующих страницах показать их. Прежде всего, оно основано на том, что многие люди живут в домах, не соответствующих нашим представлениям о норме. Далее, важную роль в совместной жизни играют определенные основные принципы - принципы, которые сильнее региональных различий в культуре, в людях, климате или ландшафте. Сходство деревень связано со стилем жизни в семейных объединениях, стилем трудовой и культурной жизни. И оно состоит в том, что не все рассматривается в финансовом аспекте.. Но начнем с семей.

3.1 Совместный образ жизни

"Идиоты, придурки, злодеи! Так называли бы широкие круги населения значительную часть тех, кто живет в деревнях. Но там много и таких, кто просто предпочитает жить в деревенском сообществе. Может быть, они в основном нормальны - а может быть, и нет, может, мы просто не открыли их особенностей. Во всяком случае, в деревнях встречаются всякие вариации. Некоторые из тех, кто приезжает туда, годами были заключены в камеры, потому что считались социально опасными. Другие приезжают с надеждой придать смысл своей жизни. Кто-то его находит, другие, напротив, недовольны и при первой возможности покидают деревню.

Те же, кто остаются надолго, живут в семьях, объединяющих разных людей. Это высший принцип этих деревень: там нет разделения по "способностям" или "нормальности". В каждом доме вместе живут нормальные и не совсем нормальные люди. Большинство из них имеют собственную комнату, но нет отдельного помещения для жильцов с необычным поведением. Кто-то, кому нужна защита от шума, получит комнату, расположенную в глубине, но дальше этого разделение не идет.

Тот же принцип относится и к использованию совместных помещений; они тоже предназначены для всех. Он же справедлив и для важнейшего из всех домашних мероприятий: трапезы. В доме, как правило, один большой стол, за которым все жильцы сидят вместе.

Мать семейства или отец семейства часто сидят во главе стола и заботятся, чтобы каждый получил то, что ему нужно. Маленькие дети часто сидят со своими родителями. Некоторые родители в виде исключения кушают в собственных комнатах, поскольку совсем маленькие дети требуют особого внимания, а общество за столом для этого слишком велико. Также и некоторые пожилые люди завтракают в одиночестве, если чрезмерное общение их утомляет.

Но это редкие исключения. Обычно это большой стол, за которым все вместе сидят и беседуют. Иногда беседуют лишь двое или трое, может быть, потому, что обсуждается тема, за которой другие не могут следить. В некоторых домах это почти входит в распорядок дня. Как и вообще в совместной жизни, здесь считается невежливым обособляться в общем помещении, и потому воспринимается неодобрительно. Нормой является общее участие.

В каждой семье есть кто-то, на ком лежит особая ответственность за все домашние дела. Почти всегда речь идет не о том, кто получает пенсию и потому считается имеющим затруднения развития. Но и здесь бывают исключения, в некоторых семьях основную ответственность несет кто-то, кого явно можно считать ущербным. Такие ответственные называются "мать семейства" и "отец семейства". Некоторые из них супруги, у кого-то собственные дети.

После завтрака все обитатели дома, за исключением матери или отца семейства, отправляются куда-либо на работу. В некоторых случаях отец или мать тоже покидают дом, хотя бы на полдня. На это время приходит кто-нибудь из другого дома, потому что домашние обязанности - как, например, уборка и приготовление пищи - считаются работой и выполняются Другими людьми. Считается важным разграничивать жилище и рабочее место.

Как во время обеда, так и вечером, незадолго до начала культурных мероприятий, дом снова наполняется. Также и субботний вечер, и воскресенье становятся временем оживленной деятельности в семьях.

Все это звучит довольно мирно, как будто будни в деревне гармонически организованы, хорошо спланированы и предсказуемы, но это не так. Я хотел бы дать описание распорядка одного совершенно обычного субботнего дня с точки зрения вполне нормального сотрудника. Необычно в этой ситуации лишь то, что в этот день дома нет ни отца, ни матери семейства.

В этот день:

- А уже с утра болен и жалуется на боли в желудке,
- В не убирает свою комнату и не чистит лестницу,
- С должна готовиться к вечернему чтению Библии, но слоняется вокруг комнаты В,
- Д решает по крайней мере убрать лестницу вместо В, но пылесос не включается, так как В в доказательство своей физической силы слишком сильно закрутил шланги, и у меня тоже недостаточно сил,
- А становится все хуже, и он жалуется, что может умереть, а я не могу вспомнить имя медсестры и не знаю, где она живет.
- К счастью, мимо проходит один из сотрудников и говорит мне, как ее зовут, но теперь телефон не работает, а другой аппарат внезапно исчез.
- А все больше жалуется, и С, которая все-таки пробирается в комнату В, просит меня проследить за яйцами, которые она как раз в это время варит, и когда я в конце концов заставляю В работать, приходит медсестра и просит настой ромашки, но у нас в доме его нет, и я прошу Е быстро сбегать к соседям, чтобы одолжить, но Е, не умеющий читать, настаивает, что у нас дома есть настой ромашки, и в доказательство того, что нет необходимости бежать к соседям, тащит меня к полке с двадцатью жестянками, которые я перед этим уже просмотрел. Таким образом, я мчусь сам и приношу настойку, и, конечно, забыл о яйцах, так что С очень сердита на меня.
- Тут из комнаты А выходит медсестра и сообщает, что он смеется во весь рот. Все, что ему необходимо, это немного внимания.

И это день, когда:

- яйца не так уж плохи, и я прощен,
- Д наконец справился с пылесосом и рад, что пропылесосил лестницу,
- В в конце концов убирает свою комнату, и я вспоминаю, что слышал, будто С не может иметь детей и поэтому мне не нужно беспокоиться о последствиях романа, который, может и заключается-то лишь в том, что вместе съели плитку шоколада. И когда я иду в комнату А, он все еще расплывается в улыбке и полон сил, так что прижимает меня к стулу; потом крепко берет меня за руку, а другую прикладывает ко лбу.

Это был день, как и всякий другой день в деревне. .

3.2 История о Видаре и чае

Большинство людей, сидящих в семье за большим столом, как будто бы глупы. Это бросилось мне в глаза, когда я только что приехал в одну из деревень и

ужинал. За столом сидело с десяток людей. Видар спросил, не хотим ли мы еще чаю, и налил всем. Не дрогнув, не пролив ничего. Ни капли не упало мимо. Видар не только считается человеком с затрудненным развитием, он также и слеп. Но суть истории не в том, что слепой, отнесенный к духовно неполноценным Видар налил нам чаю. Все дело в поведении остальных, присутствовавших за столом. Для них было само собой разумеющимся, что Видар налил чаю, и царил атмосфера полного доверия. Мне кажется, я заметил тогда лишь один бдительный взгляд того, кто был особенно ответственен за накрывание на стол, но не было никакого вмешательства и никаких комментариев. Это не могло быть запланировано. На следующий день я спросил об этом у одного своего знакомого. Он подтвердил, что в этом не было никакой стратегии; все это никогда не обсуждалось в семье.

Единственная опасность, которая, на мой взгляд, угрожает этому кругу людей за столом, состоит в обилии помощников. Я не имею в виду помощников по профессии, потому что их нет в повседневной жизни деревенских общин, по крайней мере в их профессиональном качестве. Я имею в виду слишком усердных помощников, таких, которые хотят сделать доброе дело, они-то и представляют истинную угрозу. Деревенские объединения привлекают молодых людей, которые только и ждут возможности поучаствовать в деревенской жизни. Многие из них инстинктивно бы подумали, что надо взять чайник из рук Видара, или отстранили бы его от основной работы в домашнем хозяйстве, от вытирания посуды. Правда, Видар делает это раз в день в дополнение к другим своим обязанностям вне дома. Чтобы защитить его и других, в деревне не заводят моечных машин. И именно для его защиты некоторые из молодых людей, которые могли бы поддасться искушению оказать слишком большую помощь, должны есть отдельно, в комнате, где нет никого из тех, кого раньше называли душевно больными, слабоумными, слепыми или калеками. Из юных помощников получились не совсем полноценные люди, от которых надо защищать других.

Молодые люди знают это совершенно точно. Они борются за то, чтобы получить доступ, чтобы познать жизнь сообщества во всей ее полноте и обрасти разного рода учителей в важнейших жизненных вещах.

Эта борьба не прекращается. В Видарозене было по крайней мере три попытки разграничить жилища и оставить некоторые дома для совершенно определенных целей. В них должны были находить отдых здоровые молодые люди, временные гости или просто те, кому нужен отдых. Но это не получилось. Молодые люди становятся еще моложе, будучи предоставлены сами себе; гости не приезжают, а те, кто нуждаются в отдыхе, начинают задаваться вопросом, что же такое, собственно, отдых. Отсутствие шума, смеха, даже слез? Один из многих опытов деревенской жизни состоит в том, что отношения в семье омрачаются, если разнообразие ее членов сильно ограничено. И люди впадают в уныние, будучи заняты лишь собственными проблемами и личными нуждами.

3.3 Важно, но не решающе

Домашний быт представляет в деревнях явно меньшую ценность, нежели это принято на северо-западе Европы. Жилища, например, обставлены проще, без претензий; мебель не вполне соответствует обычным скандинавским стандартам, и

маленькие символы личной жизни присутствуют не в том количестве, как обыкновенно. Вообще вещей примерно столько же, сколько бывало прежде в южных странах, и причины этого, вероятно, те же. На юге Европы жизнь большей частью проходила публично - естественное следствие как климатических условий, так и особенностей строительства и социального устройства в этих странах. Как возмещение климатических трудностей севера в Видарозене и других четырех деревнях множество общественных зданий. Негативное отношение к потребительской психологии ограничивает накопление имущества в жилых помещениях, а организация совместной жизни выманивает жителей деревни из жилых домов. Кроме того, свобода личной сферы - часто связываемая с обособленной жизнью в стенах дома - имеет там гораздо меньшее значение.

3.4 Одиночество без уединения

Когда живешь в одном из описанных семейных сообществ и испытываешь радость от такой формы совместной жизни, невольно возникает вопрос о критериях оценки жизни семьи. Является ли дом тем местом, где черпают энергию? Место ли это бегства в покой, или же это арена творческой деятельности? Самоцель или часть общего процесса? И какое значение имеет пребывание в одиночестве, переработка впечатлений, полученных в других сферах жизни, зализывание ран, нанесенных там, отдых?

Тема потребности в уединении часто затрагивается приезжающими в деревню гостями. "Как это вы можете целый день быть среди других людей, никогда не побыть одному, не иметь времени для себя?"

Разгадка, может быть, в отсутствии притворства. Потому что большинство живущих в этих деревнях не очень-то ловко умеют притворяться или скрывать свои мысли. Тем самым возникает превышающая привычные масштабы степень честности. Значительную роль при этом играет также организация социальной жизни. Как будет видно из последующих глав, она нацелена на постоянное совместное пребывание почти во всех сферах повседневной жизни. Там каждый знает каждого, и не только дома, но и на рабочем месте, во время культурных мероприятий, в свободное время. Целостность, с которой каждая индивидуальность предстает всей деревне, это результат встреч в самых разных жизненных ситуациях. От этого возникает и потребность в постоянстве. Если же кто-то привык играть определенную роль в какой-либо сфере общественной жизни, а в других вести скрытое существование, здесь это у него вряд ли получится. Напротив, в характерах людей, которых мы встречаем в деревне, не ощущается противоречий. Для них, естественно, понятие дома имеет совсем другое качество. Вероятно, поговорка "мой дом - моя крепость" и общее стремление к защищенной жизни дома, доводящее в худшем случае до одиночества, указывают на существование второй жизненной реальности, мира иллюзий, в котором носят маску. Дом при этом становится местом, где маску можно снять, и обнаруживается второе "я"; это место полного уединения, свободное пространство, дающее возможность примирить тот свой образ, который показывают публично, с тем, что живет внутри. Жизнь в деревне представляется совершенно иной. Из-за своеобразия жителей деревни и специальной формы организации сообщества это

жизнь, не знающая маскировки. Поэтому уединение не имеет там первостепенного значения. Ведь если почти все известно, и скрывать-то практически ничего не нужно. Благодаря этому легче быть самим собой в обществе других. И потому в сообществе можно почувствовать ту свободу, которую обычно связывают с представлением об уединении.

Эта интерпретация, вероятно, несет в себе ключ и к более глубокому пониманию совсем иного опыта. В своей жизни я провел много времени с разными группами необычных людей. большей частью это были личности, которых называли умственно отсталыми, но были среди них и такие, кто слыл сумасшедшим или очень испорченным. Со временем я установил, что во мне возникло пристрастие к такого рода обществу. Я знаю, что в этом я не одинок. Люди, которые слыт умственно отсталыми, сумасшедшими или очень дурными, имеют нечто общее друг с другом не то, что их поведение отклоняется от определенных норм, но скорее то, что оно последовательно, и правдиво. В отличие от большинства из нас, эти люди либо выше любой формы притворства, либо неспособны притворяться. В крайних случаях бывает наоборот. Они большей частью очень стараются слыть нормальными. Но в тех, кто неизбежно стоит на ложном основании, ощущается та подлинность, которая действует очень притягательно.

Нора заглянула ко мне после того, как неделю активно участвовала в моем семинаре о психиатрических учреждениях. Она имеет, очевидно, большой опыт таких заведений и очень ранима. Она совершенно перевернула мой семинар вверх дном; какое-то время там был полный хаос. После семинара она сразу же возвратилась в клинику, чтобы немного отдохнуть, но скоро снова вышла и навестила меня. Она не стремилась дать отпор, не притворялась и потому побудила и меня отбросить всякое притворство. Такие посетители создают особого рода мир в тесных стенах бюро, мир, который остается надолго.

Но и эта история верна лишь отчасти. Я не знаю Норы. Я никогда не узнаю ее. Я не знаю людей, которые живут в деревенских общинах, и, конечно, не знаю себя самого. Может быть, это связано с уважением. Жизнь в этих сообществах предоставляет редкую возможность принимать других людей так и ми, какие они есть. Это включает и терпимость к тому, что мы не все знаем друг о друге. Потребность в одиночестве уменьшается вместе с претензией быть как все. Люди, которые не соответствуют норме, создают свободное пространство, и не только вокруг себя, но и вокруг тех, кто соприкасается с ними. Кэмпхилл-поселения представляют собой социальные системы, вполне пригодные для того, чтобы способствовать этому процессу. Они создают пространство для близости, но также и для одиночества без уединения.

3.5 Любовные связи

В первой редакции моей рукописи этого раздела не было, и критики настойчиво на это указывали. Они писали: "Читаешь Вашу рукопись, и создается впечатление, что в этих "семьях" нет личных тайн. Прежде всего кажется, что там не существует никаких сексуальных отношений. Разве у жителей деревни нет потребности в любви и чувственности? Что там происходит в домах?"

То, что вначале у меня ничего об этом не было сказано, уже в какой-то мере отвечает на эти вопросы. Отсутствие отразило тот факт, что деревни являются довольно нормальными жизненными сообществами. Правда, там меньше притворства, чем обычно, но в отношении личной жизни и нежелания говорить о ней деревни едва ли отличаются от остального общества. Поэтому не приходит в голову исследовать любовную сторону жизни деревенских сообществ, и я знаю об этом немного, не больше, чем о сексуальных отношениях моих соседей и друзей в Осло. Деревни - это не учреждения, и обзор там ограничен. Нет системы контроля, как это принято во многих приютах и институтах. Люди влюбляются в деревнях точно также, как и везде. Некоторые, но немногие, поселяются вместе. Другие живут вместе, но это не особенно бросается в глаза. Я думаю, что многие из тех, кто живут в одиночку, получают сексуальное удовлетворение, занимаясь онанизмом. Как и везде, в Видарозене некоторые связи быстро рвутся; как и повсюду, есть люди, явно нарушающие общепринятые нормы, либо вызывающие своим поведением столько конфликтов, что возбуждают всеобщее недовольство. Сверх того, для некоторых жителей деревни довольно трудно бывает самим осознать собственные потребности. Это может быть одной из причин того, что среди так называемых людей с затрудненным развитием известно мало случаев беременности. Некоторые используют противозачаточные средства. Но среди своих соседей я не знаю ни тех, кто это делает, ни тех, кто этого не делает. И я не настолько бесцеремонен, чтобы спрашивать об этом. Не спрашивал я об этом и жителей Видарозена. Это было бы как-то ниже моего и их достоинства.

Общие же помещения предназначаются для всех. В одном из них я встретил недавно Гудрун, но новую Гудрун. Я видел ее мельком, как она медленно шла за колоннами. Она так изменилась, что я не сразу понял, что эта женщина Гудрун. Я взглянул еще раз, да, это действительно Гудрун.

Она первой приехала в Видарозен. Ее брат - один из основателей деревни, он хотел ей помочь. Гудрун там понравилось, и все же ее жизнь была какой угодно, но только не счастливой. Собственно, она ловко мыла полы, но все, что она делала, сопровождалось гневом и страшным шумом. Лицо ее всегда было нахмуренным. Она мямлила, внешне была похожа на ведьму и излучала беспокойство.

Такой была Гудрун прежде, до того, как я увидел ее за колонной. Теперь же она совершенно переменялась. Ее объял покой. Ее лицо излучало радость. А причина - у Гудрун теперь был Йоган. Незадолго до этого они познакомились на встрече двух деревень. Йоган, крупный и довольно степенный мужчина, был из другой деревни. Через неделю после встречи он упаковал свой чемодан и переселился в деревню Гудрун. В следующем году они обменялись кольцами в самолете, перелетавшем Альпы. Это была как история из рекламного журнала, но конец оказался довольно реалистичным. Теперь они живут в смежных комнатах и довольно много времени проводят вместе. Значительная часть этого времени заполнена громкими ссорами. Я не знаю, как обстоит дело с их интимной жизнью, и даже мысленно не подумал бы спрашивать их об этом, но я разделяю как общую радость оттого, что они встретили друг друга, так и общую озабоченность тем, что их союз может распасться.

4. РАБОТА

1 Опасная техника

Редким видам всегда угрожает опасность истребления. В современном мире деревенским сообществам угрожает совершенно особая опасность. Они не очень многочисленны, и те немногие, которые есть, расположены далеко от друга. Во многих отношениях они находятся в резком противоречии с господствующей культурой и потому должны проявлять максимум рассудительности и благоразумия, чтобы защитить себя от того, что во внешнем мире считается бесспорным. Позвольте мне пояснить это на примере следующих историй о технических средствах. В обширных регионах индустриального мира это само собой разумеющиеся приспособления. Для жителей деревни они, напротив, несут с собой большие проблемы. Вначале история одного поражения.

Местный телефон

В прежние времена в Видарозене было два почтальона. Это были важные персоны, они носили форменную фуражку и возили с собой сумку с почтой. Свою работу они выполняли с большой гордостью. Полные достоинства, разносили они почту из основного ящика дальше по домам. Дополнительно они вручали и внутренние послания. От их надежности зависел информационный поток. Без них деревня оказалась бы в бедственном положении.

Сегодня это совсем не те почтальоны, что когда-то. Их работа не столь творческая, потому что половину своих обязанностей они утратили из-за телефона. План установки внутренней телефонной сети заранее обсуждался на одном из собраний административного совета. Были сильные протесты. Но, несмотря на это, через несколько лет телефоны появились без одобрения совета, и часть прежних забот исчезла.

Резкие протесты раздались снова. Некоторое время противники телефона еще могли препятствовать вводу одной из новейших систем, она была установлена, но не подключена. Но это не помогло. Когда эта книга печаталась, уже действовала совершенно новая и особенно рациональная система, которая была так сложна, что в первом руководстве к ее использованию упустили существенный пункт. Это обстоятельство объединило всех в одном чувстве нетерпения. Новая, исправленная редакция инструкции уже готова, и укажет нескольким избранным путь к использованию названной системы коммуникации. В социальном отношении это имеет три последствия. Первое - исчезновение ряда забот. Во-вторых, возникают ситуации, усиливающие различие между "ними" и "нами". И третье - и это тоже очень существенно - наличие местного телефона привело к тому, что число людей на улицах и дорогах значительно уменьшилось. Вместо маленькой экскурсии к соседу с целью передать какое-то известие теперь используется телефон. Это, конечно, удобно, но для общения представляет угрозу, как увидим позже.

Посудомоечные машины

Вокруг этих приспособлений двадцать лет шла война. В учреждениях, служащих здравоохранению, требованиям гигиены отводится высший приоритет. Вначале деревенские сообщества относились к компетенции министерства здравоохранения, то есть были сферой врачей и медсестер. Представители здравоохранения боролись с болезнетворными микробами, а моечные машины ведь надежные стерилизаторы.

Но они уничтожают также рабочие места. Моечные машины выполняют именно ту работу, которая с одной стороны является особенно подходящей для многих жителей деревни и с другой стороны способствует общению у мойки. Но речь идет о тяжелой работе. Как было признано, посуда в деревнях не всегда находится на уровне, пропагандируемом министерством здравоохранения. Когда приезжают чиновники здравоохранения, в деревнях бьют тревогу. В этом случае, местный телефон действительно полезен. Срочно осматриваются столовые приборы, тарелки и кастрюли, но проверяющие констатируют наличие еще слишком большого количества болезнетворных микробов.

Деревенские сообщества в общем придерживаются мнения, что стерильная среда может иметь и негативные последствия, но тем не менее пошли на некоторые уступки. В кафетериях деревень, например, среди гостей много людей со стороны. Так как гости большей частью не привыкли к местным видам бактерий, здесь терпят моечные машины. Но не в жилых домах.

Сельскохозяйственное оборудование

Крестьянские подворья в деревенских объединениях ведут хозяйство по биологодинамическому принципу. Самое существенное в нем - это попытка сделать природу союзником, а не потенциальным врагом. Сельское хозяйство и садоводство представляют собой не постоянную борьбу с природой, а скорее сотрудничество с ней. Для этого необходимо вначале наблюдать, исследовать и изучать хозяйственные процессы; потом можно помочь природе дать больше нужного людям. Пестициды здесь запрещены; вместо этого пытаются усилить природную систему борьбы с сорняками или другими нежелательными явлениями. Запрещены также и искусственные удобрения, вместо этого применяются большие количества компоста. Различие между биологическим и биолого-динамическим земледелием состоит в том, что последнее, подобно гомеопатии, основано на определенных веществах, о которых известно, что их действие усиливает воздействие других средств; они добываются специальным методом зимой и позднее вносятся в землю. Впрочем, в биолого-динамическом земледелии точно следуют и старым крестьянским правилам. В соответствии с ними сев, например, производится только тогда, когда Луна и звезды находятся в самом благоприятном расположении, причем оно может быть совершенно разным в зависимости от вида посевного материала.

Предлагаемая книга занимается специальными структурами деревень, а не их сельским хозяйством. Поэтому наше внимание занимает не то, какой вид сельского хозяйства дает больше зерна или больше молока, но, напротив, в чем состоят социальные последствия различных видов сельского хозяйства.

Биологическое и биолого-динамическое земледелие имеют следующее сходство: они используют дождевых червей. Дождевые черви считаются союзниками в получении хорошей структуры почв. И этим определяются допустимые типы сельхозинвентаря. Это не могут быть тяжелые орудия, иначе земля скатывается в комья, а дождевые черви давятся. Исключаются и пестициды, потому что они истребляют не только сорняки, но и дождевых червей. Но применение легких инструментов означает, что приходится ограничиваться как в старину лошадиной силой и физической силой человека. Отсутствие пестицидов иногда проявляется в том, что сорняки начинают буйно расти, и тогда человеческая сила становится единственным средством борьбы с ними. Это имеет свои преимущества и недостатки. Хорошо, что используются руки помощников, в том числе и тех, кто не так прилежен, как многие другие. Но плохо становится в дождливый день. Все промокает до нитки, и настроение падает. Поле соседа выглядит прекрасно, сорняков не видно из-за пестицидов, которые он внес в прошлом месяце, сидя на высоком сиденье своего огромного трактора. Да и жители деревни хотели бы иметь каникулы, посетить свои семьи или отправиться путешествовать. Крестьянин и горстка помощников остаются одни именно в те недели, когда более всего нуждаются в помощи других людей.

И вот уже появляется искушение. Поля можно было бы обрабатывать трактором лучше, чем на лошадях, и большой трактор здесь оказался бы полезней, чем маленький. В конце концов у крестьянина тоже есть честь, и его земля - его гордость. Кроме того, большой трактор легче сможет зимой очистить дороги от снега. Из уважения к мощному трактору выдвигается даже требование расширить узкие деревенские дороги до настоящих улиц, чтобы с помощью трактора расчищать их от снега. Некоторым жителям деревни с трудом дается ходьба. Есть трудности и у пожилых сотрудников. Мощный трактор мог бы ранним морозным утром посыпать оледеневшие улицы песком, прежде чем кто-либо из немощных жителей деревни выйдет из дома. И вот как окончательный результат оценки этого дела с учетом общего удобства, интересов и фермеров, и чиновников здравоохранения встает вопрос, не стоит ли безопасность жителей деревни больше, чем дождевые черви.

После этого во всех пяти деревнях были приобретены тракторы. Но не доильные аппараты. Коровы доверены людям, и заботливый уход за этими существами выражается не в том, что их держат взаперти в стойле во время долгой северной зимы. Коровы и волы, таким образом, могут каждый день выходить на снег. За эту "любезность" приходится расплачиваться. Две зимы тому назад одна из лучших дойных коров Видарозена поскользнулась на льду, сломала себе ногу, и ее пришлось прирезать. Но в общем коровы ведут в деревне счастливую жизнь. Перед дойкой их часами чистят скребницей, что по теории крестьян стимулирует производство молока. Но даже если это и не так, чистка улучшает внешний вид коров. И прежде всего она полезна тем, кто выполняет эту работу. В некоторых деревнях одна из вспомогательных работ при дойке состоит в том, чтобы держать корову за хвост, дабы она не била дояра по ушам. Дойка, естественно, представляет собой особенно важное дело. Не все могут доить, но для тех, кто умеет, это источник большой радости.

Так появились тракторы. Но они не вытеснили тропинок и используются с большой осторожностью на полях. А от различных дополнительных приспособлений, которые сделали бы лишними руки помощников, отказались. Урожай, специально большей частью убирается вручную. Мастерская игрушек, булочная и гончарное производство в дни уборки бывают закрыты; вся деревня находится в поле. Одни выдергивают из земли морковь, другие отделяют от зелени, третьи укладывают ее в картонные коробки. Кто-то разливает чай, кто-то просто наслаждается компанией, кто-то пропускает занятия в школе и мешает другим работать. Именно от этого я и хотел отвлечь бегуна Z, попросив его помочь мне выдергивать морковь. Он отпустил несколько острот и исчез. Я схватил его еще раз, и покрепче. Он попытался снова улизнуть, и наконец я понял, почему. Он просто не знал, что такое морковь, и особенно как ее тянуть из земли. Z, провозглашая свое неприятие тех мест, откуда он родом, страшно боялся обнаружить свое незнание. Лучше слыть плохим, чем глупым - тенденция, которую так проницательно описал Эдгертон в своей книге в 1967 году.

Местные телефоны, мочные машины и сельскохозяйственная техника становятся опасными инструментами, если их использовать неосмотрительно.

4.2 Различные сферы деятельности

Домашняя работа отнимает значительную часть энергии жителей деревни. Каждое утро те, кому поручено выполнение домашних обязанностей, расходятся по другим домам, чтобы там наводить порядок и готовить еду. За исключением отца или матери семейства, никто из жителей деревни не должен выполнять повседневную работу в собственном доме. Ведь самое важное в работе - это то, что ее делают для других. Домашняя работа продолжается полтора часа, потом следует получасовой перерыв, когда пьют чай с пирогом, читают вслух или беседуют с хозяином или хозяйкой дома. Потом снова работают, пока не наступает время возвращаться к обеду домой. После обеда те, кто до обеда выполнял работу по дому, большей частью находятся в мастерских.

Другой важной работой является изготовление кукол. Руководительница одной из мастерских по изготовлению кукол рассказала однажды о ходе работы в ней. Цитата из ее описания, немного длинна для этой книги, но тот процесс, который она описывает, тоже занимает много времени. Ее осторожное описание при внимательном прочтении очень много может сказать:

"Весной 1981 года была оборудована новая кукольная мастерская. Собственно говоря, одна уже была, в ней делали кукол для детей четырех-пяти лет, но мы хотели шить кукол и для маленьких детей. Нашем желанием при этом было делать кукол, отражающих собственный опыт детей. Маленький ребенок едва ли осознает свое тело и свои ноги, и поэтому мы сделали куклу, голова и руки которой были полностью сформированы, в то время как туловище и ноги состояли из мягкого мешка.

Мастерская - это община в миниатюре. В ней все могут ощущать равенство друг другу, потому что нетрудно понять, что работа каждого важна для конечного продукта. Если не хватает какого-то связующего звена, это сказывается на всем, но

не только потому, что этим ограничивается производительность. Чего-то не хватает в общей атмосфере помещения, если отсутствует хотя бы один человек.

Для каждого, кто участвует в трудовом процессе, важно знать, что каждый важен для целого. Ола, например, вне мастерской испытывает много трудностей. Он агрессивен, возбудим, чрезвычайно бдителен и всегда настороже. Однако он может быть и дружелюбным, готовым помочь, он особенно внимателен к тем, кто слабее его. Он прибыл к нам из учреждения, в котором имел репутацию не только любителя ссор, но и избегающего работы.

...Когда он начал работать в мастерской, он шил вручную. Он дорос лишь до простейших заданий, был беспокоен и не интересовался тем, что делал. У него было обыкновение перевозить по деревне вещи, чтобы дать выход своему беспокойству. Но постепенно он научился обслуживать швейную машину. Он начал с наиболее простых вещей, простых швов, например; потом требовал все более и более сложных заданий и успешно с ними справлялся. Сегодня он выполняет всю подготовку к шитью, делает выкройки по образцу, а также шьет. Он работает с большой точностью и тщательностью. Инструмент оказался для него благодатью. Для него очень много значит уметь обращаться со швейной машинкой и выполнять работу, которую умеет только он. Он знает теперь, что ему делать, что ждет его завтра. Это положило конец его беспокойству. Он раскрылся в работе и наполнил всю мастерскую жизнью.

Ауд, напротив, очень тиха в доме, в котором она живет. Может пройти несколько дней, пока она скажет хоть слово. У нее устойчивые домашние привычки, и ее невозможно заставить что-то сделать, если у нее нет настроения. Это может случиться и в мастерской, но редко. С тех пор, как Ауд стала по-особенному относиться к Ола, она намного счастливее. Она стала мягче и великодушнее. Иногда она помогает Тору и вдевает нитку в его иголку, чтобы он мог выполнить остальную работу. Когда к нам в мастерскую пришла Хелен, Ауд с первого дня стала заботиться о ней. Она ежедневно сопровождает Хелен по пути из дома в мастерскую и обратно. Ауд выполняет ручную работу в шитье кукол. Когда она их сдает, кукла почти готова. Ауд видит в них живых существ и часто прижимает их к себе. Юна любит, чтобы у нее на столе было сразу несколько кукол, чтобы она их шила одновременно. Закончив работу, она говорит: "Вот тебе подарок от меня". То, что она дает, идет от самого сердца, и ее радость от работы передается другим.

Кажется, что все деревенские жители раскрываются в мастерских. Здесь не так много мешающих факторов, и все происходящее постоянно повторяется. Это создает атмосферу, в которой они отваживаются открыться. Как в процессе производства, так и в процессе человеческого общения они находят возможность отдавать."

Почти все другие мастерские похожи на описанную здесь мастерскую кукол. Впрочем, они не всегда так продуманы, как эта, и часто в них работают лица, которые имеют не столь тяжелые телесные и духовные повреждения. Есть, например, гончарная, столярная мастерская, ткацкая, производство по изготовлению цементных форм, несколько оранжерей, крестьянское подворье и пекарня. В пекарне свой столп, его зовут Том. Год тому назад он сдал экзамен на подмастерье. Его экзаменационная работа состояла в том, чтобы испечь копенгагенеры для всей деревни. Он, вероятно, первый норвежец с синдромом

Дауна (по-народному "монголизм"), сдавший экзамен на подмастерье. Для тех, кто его хорошо знает, это не было большой неожиданностью. Том обладает не только большой силой воли, но и изобретательностью, что доказывает следующий случай. Хлеб и пироги получаются лучше, если печь протоплена заблаговременно. В Видарозене есть печь, которую надо растапливать в четыре часа утра. Том делал это годами. Но недавно его будильник сломался. Он никому не рассказал об этом, а решил проблему так: выпил перед сном три больших стакана воды. И природа разбудила его около четырех часов утра.

4.3 Саморазвитие или тягостный труд?

Неизбежно, наверное, возникает вопрос, какую оплату получают жители деревни. Ответ очень прост: никакую. Никому в деревне не платят: ни тем, кто в установленном порядке признан имеющим затруднения развития, ни остальным. Люди там просто работают, в большинстве своем с воодушевлением, а небольшая часть - с выраженной способностью не принимать работу всерьез. Но деньги или, более того, недостаток денег не являются побуждением к труду. Я не могу припомнить ни одного спора в деревне, в котором шла бы речь об оплате труда. Правда, о деньгах говорят. Например, о том, сколько можно израсходовать денег. Или о продажной цене кукол. Но деньги никогда не рассматриваются в качестве стимула для труда; никогда не связывают друг с другом деньги и труд. Это имеет далеко идущие последствия для значения труда в деревне. Для лучшего понимания возьмем два противоположных взгляда на труд, существующих в истории культуры.

Первый принимает работу как бездуховное, тяжелое, напряженное и часто болезненное мучение, весьма обременительное для души и тела, особенно если при этом играет роль принуждение. Тюремны полны наглядных примеров этого. В более старой литературе о домах заключения "с воодушевлением подробно описывается мельница со ступенчатым колесом, ставшая олицетворением тягостного труда. Ступенчатое колесо приводится в движение постоянным подъемом по ступеням. Бок о бок рабочие группой наступают на огромные перекладки, закрепленные на ведущем колесе мельницы, которые подаются под тяжестью человеческого тела. Тем самым колесо приводится в движение. Если каторжники работали недостаточно быстро, они увлекались вместе с колесом в пропасть. Большей частью мельница молола. Иногда же она только поддерживалась в рабочем состоянии. В любом случае она выполняла задачу поддерживать спокойствие в соответствующем заведении.

Если же понимать работу как возможность для саморазвития, то она представляется намного положительнее. Этот позитивный момент состоит в связи между работой и творчеством, которая еще сегодня проявляется в понятиях "плод труда", "творение рук" и подобных. Произведенное есть результат творческой деятельности, и о завершенной художественной работе говорят как о "произведении искусства".

У деревенских жителей есть правило, сущность которого в том, что каждый сельчанин работает для блага другого, как, например, медсестры, которые ухаживают за больными и утешают их, или артисты, которые работают для

публики. Никто не должен работать только для себя. Только так может возникнуть здоровый социальный строй, как считал Рудольф Штайнер, который заложил основы такого порядка. И мы могли бы добавить: если деньги служат стимулом для работы, то это в большинстве случаев приводит к тому, что она становится уже не творчеством, а тягостным трудом. Работа теряет свой положительный аспект, если она мотивирована деньгами. Центральный вопрос, таким образом, это при каких условиях работа остается творческой?

Дети, например, всегда заняты каким-нибудь делом. Они творчески активны, когда укладывают кукол спать, строят пещеры или заводят дружбу. Но многих из них в нашей общественной системе ждет работа как наказание, мучение. Со многих точек зрения кажется первоочередной задачей постоянно представлять себе творческий элемент в той работе, которую мы выполняем, чтобы в продолжение всей жизни оставаться творчески активными. Уничтожение кажущейся само собой разумеющейся связи между выполняемыми обязанностями и финансовым вознаграждением смогло бы, вероятно, более, чем любой другой политический акт способствовать сохранению творческого элемента. Решающей основной предпосылкой для этого было бы введение минимальной зарплаты для всех - независимо от вклада, который каждый человек в состоянии внести. Если бы в распоряжении каждого был минимум - что в странах западного мира вполне реально - гораздо большее число людей могло бы, как дети, артисты или строители соборов, быть творчески активными. "Бесполезные" работы снова получили бы право на существование, и мы могли бы сделать еще один шаг на верном пути возвращения к миру неограниченных возможностей для творчества. С устранением связи между исполнением долга и вознаграждением мы могли бы, кроме того, выбить почву из-под ног той точки зрения, которая нередко у получающих вознаграждение, что их потребительство, мол, оправдано, потому что заработано собственными усилиями. И мы смогли бы начать дебаты об альтернативных критериях для соразмерного потребления. В деревенских сообществах изменившиеся отношения пробудили всеобщую склонность к самоограничению.

Во время моего пребывания в Видарозене у меня была проблема. Порученная мне работа отнимала много времени, но не была трудной. Так накапливалась излишняя энергия. Я попытался избавиться от нее, делая пробежки по деревне. Всюду я сталкивался с людьми, мимо которых я не мог пробежать. Встречи здесь существуют для того, чтобы поговорить друг с другом. Хуже того, те, кого я встречал, были как раз за работой. Почему не принять участия, если у меня не было другого дела, кроме как бесцельно бегать. Я старался выйти на улицу перед рассветом, но Х был уже здесь, чтобы собрать лук с одной из своих подруг. Собственно говоря, они могли бы начать это после завтрака. Но фермер и пекарь были уже на ногах. Вечера были заполнены культурными мероприятиями, и всюду было полно людей. Ночи были предназначены для сна. Я снял свои кеды. Они из другой жизни.

4.4 Все деньги в общий котел

Некоторые мечтают о том, чтобы деревни сами себя финансировали. Но в настоящее время это лишь мечта. Потому что как деревенские объединения с таким

большим числом нетипичных людей могут справиться с тем, что нормальным выгодным сельскохозяйственным предприятием удастся лишь благодаря высоким государственным вложениям, а в обычных учреждениях и приютах все расходы покрываются обществом? И все же поселения представляют собой модель. Если экономика государства обанкротится, если угрожает национальная катастрофа, они окажутся, возможно, в лучшем положении, чем другие учреждения. В настоящее время они почти полностью зависят от денежных средств, поступающих извне. Интересным аспектом их экономического базиса поэтому является не столько то, что вкладывается, сколько использование инвестиций.

Начнем с самих инвестиций: деньги, которые вливаются в поселения, поступают от государства, от административных округов и от продажи того, что производится в деревнях. Приведенные ниже цифры - из Видарозена, но в принципе они действительны и для остальных деревень. Львиная доля денег поступает от государства: в 1988 году это был 21 миллион норвежских крон. Еще один миллион поступил от местного управления. Примерно 10% общего дохода, довольно значительную часть, дают сельское хозяйство и магазины в самих поселениях. Частные средства привлекаются часто посредством акций, которые проводят учащиеся норвежских гимназий. В первом полугодии они используют один день на благотворительные цели, которые определяют сами. Им поселения понравились, поэтому они уже не раз продавали изготовленные там свечи. На выручку построены многие из домов. Частная финансовая поддержка в государстве всеобщего благоденствия представляет собой спорную возможность решения проблемы. Не должны ли люди, нуждающиеся в обеспечении, получать помощь от государства в полном объеме? Не являются ли предоставляемые с этой целью личные деньги унизительным наследием того времени, когда все благотворительные организации находились в частных руках? Против этого говорит хотя бы то, что ежегодно тысячи молодых людей знакомятся с деревнями и рассказывают об этом, например, покупателям свечей. И некоторые из этих молодых людей, в конце концов, сами станут членами одной из таких деревень.

Что касается использования денег, то здесь ведущая роль принадлежит принципу общего котла. При выделении общественных денег на деревни ориентируются на то, что получают аналогичные государственные учреждения. В плане общественного бюджета есть потому такие названия должностей, как "учитель", "медицинская сестра", "дипломированная медсестра", "врач" и так далее. Но в деревнях эти понятия не имеют никакого значения. Поэтому сельские объединения переводят деньги, предназначенные властями для названных штатных единиц, на общий счет. Те, кто действительно выполняют работу, связанную с официальными должностями, никогда их не получают.

Но они получают в нынешних деревнях средства к жизни, кров и пищу, а также, если необходимо, автомобиль или железнодорожный билет. Кроме того, более молодые члены получают в настоящее время около 700 крон в месяц. Это упрощает бухгалтерию. Эта сумма предназначается для цветов, книг или личных подарков. Если кому-то нужно больше денег - например, для проведения отпуска в Греции, для семинара в Берне или в Москве, или для нового платья - соответствующая сумма выделяется из общего котла. Он находится в распоряжении всех сотрудников и сотрудниц. Пожилые люди получают по

большей части менее 700 крон в месяц. Опасность такого использования, очевидно, не в том, что возникает возможность злоупотребления, что тот или другой возьмет слишком много для личных потребностей. Скорее из этого факта вытекает проблема, что будет потребляться слишком мало, что большинство будет стесняться брать деньги из общего котла. Ограничение в потреблении в деревнях так серьезно, что из-за этого в повседневной жизни возникают лишения. Идеальным случаем было бы наблюдать друг за другом и, например, поощрять хороших друзей к тому, чтобы они заменяли отслужившие предметы обихода новыми. Но не все бросается в глаза, и большинство робеет в таких делах.

Люди вне поселений часто просто не верят этому. Так не может быть! Это же должно приводить к злоупотреблениям! Но поговорите когда-нибудь со старыми людьми в Норвегии, такими старыми, что они говорят не о государственном здравоохранении, а о "Сике-кассе", о копилке, в которую они вносили свою долю в то время, когда они, к счастью, не были безработными, долю, которой они должны были обходиться, когда отказывали их физические силы. Сэкономленные денежные средства на случай болезни делились по-дружески. Ситуация тогда была точно такая же, как и в нынешних деревнях, экономящих свои деньги в общем котле. Чувство, что разделяешь одну судьбу, и тогда приводило скорее к тому, что расходовалось слишком мало денег. Размер потребления становится прямым следствием экономической организации общественной системы.

Деньги в общем котле имеют три различных последствия. Во-первых, это устраняет связь между деньгами и работой. Это предохраняет работу от превращения в пытку. Людей оценивают по тому, что они делают, и как они это делают, но не по тому, сколько денег приносит их труд. Также и их самооценка ориентируется на сделанную работу. Во-вторых, уже упомянутая связь между работой и потреблением устраняется, потому что деньги не являются вознаграждением за труд, и потребление вследствие этого не может больше рассматриваться как "заслуженное". И, в-третьих, деньги в общем котле усиливают сплоченность деревни. Жизнь в коллективе стоит недорого, пока ограничение считается идеалом и сообщество не слишком велико. К этому следует добавить, что каждый член поселения облагается налогом по его действительным расходам, а не по формальному доходу. Из 700 крон в месяц каждый платит налоги, определенную сумму за жилье и пищу в деревне, и за то, что покупается для общего употребления.

По первоначальным оценкам госбюджета Видарозен получает тридцать окладов для специалистов. Речь идет о "служащих" в государственном смысле. В действительности там около сорока пяти сотрудников, получающих содержание. Другими словами, пятнадцать из них оплачиваются из общего котла. То же относится и к остальным поселениям.

Деньги из общего котла идут также на постоянное расширение деревень. Ими финансируются, например, покупка новых деревень или новостройки. В 1987 году для этих целей был отложен миллион крон. Почти все они были от излишков общего котла.

И все же основной принцип экономической жизни в деревнях имеет три исключения. Важнейшие уже упоминались. Все жители, имеющие право на государственную пенсию, должны откладывать определенную часть пенсии для

личного употребления. Поэтому у них есть собственные счета в банке. В настоящее время они получают 750 крон в месяц (по состоянию на 1988 год) и чаще всего имеют в распоряжении больше карманных денег, чем те, кто может быть назван служащим и получает содержание.

Другое исключение относится к такому случаю, когда житель поселения получает доходы извне или имеет средства или ценности из своей жизни до переезда в деревню. Такое случается. Тогда ему или ей предоставляется право сохранить собственность. У одного из сотрудников-пенсионеров в Видарозене есть, например, собственный автомобиль.

Лица, которые живут вне деревень, но работают там, составляют третье исключение. Некоторые поселения нанимают людей со стороны. Так, в Видарозене был водитель автобуса, специалист по ЭВМ и машинистка, которые приезжали из близлежащего местечка. Йозозен обходится шофером и ткачем со стороны. Но никто из самих жителей поселений не получает за свой труд денег, предназначенных для личного употребления.

Повседневные расходы на каждого в отдельности, кто официально обслуживается в Видарозене, составляют в 1989 году 550 норвежских крон. Еще пару лет назад они составляли 450 крон. Эти расходы можно сравнить с другими. Вот некоторые примеры:

992 н. кр. - средние расходы на одного пациента в норвежских приютах для душевнобольных

2000 н. кр. - средние расходы на одного пациента в соматических клиниках, 1985

1300 н. кр. - средние расходы в психиатрических клиниках, 1985

726 н. кр. - средние расходы на заключенных, 1987

215 н. кр. - средние расходы в женских приютах (без питания)

Мы видим, что деревни по сравнению с интернатами "для умственно неполноценных" выгодны. По сравнению с больницами и учреждениями правосудия они кажутся даже недорогими. И если мы на миг обратимся к официальной терминологии и образу мыслей в нашем обществе, то они покажутся чрезвычайно выгодными ввиду того, что там "служит" значительно больше лиц, чем в действительности оплачивается государством, а с другой стороны благодаря упомянутым 550 норвежским кронам на повседневные нужды сооружается ряд дополнительных зданий, таких как театральные залы, кафетерии или мастерские. Во всех общественных или частных учреждениях жалование составляет главную часть расходов. Обычно оно используется для личных нужд или вкладывается вне соответствующего учреждения. В деревенских объединениях "зарплата" вкладывается чаще всего в саму систему и служит всеобщему благу.

5. РИТМ

5.1 Дни недели

Пробуждение в деревнях происходит довольно деликатно. Часто кто-нибудь ходит по дому и играет на флейте, иногда используются и другие инструменты. Для большинства этого достаточно; только немногим нужно более прямое требование. Но есть определенные стимулы, чтобы быть готовым в половине

восьмого. В общей комнате зажигают свечу, произносят вслух стихотворение или поют песню, а затем начинается завтрак.

Трапеза имеет собственный ритм. Чаще всего все жители дома собираются за одним столом. Во время трапезы произносится благодарственная молитва - часто молитва, дословный перевод которой гласит:

Земля, которая дала нам пищу, Солнце, которое помогло ей созреть,
Дорогая Земля,
Дорогое Солнце,
Мы живем вами,
поэтому любим и благодарим вас!

Потом присутствующие берут друг друга за руки и говорят: "Благословенна трапеза!" Для тех, кто приходит из внешнего мира, это необычно. Поэтому посетители робко оглядываются вокруг. Для нас, посторонних, вероисповедание жителей этих деревень представляет собой некий вопрос. Как можно произносить молитву неизвестным силам? В то же время для меня участие в ритуале, связанном с трапезой, очень оправдано. Такое утро - доброе утро. Часто трапеза начинается лишь тогда, когда все сидят за столом. Свеча и соединение рук - это не только обстоятельства, заставляющие быть при этом в назначенное время, но и объединяющий элемент. Совместная трапеза и совместное благодарение за нее выгодно отличаются от еды наспех во внешнем мире, которая часто не имеет общего начала, середины и общего окончания.

В 8-25 звонит колокол. Время выходить из дома. Работа начинается в 9 часов, кроме пекарни и крестьянского подворья, которые начинают много раньше. Во время работы повторяется тот же порядок, что и за завтраком. Перед началом работы собираются вместе, чтобы, например, спеть песню; потом следует работа в течение 1-2 часов, затем перерыв, когда пьют чай и часто кто-то читает остальным главу из книги, и, наконец, когда заканчивается в половине первого первая часть дня, все расходятся.

Следует обеденный перерыв. В сегодняшней Норвегии обедом (дословно - едой середины дня) называют основной прием пищи, независимо от времени, когда он состоится. В деревнях это понятие приобрело свое первоначальное значение - там с одной стороны обед действительно середина дня, а с другой - основная трапеза, состоящая из горячей пищи. И точно также, как и раньше, следующий за этим обеденный перерыв довольно продолжителен - он сравним, может быть, с сиестой в южных странах. Есть время не только покушать, но и отдохнуть. Часто после этого в жилых домах еще пьют кофе с кексом.

Послеобеденная смена, продолжающаяся с половины третьего до половины шестого, проходит подобно дообеденной. Многие продолжают работу на том же месте, где уже работали утром. Некоторые, наоборот, меняются; так, например, те, кто до обеда был занят в домашнем хозяйстве, теперь работают в мастерских. Другие же отправляются на учебные занятия, например, учатся читать или участвуют в репетиции оркестра, кто-то отправляется в город к зубному врачу и тому подобное.

В пять часов звонит вечерний колокол; работа закончена, все собираются домой к ужину.

Между тем мероприятия еще не закончены. Почти каждый вечер в деревенских объединениях что-нибудь проводится, часто в деревенском зале. И здесь программа строится похожим образом.

Чаще всего в начале мероприятия воцаряется молчание, а заканчивается вечер песней или музыкальной пьесой. Начало и конец четко обозначены. Часто собираются группами поменьше, тогда все садятся в круг, просто стулья без всяких столов, и докладчик не отгорожен столом от своих слушателей.

Дни недели в кемпхилле - как маленькие колеса, похожие друг на друга. Каждое утро завтрак, который начинается и заканчивается совместно. Затем утренняя работа, обед, вечерняя работа, ужин и вечерние мероприятия. В обычный рабочий день, таким образом, житель деревни шесть раз участвует в том или ином круге. По субботам там работают - разумное решение, как мы позже увидим.

5.2 Кульминация недели

Субботние вечера представляют собой нечто особенное. Многие, но не все сотрудники деревень являются антропософами. Легче перечислить, чем не является эта система мировоззрения и образования, нежели объяснить, что это такое. Если говорить кратко: антропософия не является сложной догматической системой и никак, не противоречит важнейшим христианским началам. В деревне проводятся, к примеру, богослужения, вполне христианские, но они проводятся лицами, для которых это не является профессией. Далее, антропософы верят в реинкарнацию и в то, что судьба каждого из нас определена поступками во время прежних воплощений и зависит от развития новых возможностей в теперешней жизни, правда, для этого нужно очень сильно стараться.

Это краткое представление не удовлетворит антропософов, но это и не было моей целью. Скорее для меня важно объяснить, почему субботние вечера в деревенских сообществах так благотворны. Я хотел бы это объяснить прежде всего самому себе, неверующему.

Субботние вечера - лучшие вечера недели. Уже за несколько дней рассылаются приглашения провести этот особый вечер в гостях у определенной семьи. Часто это даже несколько приглашений одновременно. Здесь необходимо проявить много такта, чтобы не обидеть тех, кто опаздывает со своим приглашением.

И вот, наконец, вечер наступает. Официально он называется "Библейским вечером". (* Раньше считалось, что новый день начинается вечером, после захода солнца, то есть субботний вечер - это одновременно начало воскресенья. - Ред.)

В первый раз я допустил три ошибки. Во-первых, не оделся как подобает. Все другие это сделали. Во-вторых, я попытался сразу затеять разговор. А принято сначала находиться вместе в торжественном молчании. В-третьих, я не принес Библию. Но этот вечер забываем для меня - например, тишиной вначале. Двенадцать человек безмолвно сидели вместе. Даже те из них, кто в будни бросался в глаза необычными движениями тела, сидели совершенно тихо и безмолвно. Никто не произносил ни слова, ни те, чьи языки чаще быстрее, чем мысли, ни те, кто производил впечатление, будто не может выразить свои скрытые познания словами. В молчании мы все равны.

После этого читался вслух и совместно обсуждался библейский текст для богослужения следующего дня. И в этом разговоре есть что-то объединяющее; это был разговор равных. Среди присутствующих нет специалистов по Библии. Да и что такое, собственно говоря, специалисты? Если веришь в то, что в теле живет душа, и что эта душа происходит из нашего далекого прошлого, тогда неясно, почему одного, имеющего такую душу, нужно слушать больше, чем другого. А Библия и так кладезь премудрости, по разному толкуемый. Перед беседой состоялся легкий ужин, а после нее - прощание, и лучший из вечеров был закончен.

Воскресенья тоже представляют собой нечто особенное. Преобладающее большинство жителей собираются на богослужение. Насколько я мог установить, никого особо не принуждают в нем участвовать; более того, участие разумеется, как бы само собой. Во время богослужения музицируют и поют. Часто тот, кто проводит службу, и его помощники тоже сотрудники деревни.

Это единственная ситуация, когда видно, что в деревенском объединении существует скрытая иерархия. Когда верующие во время богослужения встают, чтобы принять причастие, для гостя особенно ощутимы тесная связь и сплоченность сообщества. Я сохранил смешанные чувства по отношению к этому ритуалу, исключив богослужение из своей воскресной программы. Послеобеденное время в воскресные дни пригодно для совместных прогулок, по вечерам часто бывают концерты или лекции.

5.3 Праздники

Суббота и воскресенье переживаются в деревне как кульминация недели. В те или иные дни можно особенно почувствовать соответствующее время года или годичный круговорот в целом. Таких моментов много. Вот важнейшие из них:

Новогодний вечер (встреча жителей деревни в полночь).

Карнавал (большой праздник в деревне, его название в народе толкуется как "Живи, плоть!").

Великий пост (ограничение в пище).

Пасха (готовятся одна или несколько театральных постановок).

Троица (спектакли).

Летнее солнцестояние (большой праздник самого длинного северного дня, театральная постановка).

Адвент (это слово означает "приход", это время ожидания прихода Христа, он всегда очень торжественно отмечается детьми. Каждую неделю зажигают на одну свечу больше. В последнее воскресенье Адвента все выносят засушенные цветы или елочные украшения, чтобы всем вместе сжечь их. Большой костер разводится на том самом месте, где горел он в день летнего солнцестояния).

Рождество (устраиваются различные торжества, показываются театральные постановки).

Все эти праздники открыты как для людей, живущих по соседству, так и для тех, кто приезжает издалека. О концертах часто сообщается в газетах, и дни "открытых дверей" собирают тысячи гостей.

Есть в поселениях и еще одна жизненная сфера, а именно индивидуальная жизнь. День, когда крестят ребенка, это всегда большой праздник для всей деревни. Как и

подобает, отмечаются дни рождения, конфирмации и свадьбы. Недавно этот жизненный цикл получил завершенность: в Видарозене появилось кладбище. Это было не просто, и путь к этому шаг за шагом документально описывался в дневнике. В общей сложности потребовалось тридцать два собрания: с городскими и государственными властями, с властями главного округа, с пасторами и епископами. Они всё снова и снова осматривали территорию, выпили бесчисленное множество чашек кофе, компетентный садовод многократно показывал, как разбить зеленые посадки. И только после этого Видарозен наконец одержал победу: деревня получила разрешение хоронить умерших непосредственно за зданием, где совершались богослужения. Так символизируется здесь жизненный круг. Рождаемость в Видарозене довольно высока, долгое время в деревне жила акушерка, приезжали временами и другие. Остаются жить и старые люди. Один из домов вскоре будет перестроен так, чтобы там можно было разместить совсем немощных. Вероятно, в будущем он будет и домом для престарелых всей округи. Теперь вот и кладбище появилось. Круг замкнулся.

5.4 Два рода времени

Лучшему пониманию сказанного помогут, вероятно, два традиционных взгляда на время, время циклическое и время линейное.

Старое понятие циклического времени означает отмеривание времени приливами и отливами, приходом и отступлением отдельных дней, месяцев, регул, смены времен года и различных отрезков жизни человека. Циклическое время имеет нечто общее с повторением: следующей весной снова вернутся ласточки, следующей осенью опять созреют фрукты. Оно соотносится с важными явлениями и в каждый момент указывает с одной стороны в прошлое, а с другой в будущее. Так оно обращает и наш взгляд в оба направления: вперед, в будущее, к которому оно движется, и назад, так что прошедшее предстает в новом свете. Точно также это облегчает нам задачу понять свою сегодняшнюю позицию в жизни, где-то между началом и концом, взирая в обе стороны.

Линейное время, воплощением которого являются, например, часы без стрелок, с высвеченными цифрами, имеет совсем другие признаки. Оно равномерно идет к бесконечности. Каждую секунду выскакивает новая цифра, и в тот же момент предыдущая исчезает. Благодаря этому время кажется поделенным на крошечные части. Оно приходит из бесконечности и движется к ней. Иногда утверждают, что линейное время соответствует перспективе мужчины, в то время как циклическое считается женским.

Линейное время, направляющее взгляд в будущее, заставляет нас пренебрегать историей. Из-за этого возникает склонность жить слишком в будущем. Тогда имеет значение не "сегодня", а "завтра". Ориентированный таким образом человек вкладывает что-то в настоящее, чтобы когда-нибудь в будущем пожинать плоды своей деятельности. Это образ жизни старательных капиталистов, который убедительно символизируется в электронных часах с цифрами. Чтобы они работали, надо купить новые батареи и заменить ими старые. Время представляет собой ценность. Это именно то, о чем Бенджамин Франклин сказал: "Время -

деньги". Такой взгляд сегодня главенствует. Он является следствием непосредственной адаптации к линейному времени.

Очевидно, что корни деревенских сообществ - в циклическом времени. Это поясняет сравнение отдельных дней недели с "колесиками". Как сами дни с их неизменным распорядком, так и воскресные праздники как кульминация недели постоянно повторяются. Жители деревень, с одной стороны, тесно связаны с прошлым, к которому они часто обращаются, с другой стороны, они готовят себя к будущему, которое им столь же близко. Когда я вышел на Пасху после театральной постановки из большого зала, я услышал, как энергичная женщина-режиссер пьесы беседовала со стоящими вокруг людьми о том, что на следующей неделе они начинают готовить пьесу к Троице.

5.5 Праздность

С давних пор я привык спрашивать других, что они делают, когда не работают, то есть что они делают в свое "свободное время", время "праздности". Я задаю этот вопрос не для того, чтобы получить детальное объяснение, но потому, что хотел бы изучить общие представления о том, что связывают другие с этими понятиями. При этом отчетливо вырисовывается противоречие, отражающееся в различном употреблении слов "свободное время", "отпуск" и "праздность, конец рабочего дня".

Большинство говорит так или иначе о свободном времени. Это время означает для них отсутствие работы: "Я не работаю, я свободен, у меня отпуск, я отдыхаю, бездельничаю, делаю что в голову взбредет". Меньшая часть говорит о праздности или завершении работы. Правда, понятие "праздность" при этом лишь пустая словесная оболочка. Никому не приходит в голову сказать: "Я свободен, чтобы праздновать."

Вникнем в суть различий формулировок.

В понятии свободного времени, отпуска заключено значение пустого, то есть незаполненного времени. Свободное время - это время без содержания. Это можно пояснить примером с богатым дворянином 19-го столетия, которому не нужно было работать и у которого было много свободного времени, но который все-таки был так образован, что мог заполнять свободные часы культурной деятельностью или развлечениями. Одновременно этот пример наглядно показывает, что часто требуется не только много времени, но и немало денег, а также определенный тернистый путь длительного образования, чтобы справиться с ситуацией большого количества свободного времени. Свободное время есть своего рода бегство, бегство от трудной работы.

В понятии же "праздности" заключен положительный смысл, оно происходит от слова "праздновать". Раньше свободное время понималось не как свободное, а как время для празднования таких событий, как Пасха, Рождество, летнее солнцестояние или значительные события личной жизни. Работа должна была подождать, пока не пройдут праздники Рождества Христова или маленькие домашние семейные праздники. Часто это было не так просто - бросить на время праздников дело, которым занят. Норвежский художник Эдвард Мунх однажды описал свое отчаяние от того, что ему надо было идти к сестре на кофе. Его

постоянно мучила мысль о том, какой шедевр мог бы он создать, если бы не был обязан участвовать в семейной встрече.

Когда видные люди нашего общества приближаются к своему пятидесятишестидесяти-семидесятилетию, случается, что они отказываются от того, чтобы как-то публично отмечать юбилей. Это бывает совсем не редко. Можно даже откупиться от внимания со стороны общественности. Можно, например, заплатить национальному агенству новостей, и оно поставит все газеты, радио и телевидение в известность, что данное лицо желает остаться в тени. Многие даже в такие праздничные дни покидают дома и уезжают за город. И в последний особый день в жизни человека, на похоронах, собирается лишь тесный семейный круг. Часто в некрологе упоминается, что цветы или венки нежелательны, или что погребение уже состоялось. Совершенно иной была ситуация во времена Христиана IV! Король Дании и Норвегии умер в 1648 году и должен был десять месяцев оставаться непогребенным, пока, наконец, не закончились все приготовления к погребению, подобающему такому государю.

А почему мы не празднуем? Потому что нечего праздновать. А почему нечего праздновать? Потому что нет повода собираться. Торжества процветают на плодородной почве социального взаимодействия; собственно, празднование стимулирует взаимодействие, празднование с него и начинается.

Люди, которые имеют нечто общее, объединяющее, отмечают праздники. Они могут какое-то время продолжать это на основе старых привычек, но потом старые традиции начинают блекнуть. Все чаще кто-то отсутствует по болезни, или родственники не хотят, чтобы им надоедали вниманием, или еще что-то подобное. Жизнь в деревенских сообществах, напротив, состоит из большого числа колесиков, сцепленных друг с другом. Здесь есть начало и конец, и, может быть, новое начало. Круг замыкается.

5.6 Мятеж

Несколько лет тому назад в Видарозене произошло восстание. Деревня предприняла попытку ввести несколько новшеств. Организация повседневной жизни повсюду соответствовала современным требованиям: быстро, производительно, собранно. Длинный обеденный перерыв казался больше не соответствующим времени. Сиеста больше не нужна. Средства производства индустриального общества не должны простаивать - да еще в середине дня. И если то, что делается, является только работой, а не творческим процессом, каждый заинтересован закончить ее одним решительным усилием, поднапрягшись, чтобы началась собственно жизнь, свободное время. В Видарозене это аргументировали тем, что сокращение длинного обеденного перерыва предоставит больше времени вечером для творческих занятий в области культуры. Обеденный перерыв, таким образом, сократили наполовину, и во второй половине дня все стали возвращаться домой раньше. Это новшество продолжалось с летних месяцев до Рождества.

Потом разразилась буря. Во время одного из деревенских собраний часть жителей - в основном имеющие глубокие расстройства - потребовала вернуть старый распорядок времени. У них было две жалобы против нового порядка. Во-первых, работа такая торопливая, что пропадает удовольствие от труда. Во-вторых,

и это, очевидно, основной вопрос, вдруг стало трудно встречаться с другими сельчанами, особенно с теми, кто считается вполне здоровым. Вскоре после окончания работы они словно сквозь землю проваливаются.

Конечно, они должны были против этого протестовать. Новый ритм в точности соответствовал жизни современного индустриального общества, и люди изменились в соответствии с этими условиями. Работа стала мучением, время без нее было лишено содержания, и его нужно было заполнить личными интересами. Начался процесс возведения укреплений в личной жизни. Кто-то читал, кто-то прогуливался, кто-то отправлялся в гости вне деревни - все это чрезвычайно важные и ценящиеся в обществе занятия, само собой разумеющиеся. Жизнь в поселениях все больше и больше становилась подобной жизни в нормальном обществе. Выгода этого была предусмотрена, но не цена, которую приходилось платить: одиночество тех, кто не создан для такого образа жизни, для жизни в индустриальном обществе.

И как часто бывает, то, что происходило в деревнях, было иллюстрацией того, что вообще происходит в обществе. Определение режима работы - это дело властей. Сокращение рабочего времени дает тем, у кого адаптационные способности выше, двойной выигрыш. Сославшись на большое напряжение на работе, мы можем избежать многих обязанностей в других сферах жизни. Кроме того, есть еще долгое время отпуска, выходные и праздничные дни, когда можно вообще исчезнуть. В конце недели и во время отпуска привилегированные работники большей частью куда-нибудь отправляются. Дома остаются лишь совсем старые, больные, инвалиды, да молодые люди, которым не хочется расставаться с теми, кто всего важнее для них - со своими сверстниками. Революционная социальная реформа состояла бы в том, чтобы отменить все длительные каникулы и ввести снова работу по субботам, но одновременно уменьшить ежедневную продолжительность оплачиваемой работы. Четырех-пятичасовой рабочий день шесть раз в неделю пятьдесят недель в году был бы для стариков и всех людей, не укладывающихся в стандарт, намного более приемлем, чем любая другая мыслимая реформа.

Таким образом, в Видарозене произошло восстание. Договорились вернуться к прежнему распределению времени с продолжительным перерывом, сначала для пробы на год. Меж тем прошло несколько лет, и я не слышал ни одного предложения, ни одной новой попытки модернизации. Но я все еще встречаю жителей деревни, рассказывающих о том печальном времени, когда работа стала мучением.

Такую попытку модернизации представляла собой свободная от работы суббота. Все, казалось бы, ясно, повсюду по субботам выходной день - почему бы не быть ему в деревне? Но для здешней жизни нерабочая суббота принесла с собой проблемы. Когда она наступала, в домах в основном уже было чисто, потому что уборка - это работа, которую в другие дни недели выполняют определенные члены сообщества. Другое привычное нам средство против незаполненного времени - покупки - в деревнях, где личная собственность так мало значит, едва ли может играть большую роль. Таким образом, многие сельчане восприняли дообеденное время по субботам как незаполненное. И когда снова ввели работу по субботам до обеда, это было для них большое облегчение.

6. КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВНИ

6.1 Основные мысли

В этих деревнях осуществились пять основных принципов. Во-первых, определяющим там является представление об активном коммунизме - не в теории, а в практике повседневной жизни. В тесной связи с этим находится идея современного образа жизни. Третье - принцип перевоплощения, и как четвертое то, что можно назвать духовным развитием. Особенно значительна идея продолжающегося всю жизнь обучения. О пятом принципе можно будет поговорить позже.

Коммунизм, о котором здесь идет речь, своего рода "пра-коммунизм", опирается на идеи, сформулированные Рудольфом Штайнером в 1905 году. Основные положения таковы:

Благополучие группы людей, работающих вместе, тем выше, чем меньше каждый из них в отдельности требует от результатов своего труда для себя лично. Чем больше каждый отдельный человек в своей созидании ориентируется на своих сограждан, тем скорее, посредством труда других людей, а не только его собственного, будут удовлетворены и его собственные потребности

Это основная идея, которая стоит как за принципом "все деньги в общем котле", так и за фактом, что жители деревень все делят между собой.

Идея совместной жизни опирается на историческую традицию, уходящую своими корнями в далекое прошлое. Карл Кениг, основатель кэмпхилл-поселений, прослеживает ее вплоть до 1610 года, когда было написано сочинение, рассматривающее сообщества религиозных братьев, орден розенкрейцеров, но точно также можно было бы обратиться и к старейшим христианским общинам. Кениг связывает идею совместной жизни прежде всего со следующими четырьмя мыслителями и реформаторами:

Ян Амос Коменский (1592-1670)

Николас Людвиг фон Цинцендорф (1700- 1760)

Роберт Оуэн (1771-1858)

Рудольф Штайнер (1861-1925)

Учение Коменского, известного своими педагогическими идеями епископа богемских братьев, долгое время было определяющим для всего европейского пространства. Цинцендорф продолжил дело Коменского и создавал по всей Европе общины и братства. Оба эти мыслителя и реформатора представляли собой глубокое подводное течение альтернативного христианства, которое подвергалось постоянному надзору и критике со стороны папы. Вследствие нападков возникли новые формы совместной жизни, в основе которых была идея общего образа жизни, раздела имеющихся средств между членами сообщества и сохранение различий вероисповедания.

Роберт Оуэн повсеместно считается основоположником социалистической традиции Великобритании. Сам он был промышленником, но имел очень точные представления о том, как побороть недуг этой экономической формации. Его собственные предприятия стали образцовыми и долгое время пользовались

всеобщим уважением. Но позже влиятельные политики в Англии и в других местах выступили против Оуэна, и он примкнул к партии лейбористов, хотя его отношение к ней продолжало оставаться двояким. В 1821 году он выступил со своими главными утопическими идеями относительно основания крестьянских и промышленных совместных поселений. Как в Великобритании, так и в Соединенных Штатах возникло несколько таких поселений. То, чего они достигли, описал в 1980 году Руденг, и в его описании бросается в глаза сходство с кэмпхилл-поселениями.

"...возникла, например, радикальная политическая культура, которая включала альтернативные общественные здания (так называемые "научные коллегии"), журналы, сборники песен и свадебные церемонии. Отмечались праздники, на которых не только танцевали и пили чай, но и проводили обширные физические и химические опыты. Особое значение придавалось естествознанию и технике. Сапожники и другие ремесленники сочиняли в рамках этого движения целые книги о приемлемых в социальном отношении путях применения новой техники и о практических возможностях организации производственных и семейных объединений. Были высказаны основные идеи биодинамического земледелия и экологии - а также соображения об использовании энергии ветра, солнца, приливов и отливов."

Третья основная идея базируется на убеждении, что физическое тело является лишь временным носителем гораздо более долговечного элемента, духа человека. Для нашего времени эта мысль может выглядеть странной. Но странность не в мысли, странным является время. Потому что вера в перевоплощение встречается нам во многих культурах и оказывает примечательное влияние на общественные отношения, особенно когда вместе живут много необычных людей. Кто-то ведет себя так, что это раздражает других; кто-то подчас нарушает всякие нормы поведения и одним своим видом вызывает неприятное чувство, потому что некоторые лица могут на первый взгляд казаться довольно отталкивающими или по крайней мере неэстетичными. Для тех же, кто близок к этим несчастным, такие подробности вряд ли имеют значение. Вера в перевоплощение стимулирует размышление в этом направлении. Она напоминает о том, что тело ничто иное, как оболочка. В ней скрывается бессмертная душа, которая, может быть, скоро будет жить в другом теле. Если задаться вопросом, признаешь или отрицаешь принцип перевоплощения, то в случае с не вполне обычными людьми преимущество будет на его стороне.

Четвертая заложенная в основание идея - это вера в важность обучения и постоянных духовных занятий. Деревни, в которых многие не умеют ни читать, ни писать, в основном очень сильно "интеллектуально" ориентированы. Когда бы и куда бы ни приехал, всюду наталкиваешься на какие-то рабочие кружки, семинары, курсы или лекции. Те, кто не ограничен в своих возможностях передвижения, совершают длительные учебные поездки, чаще всего в другие деревни, иногда даже на национальные или международные конференции, проходящие в деревнях или за их пределами. В Видарозене, например, часто проводятся семинары в области медицины или экономики и организуются музыкально-танцевальные фестивали. При посещении деревень я вновь и вновь к своему удивлению замечаю, что нахожусь там среди значительно большего числа "интеллектуалов", чем в

любом из известных мне университетов. Жители деревень полны любознательности, ненасытного стремления к расширению познаний и готовности приносить жертвы во имя этого. Каждый сельчанин находит там подходящую ему культурную программу не один лишь раз в неделю. Когда большинство уже ложится спать, к культурным мероприятиям добавляются особые рабочие группы. Наутро они чувствуют себя усталыми, глаза еще слипаются, и снова начинается длинный день тяжелой работы в поле или в других местах, например, в пекарне. И все же в обеденный перерыв полчаса чтения украдкой - а после работы, может быть, еще длительная поездка и совместное посещение концерта в Осло.

Пятую основную мысль я осознал, когда раздал первый набросок моей книги. В связи с описанием воскресных дней в деревнях я тогда написал, что большинство посещает церковь. "Бога ради, у нас же нет церкви!" - была реакция на это. Я попытался заменить слово "церковь" на "часовня" или "капелла", которое я подхватил в британских деревнях. И опять неправильно. Оказывается, британцы полностью заблуждаются в этом! "Да, но как же мне называть дом, который и ни церковь, и ни часовня?" Назови его "Дом Андреаса" - это имя мы дали ему с самого начала."

Конечно, мне следовало бы об этом знать. Недоверие ко всевозможным формальным системам классификации и вытекающее отсюда стремление избегать таких понятий, как умственно неполноценный человек, как обслуживающий персонал, врачи, ассистенты, директора и т. п. глубоко укоренились в деревенской жизни. Также глубоко желание не подчиняться никаким догматическим классификациям в отношении религии, культуры или политики. Таким образом, в деревне нет церкви. В ней есть здание, носящее вполне индивидуальное имя. Нет пастора, а есть вполне определенный человек с вполне определенным именем, проводящий богослужение. Нет директора, а есть кто-то, кто подписывает письма. Нет персонала, а есть только активные сотрудники. Нет пенсионеров, а есть только люди, которые работают до тех пор, пока хватает сил. И чтобы завершить мысль: нет умственно отсталых или слабоумных в деревнях, а есть только люди с особенностями. Категории, которые возникают в обществе в целом или в отдельных профессиональных группах, представляют собой опасность для возможностей развития самих людей и их мышления.

Все эти идеи мы находим у Карла Кёнига, основавшего в Англии, куда он бежал, первую, школу для детей, нуждающихся в помощи. Он выразил это следующими словами: .

"Вначале у нас была великая цель лечебного воспитания. Некоторые из нас были подготовлены к этой работе, остальные были готовы дорасти до решения этой задачи. Мы рассматривали достижение этой цели как особую миссию. Благодаря Рудольфу Штайнеру мы стали по-новому понимать ребенка с затруднениями в развитии и познали успех этой работы уже в собственных учреждениях и школах на европейском континенте и в Великобритании. Нашей первой целью было добавить к имеющимся учреждениям такого типа другие.

Но мы также чувствовали, что дети с затруднениями в развитии, находившиеся у нас, были в том же положении, что и мы. Они убежали от общества, которое не хотело признавать их своими членами. Мы были политическими, а дети - социальными беженцами."

6.2 Еще немного из прошлого

Когда я нахожусь в одной из деревень или думаю обо всех поселениях, перед моим мысленным взором встают иногда картины из совершенно другой среды или времени. Так, например, я вижу перед собой черноволосую девочку со скрипкой в руках, чужеземную птичку в буржуазной среде Осло, говорившую на несколько ломаном норвежском языке; или семьи, в которых я жил в США; короткие встречи в Иерусалиме и Тель-Авиве; и, наконец, книгу Марка Зборовского и Элизабет Херцог, опубликованную еще в 1952 году, о еврейских местечках восточной Европы, чтение которой было для меня откровением.

В предисловии к этой книге Маргарет Мид утверждает, что речь идет об антропософском исследовании уже не существующей формы культуры. Я думаю, что в этом она не права. Чтение постоянно напоминало мне о том, что определенные элементы этой культуры еще присутствуют, хотя и в измененном виде; я постоянно думал о жизни в кэмпхилл-поселениях. Не потому, что эти деревни были еврейскими, они как раз не были еврейскими. И не потому, что жители этих сел проявляли особый интерес к той теологической постановке вопросов, которая так сильно занимала евреев. Ни бедность, ни дискриминация или угнетение не являются решающими для сравнения, а скорее тот факт, что и жители кэмпхилл-поселений, и евреи признают важность духовного развития и учебы в продолжение всей жизни, и что в формах культурной и социальной жизни можно видеть параллели.

В еврейских местечках или в еврейских кварталах больших городов никогда не было незаполненного времени. Дети ходили в школу уже с трех-четырёх лет; школьный день продолжался с 8 часов утра до 6 часов вечера. Для того, кто получал высшее образование, считалось необходимым на 4-5 часов оторваться от книг для сна. Синагоги были не только синагогами, но одновременно и университетами. Все знатные люди использовали все время, какое могли выгадать, для чтения или бесед. В ритуальных действиях, а не непосредственно в интеллектуальной жизни, участвовало довольно много людей из низших слоев общества, но и для них были обязательны определенные идеальные представления: наибольшим уважением пользовались те, кто больше развил свой ум, чем другие. У образованных людей в знак их погруженности в свои мысли была торжественная походка; их глаза казались усталыми вне глубокомысленных дискуссий; тогда же они обычно ярко светились. Во всех практических и нравственных вопросах жизни спрашивали их совета. В этих повседневных встречах они должны были доказать свое знание, как на экзамене.

И праздники в местечке напоминают кэмпхилл. Субботний вечер считался предвкушением будущего покоя, которое посылает нам Бог, Поэтому в это время охотно принимали у себя гостей, так как субботний вечер без гостей в самом деле несовершенен.

У Зборовского и Херцог читаем об этом:

"Тот, кто не выполняет заповеди Субботы, грешит против всего Закона. Подлинное удовлетворение, которое дает Суббота, а именно возможность уйти от повседневности и посвятить целый день семье, общине и любимому занятию, изучению Закона, приводит благочестивого еврея в радостное состояние духа. Оно

наполняет его сердце радостью и гордостью, а также состраданием к его соседу, крестьянину, который, правда, наслаждается свободой от забот и тягот запретов Субботы, но зато лишен возможности радоваться благословенному контрасту между Субботой и повседневностью."

Вернемся к деревням. Библейский вечер в своих характерных чертах сравним с Субботой: мирная тишина, в которой пройдет благотворная беседа, присутствие гостей, ритуальная трапеза, посещение богослужения на следующий день и часто лекция вечером. Кроме того, значение, которое придается изучению Библии и работ Рудольфа Штайнера, основоположника антропософии, то высокое уважение, которым пользуются лица, посвятившие себя этим вещам, в определенной мере сравнимо с положением последователей учения Торы в местечке.

Штайнер был невероятно продуктивен. Кроме того, у него была группа приверженцев, записавших большинство его лекций. Наследие Штайнера составляют около 50 книг и шесть тысяч докладов или статей. Не все из них однозначны и легки для понимания. В них, как и в Библии, не только есть место для толкований, но они просто необходимы. Штайнер говорил об архитектуре и проектировал здания. Он говорил о педагогике и открывал школы. Он говорил о медицине, и его сторонники основывали больницы. Он говорил о сельском хозяйстве, и в результате возникли сельскохозяйственные предприятия, практиковавшие биолого-динамическое земледелие. Он говорил о новых путях развития общественного устройства, и кэмпхилл-поселения пытаются в определенной мере ориентироваться на эти организационные формы в своей социальной жизни. И он написал оккультные сочинения, которые с интересом изучаются многими антропософами во всем мире. Кратко суммируя изложенное, можно сказать: Рудольф Штайнер и его сторонники проделали невероятно обширную работу, охватив все, от самых таинственных познаний до очень точных рекомендаций по смешиванию цемента. В этих трудах даются объяснения почти всех сфер жизни, а читателю предоставляется возможность все новых и новых интерпретаций. Читатель постоянно находит здесь то ясно выраженную, то скрытую мысль о том, что высшая ответственность человека состоит в полном развитии своих способностей.

Может быть, это некоторое преувеличение - сравнивать местечки с кэмпхилл-поселениями и Тору с трудами Штайнера, потому что сразу становятся видны различия. В деревнях не главенствуют мужчины, но, напротив, женщины занимают по сравнению с местечками или частью нашего общества чрезвычайно сильные позиции. И поселения не подчеркивают принадлежность к расе или к какому-то народу. Но, может быть, такое сравнение будет способствовать лучшему пониманию жизни деревень евреями и знакомыми с еврейскими обычаями людьми, а неевреям поможет понять жизнь евреев.

Основоположником этих сообществ был Карл Кёниг, успешно практиковавший венский врач. Он знал еврейские традиции по своему родительскому дому, но в юности перешел в христианство. Когда Гитлер занял Австрию, Кёниг вынужден был бежать. В Шотландии он смог вместе со своими друзьями, с которыми уже в Вене развивал идеи о новом обществе, основать первую -школу для детей с затруднениями в развитии, откуда и берет начало кэмпхилл-движение.

Важные импульсы для основания кэмпхилл-сообществ происходят от древнехристианских общин, от братств и Цинцендорфа. Жена Карла Кёнига была приверженцем этих традиций и благодаря этому оказала большое влияние на усиление роли воспитания, а также на возникновение религиозных форм жизни, наблюдаемых в повседневной жизни поселений.

6.3 Деревня как университет

Каждый год в Норвегии происходит довольно необычный семинар. Он организуется для тех и теми, кто считаются умственно отсталыми или имеют другие тяжелые недуги, дающие право на государственную пенсию. Они решают вопрос о программе семинара, большую часть вопросов его проведения и обсуждают почти все предлагаемые доклады.

Я неоднократно имел счастье быть приглашенным жителями деревни сделать доклад на таком семинаре. И если я говорю "счастье", то, так я и думаю.

Когда читаешь доклад слушателям, которые, может быть, и не в состоянии следить за всеми словами, или которым, видимо, нужно больше времени, чем обычно, чтобы воспринять различную словесную аргументацию, важно незамедлительно переходить к существу данной проблемы. Главная тема должна быть и основным содержанием. Если темой является наказание, то ядром выступления может быть преднамеренное причинение страданий, и оно должно быть так наглядно конкретизировано, как, например, это сделал Фуко в отношении пытки или Сайп, который в речи при выборе его ректором университета в Осло описал, что он испытывал, когда ему наносили удары палкой в немецком концентрационном лагере.

А если темой доклада является справедливость, то основное время речи не должны занимать всевозможные высказывания философов о сущности правосудия, но на первый план должны выйти конкретные примеры различных спорных ситуаций в связи со справедливостью, связанные между собой простыми основными положениями.

Как и многие преподаватели университета, я сталкиваюсь во время обычных лекций с одной проблемой. Время идет очень быстро. Надо так много сказать: примечания, цитаты, другие мысли, связанные с лекцией. Надо также воздать должное великим мыслителям, предшественникам данного предмета. Работая много лет в одной области, собираешь немало сведений. При необходимости встречи с обычными смертными, которые не обладают этими познаниями, а еще больше при встрече с необычными людьми происходит нечто иное. Внезапно оказывается уже не само собой разумеющимся знать все те вопросы, что держишь в голове. Но небольшая часть этого все-таки важна. Эти существенные фрагменты и должны выступить на передний план, когда присутствуют необычайные слушатели.

Но тем самым лектор переносится в ситуацию давно прошедших времен. Он опять возвращается в настоящий университет, каким тот был когда-то давно. Тогда у всех, кто там работал, была возможность сесть вместе и поговорить на темы, представляющие общий интерес. Только тогда было мало отраслей науки и мало

учителей, так мало, что они были вынуждены заниматься друг с другом, чтобы таким образом приблизиться к универсальному.

Злой рок современных университетов состоит в их неудержимом росте. Это создает идеальную питательную среду для специализации, которая во все возрастающем масштабе таит в себе опасность того, что индивидуум все свое время будет проводить исключительно в кругу своих коллег. Тогда исчезает необходимость пояснять центральные пункты, кажется даже излишним объяснять, что именно они являются основными. На вывеске, собственно говоря, указано: "университет", но более точным названием было бы "ресторан самообслуживания для различных областей знания". Когда моими слушателями становятся необычные люди из Видарозена, я чувствую себя профессором университета больше, чем в любой другой среде.

Наряду с семинарами для тех, чье духовное развитие затруднено, я довольно часто читал доклады для смешанного состава слушателей. Так, примерно семестр мои лекции в университете посещали как мои "нормальные" студенты, так и труппа из Видарозена. Как-то шла речь о принципах вынесения судебного приговора. Очень скоро некоторые студенты отвлеклись. Может быть, они нашли лекцию скучной, а товарищей недостойными. Другие же, напротив, выдержали и в конце лекции поблагодарили. Они утверждали, что больше, чем когда-либо, узнали по данной теме и особенно оценили то, что я так много времени уделил сущности проблемы. Мне же все представлялось в ином свете. Лишь в конце я собрался с духом, чтобы достаточно сосредоточиться на главном.

Вероятно, я не единственный лектор, который впадает в панику, думая, что все, что он говорит, само собой разумеется. Там позади, в другом конце аудитории, сидит студент, которого я считаю светлой головой. А там - еще один/который два семестра назад присутствовал на моей лекции; вероятно, оба знают материал вдоль и поперек. И вместо того, чтобы объяснять, даю краткие указания. Вместо аргументов студенты получают заголовки и определения. Если слушательская аудитория состоит из разных людей, легче не впасть в панику. Старания объяснить, может быть, окажутся и безрезультатными, но попытка состоялась.

Другой момент - способность восхищаться. Если моими слушателями оказываются жители кэмпхилла; возникает дружеская атмосфера открытости, восприимчивости и воодушевления. Кто-то, может быть, засмеется в тех местах, где не ожидаешь. Другие производят странные ритмические движения головой, третьи нарушают обычное торжественное молчание, издавая какие-то звуки. Но в целом среди слушателей царит заразительная веселость. У некоторых это просто радость быть здесь, принадлежать к большому сообществу и разделять всеобщее воодушевление. Другие, может быть, рады какой-то шутке в лекции и жадно ждут следующей, а прочие, возможно, находят удовольствие в умственном напряжении, в стремлении следить за мыслью, и радуются полученным сведениям. Вся комната излучает чувство тепла, воздух напоен благотворными эмоциями - хороший климат для учебы.

Когда я говорю с жителями поселений, у меня иногда возникает, то же ощущение, что и в 1968 году, когда я читал доклад в Беркли. Я чувствую то же любопытство, ту же радость - чувства, обращенные не внутрь, а щедро разделенные друг с другом, со всеобщим и очень возбуждающим воодушевлением.

Я вспоминаю, как профессор Пауль Лазарсфельд во время одного из посещений Осло рассказал недоверчивым норвежским преподавателям университета о способности американских студентов воодушевляться. Один из них однажды похлопал его по плечу, воскликнув: "Замечательная лекция, господин профессор!" Такие реакции у нормальных норвежских студентов очень редки, у не очень нормальных, наоборот, встречаются.

6.4 Жители деревень в качестве студентов

Но действительно ли жители деревень понимают, о чем говорится в лекциях? Не является ли их присутствие только данью вежливости, своего рода алиби, чтобы так называемые нормальные студенты испытали радость от своей учебы, полагая, что они делают для сельчан что-то хорошее? Не притворяются ли они, не сидят ли только для того, чтобы заполнить аудиторию, и слушают слова или звуки, которые не имеют для них никакого значения?

Не могу сказать это с определенностью. Но я знаю из моего собственного горького опыта, что жители поселений очень критичные слушатели. В качестве лектора я терпел в деревнях ощутимые поражения. Я читал лекции, которые не встречали никакого интереса и не вызывали у слушателей никакой реакции - несмотря на вежливость. Есть две совершенно противоположных причины этих поражений. С одной стороны, я запутывался в академических мелочах, потому что я соблюдал две традиции: много времени тратил на объяснение того, что, собственно, я хотел бы сказать, и устанавливал побочные связи со всеми, кто когда-либо соприкасался с данной темой. С другой стороны, пропадал содержательный аспект. Так как я боялся наскучить своим слушателям-, я просто опускал различные сложные вещи или облекал их в форму анекдотов, которые и оставались анекдотами, а не способствовали наглядному объяснению основных пунктов доклада. Но когда я отваживался говорить непосредственно по существу обсуждаемой проблемы, оставаться серьезным и представлять логическую аргументацию, насколько возможно, с помощью небольших конкретных историй или аллегорий, я выходил победителем. Могут помочь также художественные иллюстрации.

Но все это имеет еще более глубокий смысл. Откуда мы, собственно говоря, знаем, как достичь понимания другими людьми? Благодаря понятиям, благодаря артикуляции звуков, благодаря атмосфере, возникающей в помещении, благодаря столкновению колебаний воздуха, вызываемых очень умными людьми? Когда я писал эти слова, я получил от одной приятельницы приглашение посетить выставку ее картин. В, нем она цитировала шведского лирика, художественного и литературного критика Гунцара Экелефа:

"Я верю не в воздействие, но в отождествление. Чувствуешь в себе "иностранного легиона", скопище тайных защитных сил. Конечно, в искусстве есть традиции, связанные с таким излишним вопросом, как, например, вопрос о возникновении искусства и тому подобном. Но истинна лишь одна традиция, а именно, внутренняя,.. о которой не скажешь лучше, чем то, что это речь, связующая души."

Люди, являющиеся не такими, как все, представляют собой своего рода живую загадку. Нам ее не разгадать. Так называемые аутистические дети во многих отношениях явно загадочны. Что в них происходит? Почему они не говорят, почему не объяснятся? Например, Эва. Раньше ей ставили диагноз чрезвычайно отсталой. Тут и ее робкая улыбка в отдельные моменты, тактика, с которой она защищает свой любимый стул в темной комнате, и ее недвусмысленные сигналы, когда ее ущемляют в правах.

Для лучшего общения с людьми, которые не соответствуют норме, в распоряжении, пожалуй, лишь два основных образа мышления. Либо считать данных людей ущербными; это значит, что их выразительный аппарат дефективен и поэтому общение может осуществляться только на весьма примитивном уровне понимания. Или же они действительно другие, другой род людей и поэтому приспособлены для иного рода общения. Никогда не будет научных доказательств, которые могли бы нам помочь при решении этих вопросов. Мы, таким образом, должны найти другие критерии, чтобы решить, какую предпосылку положить в основу. Важный критерий можно вывести из обычных норм поведения при общении в сомнительных случаях; при сомнении выбирай то, что более выгодно для слабой стороны. Сомнение решай в пользу обвиняемого. При сомнении не считай, что у других нарушена способность к общению.

6.5 Потребители или производители?

Когдаходишь в интернаты для людей с затрудненным развитием, часто бросается в глаза телевизор, работающий всегда, когда есть хоть какая-то программа. Эти люди не могут отправиться в мир, и мир приходит к ним. Современная техника раздвинула стены и дала возможность и им следить за событиями дня. Согласно указу норвежского министерства здравоохранения доступ к телевидению относится к основным правам пациентов приютов. Вот выдержка из решения от 2 сентября 1981 года:

"Если особые обстоятельства не требуют иного, пациенты имеют безусловное право на то, чтобы иметь собственный телевизор в комнате. Если его использование из-за большой силы звука мешает другим, пользующийся им должен, конечно, соблюдать определенные ограничения вплоть до удаления телевизора. Но само собой разумеется, что учреждение не может вообще запретить телевизоры в комнатах пациентов."

Это решение было частью ответа на запрос одного врача, работавшего в сфере учреждений для людей с затрудненным развитием, который в то же время был уполномочен проконтролировать одну кэмпхилл-деревню в своем административном округе. Он выразил свое недовольство по поводу многого из того, что там происходило, в особенности тем, что телевидение устранено из деревень.

А что произошло потом?

В сущности, ничего. Телевидение все еще не нашло доступа к поселениям - за исключением комнат глухих сельчан.

Важнейшие причины этого запрета были объяснены совету по медицине в письме упомянутой деревни. Основным пунктом ответа в ноябре 1982 года было то, что телевидение разрушило бы социальную жизнь в деревне:

"Мы в поселениях стараемся пробуждать инициативу каждого в отдельности и способствовать межличностным контактам. Телевидение мешает осуществлению обеих целей... Проблемой институтов является то, что они могут предложить пациентам лишь небольшое число стимулирующих мероприятий. В такой ситуации понятно, что телевидение сохраняется. В сельском сообществе ситуация совершенно иная. Там почти каждый вечер происходят культурные и общественные мероприятия."

Действие и взаимодействие являются важнейшими основами поселений. Телевидение, напротив, основано на заимствовании и потреблении. Оно функционирует так, что многие получают легко усваиваемый продукт, производимый немногими - модель, соответствующая основному образу действий в индустриальном обществе. Очевидно, что телевидение оказало бы вредное воздействие на социальные структуры сельских объединений. Легче потреблять, чем производить.

Упомянутый врач на административной должности и министерство, конечно, тоже имеют аргументы на своей стороне. Большинство граждан рассматривают телевидение как нечто само собой разумеющееся. Многие школьники проводят больше времени перед экраном, чем в школе. Для старых людей телевизионные изображения являются единственным обществом. Кто будет утверждать здесь, что те, кто живут в поселениях, не могут смотреть телевизор? Но не обладает ли эта культура достаточной силой, чтобы сделать телевизор явно проигравшим в споре о том, что полезно для сельчан? Разве там люди ходят в театр только из-за недостатка альтернатив?

Тема эта неоднократно обсуждалась как на собраниях деревень, так и в отдельных семьях. В общем в отношении телевизора существует, кажется, отрицательная позиция. Но раздаются и противоположные голоса. Почти все знают телевидение по посещениям семей вне поселений. Некоторые хотели бы смотреть и дальше свою любимую программу. Сельчане, которые не считаются имеющими аномалии или затруднения в развитии, все же против телевидения. Для них оно представляет собой род наркотика. Подобное в деревнях нежелательно. Так что все остается по-старому и в обозримом будущем, вероятно, ничего не изменится.

6.6 Пробыть кем-то другим

В прошлом году в Видарозене было поставлено тринадцать различных театральных пьес. Некоторые спектакли прошли несколько раз. Так что жизнь в деревне постоянно заполнена подготовкой какой-либо театральной постановки, кульминацией которой является спектакль в большом зале.

Все сельчане принимают в этом участие. В вымышленном мире театра находится роль для каждого. Здесь есть короли и черти, ведьмы, молчаливые, солдаты, узники концлагеря, которым угрожает смерть, и участники процессий. Я только один-единственный раз участвовал в такой постановке, и каждая минута ее была мне ненавистна.

Я играл пастуха в рождественской пьесе. За месяц до этого я отказался сыграть офицера СС. Еще раз противостоять нажиму я не смог. Но у меня есть один недостаток: я почти неспособен заучивать какой-либо текст наизусть. Мой текст в роли пастуха состоял только из четырех рифмованных строк, но это были нелогичные строчки, как я продолжаю думать. Целыми днями я носил в кармане маленькую записку с текстом и пытался запомнить последовательность отдельных слов. Нас было четверо вестников, и я надеялся, что никто не заметит, если я буду только шевелить губами. Одним из нас четверых был Z, бегун. Правда, он помнил текст, но впадал в панику, когда до него доходила очередь, и убегал. У Карла нарушена речь, он тоже молчал. Третьим вестником была Карен, датчанка. Она и спасла ситуацию. Наш текст был слышен в ее ясном датском звучании, и моя неспособность стала очевидной для всех. Меня удручало также то, что многие рассматривали мой провал как моральный поступок, как будто я не пытался учить текст наизусть. Но я ведь делал это.

Когда я думаю об этом происшествии, случившемся два года тому назад, я воспринимаю это как тройное поражение. Во-первых, я не способен учить что-либо наизусть. Еще хуже, что я не осмелился признаться в этом. Мне было ужасно стыдно открыть свою слабость. Я не воспринимаю это как часть себя. И в третьих, для меня, видимо, было проблемой отказаться от своей привычной роли. Это, вероятно, и явилось причиной моей неспособности выучить наизусть четыре строчки. Возможно, это позволяет сделать вывод о закостенелой позиции самодовольства, побуждающей меня медлить, покидая надежные рельсы реальной жизненной ситуации и вступая на целину. Может быть, участие в театральных постановках чрезвычайно важно для дальнейшего развития тех из нас, кто больше всего теряется. Сельчане все отважились участвовать. Z дал тягу, а мне было стыдно. Кажется, жизнь в деревне особенно важна для нас обоих.

7. ОЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ ЖИЗНИ

7.1 Коммуникации

Между домами Видарозена пролегают укрепленные и неукрепленные тропинки, их сложное переплетение позволяет ощутить биение пульса деревни. Водители машин, прибывая в деревню, разочарованы, потому что большая стоянка находится вне деревни. Вдоль большинства улиц и дорог стоят маленькие фонарные столбы, едва достигающие метра в высоту, чтобы не конкурировать со звездами. От этих фонарей на поверхность улицы падает лишь слабый свет. Улицы и дороги созданы для ходьбы, и на этом основана организация социальной жизни: большинство сельчан утром уходят из дома, чтобы приняться за работу в мастерских или других домах. На обед приходят домой, после этого - снова из дома, чтобы участвовать в культурных мероприятиях. Внешняя система связи становится, таким образом, системой постоянных коммуникаций между людьми; это арена постоянного взаимодействия, которого никто не может избежать. Сеть улиц и дорог - важная предпосылка жизни в деревне.

Из окна можно наблюдать один из важнейших результатов такой сети: она делает, возможным общение самых разных людей. Тут, например, можно видеть

так называемого немого в беседе с тем, кто считается вполне нормальным. Тут пекарь галантно подает руку восьмидесятилетней преподавательнице эвритмии - своего рода воспитывающего танца - чтобы помочь ей перейти по льду. Наконец, можно увидеть две очень медленно продвигающиеся фигуры, одна - из-за повреждения ноги, а другая - потому что она родом из страны, где не знают оледеневших улиц.

7.2 Границы раскола

В сочетании с самыми различными обязанностями, которые выполняет каждый отдельный сельчанин, такая система тропинок приводит к тому, что люди постоянно встречаются друг с другом. Они постоянно буквально перебегают друг другу дорогу. Так как они вежливы, они обмениваются несколькими словами. А так как они благоразумны, они говорят о том, о чем думают. При этом здоровые люди несут особую ответственность. Терье не знает, где ему провести летний отдых; не могли бы вы взять его с собой в поездку по Югославии? Дом Сельмы Лагерлеф на следующей неделе почти осиротеет; нельзя ли тем, кто останется в нем, обедать у Оле Булля? Ганс опечален, потому что Ганна его дразнила, ты не мог бы ей об этом сказать? Конечно, часто обсуждаются проблемы - и не только обсуждаются, но и разрешаются. В деревнях дискуссии также, как и в общественных или частных учреждениях, но заметно важное различие: в деревнях дискуссии чаще всего принимают форму непринужденных встреч. В учреждениях, напротив, они становятся формальными собраниями персонала, заседаниями и совещаниями. Такие, собрания формально подтверждают различие между "ними" и "нами". Совещания созываются, чтобы обсудить очередные проблемы. Ганс и Ганна становятся, таким образом, объектом разговора экспертов; они становятся клиентами. Встречи на улице, напротив, не признают формальной иерархии; они не организуются преднамеренно и не имеют особого статуса. Тем самым они препятствуют безрадостному процессу формализации, превращения людей в объекты, который наблюдается во всех учреждениях, руководимых профессиональными экспертами.

Часто от сотрудников приютов и институтов слышишь, что много времени там уходит на совещания. Они правы. И они справедливо жалуются, что у них нет времени заниматься пациентами. У них отсутствует время потому, что они участвуют в собраниях, на которых и создается статус пациентов. Решение проблемы поэтому не в том, чтобы взять больше персонала на службу. Ключ - в изменении как мышления, так и организаторской практики - изменении, которое приведет к преодолению раскола между "ними" и "нами", между субъектом и объектом, специалистом и его делом.

7.3 Как на картине Брейгеля

Когда приезжаешь в деревни, складывается иногда впечатление, что пришел на средневековый рынок. Картины Брейгеля могли бы быть написаны в Видарозене.

Вне деревень большинство из нас живут вместе с людьми, в которых заметно сходство. Они принадлежат к одному общественному слою, имеют одинаковое

образование, одинаковую работу, одни и те же отношения с соседями и вкус в отношении вин. Но и внешне они кажутся похожими друг на друга, например, лицом, прической, одеждой и повседневным поведением. Таким образом, все производят впечатление людей одного типа. Это сходство совершенно уничтожает индивидуальные черты.

Люди в деревне идут противоположным, своим собственным путем. Кажется, что с годами все больше исчезает привычный жизненный фасад. В деревне свои дни народных праздников, но и каждый день там в известном смысле праздник.

Когда я иду по улицам больших городов, мне часто бросается в глаза, что люди, которых я встречаю, имеют определенное сходство с кем-то из сельчан. Этот парень имеет что-то общее с Олом, та дама чем-то похожа на Карен. Но в деревне мне никогда не приходит в голову, что кто-то похож на моих городских знакомых. Люди в деревнях имеют столь яркие характеры, что никого не напоминают. Правда, определенные черты характера могут быть едва заметны в некоторых бледных двойниках внешнего мира, но в самих деревнях никакие воспоминания о свойствах бледного двойника из внешнего мира не оживают.

Люди становятся характерными не без причины. На одну причину я уже указывал, а именно на тот факт, что иерархическому распределению ролей в деревне поставлены преграды. Обычно как роль пациента, так и роль персонала четко выражены, чаще всего различиями в одежде и во внешнем виде. Любая профессиональная или полупрофессиональная подготовка всегда становится тренировкой внешности. Пациенты и клиенты всякого рода также учатся вести себя в этом качестве; и одна из больших проблем при возвращении к обычной жизни состоит в том, чтобы отказаться от этого поведения. Люди в деревнях имеют взгляды, помогающие им преодолевать такое различие. Их совместная жизнь имеет такие внешние формы, что неизбежные признаки иерархического раскола сокращаются до минимума.

Другая важная предпосылка схождения деревень с картинами Брейгеля - это крайние различия в истории социальной жизни сельчан. Некоторые приезжают туда из закрытых учреждений, иные даже из "герметически" закрытых интернатов, потому что их считали опасными. Другие прибывают прямо из лона семьи, очень избалованы и неспособны брать на себя какие-то обязанности, пока требования деревенской жизни не вынудят их к этому. (При посещении дома они часто возвращаются к своему старому поведению.) Другие получили ученую степень и не хотят или не могут работать вне сообщества. Мастера и отцы, в одиночку воспитывающие детей, приезжают туда, чтобы только быть в сообществе. Большинство сельчан родом из Норвегии, но есть среди них и довольно много иностранцев.

Третье важное условие того, что люди в деревнях развиваются в личностей, это крайнее различие задач, выполняемых каждым в отдельности. Возьмем, к примеру, Петера: рано утром он играет на флейте; после завтрака он отвечает за мытье посуды, а в течение первой половины рабочего дня продает изготовленные в деревне гончарные изделия; после обеда он принимает участие в семинаре по эстетике в качестве студента, а вечером, если он должен участвовать в деревенском собрании, он удирает. Или Ольга: она оделась и позавтракала с помощью друзей; кто-то проводил ее до кукольной мастерской и назад до дома; после обеда она

занимается своей любимой книгой с картинками, но она в плохом настроении, потому что кто-то сдвинул ее стул с предназначенного ему места. Вечером хозяйка дома идет с ней в кафетерий за куском торта, Ольга улыбается до ушей. Лайф, например, звонит в колокол и собирает урожай лука; вечер он проводит на репетиции к рождественскому спектаклю. Анне проводила своих детей, до школьного автобуса, потом отвечает на письма, в которых люди просят в деревню. Она приглашает одного претендента на испытательный срок, говорит по телефону с одной матерью, которая жалуется, что ее "маленькая" дочь (которой тридцать два года) в конце прошлой недели пришла домой в ужасно грязных штанах. "Мне жаль, - говорит Анна, - но она должна сама привести их в порядок; дай ей время и окажи доверие." После обеда Анна замечает, что она недостаточно времени уделила подготовке своей роли в рождественской пьесе. Поздно вечером она идет на беседу о реинкарнации. В воскресенье она встречает большинство сельчан в доме Андреаса. Воскресная служба, которая проводится людьми из деревни, повествует о равенстве перед Богом и о том, что каждая душа имеет свое достоинство.

Поскольку нет социальных противоречий, индивидуальные жизненные истории различны, а задачи и обязанности многообразны, вся жизнь в деревне обращена к людям. Они постоянно встречаются друг с другом, но всякий раз в новой роли: как член определенной семьи, как плотник, как певец или артист, как приглашенный к обеду, как пастух в последней рождественской пьесе или как палач в следующей театральной постановке. Из совокупности задач, встающих перед отдельным человеком, делают исключения, но только с учетом той деятельности, которой человек занимался в прежние периоды своей жизни. Это разительно отличается от жизни в городе. Там мы чаще всего остаемся теми, кем мы стали в обществе. Медицинская сестра для соседей, если они вообще ее знают, это прежде всего медицинская сестра, полицейский - прежде всего полицейский. Через некоторое время и если немного повезет, медицинская сестра и полицейский станут немного большим, чем просто медсестра и полицейский. И все же нынешние роли остаются основным атрибутом человека, даже если белая косынка или шлем уже сняты. Люди в деревне совершенно иные. Они так сильно отличаются историей своей индивидуальной жизни и выполняют - это очевидно для всех - так много различных функций, что делать какую-то одну функцию более существенной кажется уже не столь само собой разумеющимся. Вместо этого люди в деревне признаются как индивидуальности. Они проявляют себя в своем характере, а не в отдельных ролях. Роли не закреплены, они могут исполняться разными лицами и исполнителей можно вычислить. Характеры тоже поддаются качественной оценке, но их не взять напрокат. Они принадлежат совершенно определенному индивидууму, вполне определенной личности.

8. СИТУАЦИЯ С ВЛАСТЬЮ

8.1. Кто принимает решения?

В поселениях нет директоров, нет короля и нет парламента. Кто же тогда принимает решения?

С формальной точки зрения дело обстоит довольно просто. Села объединены в одну организацию с официальным уставом. Во главе находится управляющий комитет, члены которого - жители самих деревень или приезжают со стороны. Среди них есть не только местные, но и иностранцы, не только "нормальные", но и менее "нормальные" люди. Комитет собирается два раза в год, и тогда принимаются решения.

На практике же все выглядит иначе. Потому что правление, которое бы пользовалось своими полномочиями, скоро бы осталось без деревень.

Принятие решений поддерживает огонь общественной жизни. Жизнь в деревнях зависит от людей, которые проявляют в своей деятельности необыкновенно высокую меру ответственности, особенно в отношении тех, кто живет с ними в семье. Указания сверху лишили бы их этой ответственности. Поэтому комитет правления не торопится решать то, что до этого еще не решалось. Перед каждым заседанием собираются на встречу представители деревень, обсуждают все стоящие на повестке дня вопросы. При этом они в большинстве случаев приходят к общему мнению. После этого их решения рассматриваются правлением и, как правило, принимаются. Если кто-либо из членов правления выражает сомнение, то это почти всегда приводит к тому, что данный вопрос переносится на следующее заседание правления. Сомнения возникают чаще всего тогда, когда чье-то мнение недостаточно ясно. Это особенно отчетливо проявляется в заседаниях правления, в которых участвуют иностранные члены (в настоящее время из Финляндии, Франции и Ирландии). Их присутствие требует, чтобы все говорили на английском языке, потому что это единственный язык, на котором мы можем общаться между собой. С одной стороны, это обременительно, с другой имеет свои преимущества. Члены правления говорят в этом случае меньше, и в том, что они говорят, отсутствует красноречие. Проблему не так просто завуалировать, и предложения звучат гораздо менее убедительно: суть каждого дела выступает на передний план. Бывает, что комитет сам выдвигает новые идеи, но при этом речь идет просто об импульсах, которые должны быть обсуждены в деревнях. Решение, таким образом, за теми, кто будет жить его последствиями.

Каждая отдельная деревня имеет свое правление, функционирование которого очень похоже на деятельность общего комитета. Деревенские правления собираются четыре раза в год. При этом они получают представление о состоянии финансов в настоящее время и способствуют выяснению проблем, по которым у жителей деревень существуют сомнения. Деревенские правления выполняют функцию посредников в отношениях с коммунальными властями. Но точно также, как и общее правление, они не решают ничего, что не было бы уже решенным делом. Решения, таким образом, возникают в самих деревнях. Но каково их происхождение?

Власти вне деревень были заинтересованы в том, чтобы каждое деревенское объединение было иерархическим и имело во главе управляющего директора. И они его получили - на бумаге. Я думаю, что немногие жители деревень знают, кому именно поручено выполнять эту задачу. Такие директора существуют лишь для экстренного употребления. Ко времени, когда я это писал, я мог вспомнить только одного единственного директора в пяти деревнях.

Кто-то, может быть, подумал, что решение принимается деревенским собранием. Это происходящая раз в неделю встреча всех жителей деревни. Часто в ней принимают участие гости. Их приветствуют по-особому - также, как и вновь прибывших поселян и сотрудников. Собрание имеет председателя, который руководит дискуссиями. В ходе дискуссий обсуждаются вопросы, представляющие всеобщий интерес. Но можно уже за неделю вносить предложения, тому, кто будет председательствовать.

Вначале деревенского собрания зачитывается протокол предыдущего заседания. При этом все слушатели необыкновенно внимательны. Повторение важных пунктов предыдущего собрания будит воспоминания, и часто среди присутствующих раздаются протесты и комментарии.

Число предложений и жалоб велико. "Улицы покрылись льдом, нужно посыпать их песком". Против этого горячо протестуют те, кто пользуются санками. "Магазины недостаточно чисты". Кто-то приходит слишком поздно к трапезе или на работу. "Почему уроки танцев не возобновились после каникул?" "Кто взял мой велосипед?" "Что мы можем сделать, чтобы изготовить этой осенью больше свечей?" Часто те участники собрания, которые задают хорошие вопросы, показались бы многим сильно отставшими в развитии или некомпетентными. Иногда у тех, кто просит слова, нарушена речь. Кажется, что председатель в состоянии понять и перевести самую неотчетливую речь - кроме, может быть, А и В, которые пользуются таинственной речью, столь чудесной на слух. Одна из них, девушка, находится после своего доклада в совершенном изнеможении. Она вспотела и задыхается, как после марафонского бега. Но на ее лице - счастливая улыбка. Ее эмоциональное обращение понято.

Часто между участниками собрания разгораются споры или резкая словесная перепалка. Иногда кто-то плачет или покидает зал. На последнем собрании, в котором я принимал участие, у одного сельчанина был приступ эпилепсии. Его незаметно вывели и доставили домой, не прерывая собрания. Эпилептические припадки являются частью жизни и важно, что им придается серьезное значение. Однажды перед залом, в котором должно было состояться собрание, была устроена демонстрация. Спорили на тему радио. Демонстранты, предводителем которых был некто с синдромом Дауна, требовали радио для личного употребления. Их желание было исполнено. В том же зале состоялось уже описанное восстание против нового нежелательного распорядка дня.

Итак, общие дела - конкретные вещи, представляющие интерес для всех присутствующих, действительно решаются деревенским собранием. Так как деревенские жители действительно очень интересуются друг другом, для них очень важно, что там говорят. Поэтому в собраниях участвуют очень активно. Но процесс принятия некоторых из важнейших решений при таком большом количестве людей не прост, если, например, речь идет об организации новых деревень, приеме новых членов, строительстве новых домов или перестройке отношений с властями.

Чтобы понять, где решаются эти вопросы, необходимо заняться более общими основами распределения власти вне этих деревень.

В деревнях нет должностей или ролей, которым даны официальные полномочия. Есть только определенные группы людей, имеющих возможность приобрести больше влияния, чем другие.

Важную роль играет, например, возраст. И в этом деревни отличаются от остального мира. Ритм деревенской жизни, постоянное возвращение всех событий делают опыт ценным преимуществом. Те, у кого позади долгая жизнь, обладают бесценным запасом знаний, в деревне это имеет большое значение: ограничить использование опасной техники значит ограничить ее притягательную силу для отважных молодых людей с их предприимчивостью; совместное руководство жизнью препятствует опрометчивому выставлению напоказ материального успеха; особо важное значение, придаваемое учебе, относится к изучению не только новейших явлений, но и вечных проблем. Так, в деревнях нет и времени ухода на пенсию. Активное участие человека заканчивается, когда кончается его жизнь. Преклонный возраст рассматривается не как бремя, а как условие жизни, как состояние. По названным причинам часто те, кто больше времени провел в деревнях, имеют большее влияние. Среди них в определенной мере избирается официальное руководство. И все же возраст, как покажет следующий пример, не является гарантией влиятельности. Из основателей норвежских кэмпхилл-поселений еще живы и живут в деревнях трое. Каждому в отдельности оказывается большое уважение, но только одна личность оказывает сильное, распространяющееся на всю систему влияние.

Основой пребывания у власти иногда могут быть родственные отношения. В союзе деревень иногда живут вместе два поколения взрослых людей. В одном из поселений была семья, которая в течение нескольких лет охватывала четыре поколения. И все же невозможно увидеть родственные связи, которые бы каким-то образом служили основой осуществления власти. Очень пожилые люди часто нуждаются в уходе и пользуются меньшим авторитетом. И между поколениями, которые активно участвуют в трудовой жизни деревень, кажется, не возникает отношений власти. Во всяком случае, не возникло никакой династической системы.

Биологический пол, напротив, имеет значение. В общем и целом норвежские деревни представляют собой в определенном смысле объединения для женщин. Семья занимает значительное место, и в центре многих разговоров стоят проблемы домашнего хозяйства. Мужчины принимают участие, но не доминируют. Традиционные области приложения труда мужчин, работа и технические знания не занимают монопольного положения. Высокий приоритет принадлежит скорее размышлениям о "благополучии тружеников". И культурная жизнь богата темами, имеющими одинаковое значение для женщин и мужчин. Таким образом, здесь мужчины не господствуют, как мы знаем это в обычном обществе.

Если говорить о принятии решений, на первый план выступают значительные женщины.

Я хотел бы предложить нечто совершенно иное для выяснения вопроса о влиянии. Влияние возникает, по-моему, прежде всего из двух вещей. Во-первых, данное лицо должно удовлетворять требованию участия в трех сферах жизни - домашнее хозяйство, работа и активное участие в культурной жизни. Это требует опыта, и здесь молодые люди находятся в невыгодном положении. Но и мужчины в целом меньше принимаются в расчет.

Второе требование при рассмотрении современного общества намного труднее описать. Понятие "роль" больше не помогает; более того, речь идет о своего рода "профиле личности". Это также связано и со знаниями. Но речь идет не о профиле

философа или ученого-специалиста" как это принято в академической среде, имеется в виду не использование большей части времени и энергии в интересах науки. Напротив, в деревнях наибольшее влияние оказывают те лица, которые умеют соединить выполнение конкретных требований ведения домашнего хозяйства и работы с очень энергичным стремлением в течение всей жизни приобретать познания в области искусств и литературы, что в деревенских объединениях считается очень важным. В одной из деревень однажды был некто с интересами и личностным профилем ученого, но склонный улизнуть, как только речь заходила об урожае лука. Вначале его очень ценили, но уважение быстро пропало, и он оставил деревню, чтобы специализироваться как ученому. Другие жители очень ловко справляются с практическими проблемами в домашнем хозяйстве или в мастерских. В этих сферах они полностью самостоятельны. Может быть, они подключают телефонные аппараты или помогают - вопреки всем возражениям - при сооружении прекрасных амбаров или небольших фабрик. Они совершенно очевидно влиятельны. Но если они не особенно интересуются культурной жизнью, у них весьма небольшие шансы быть признанными в роли руководителей.

В настоящее время влиятельной личностью в норвежских деревнях является женщина, проявившая себя во всех трех основных сферах жизни. И ее собственная жизнь представляет непрерывный духовный поиск. Она неутомимо занимается исследованиями и приобрела глубокие знания всей той литературы, которая в деревнях считается наиболее важной, особенно работ Рудольфа Штайнера. К тому же она еще является харизматической личностью, но не в том смысле, что может заразить и увлечь слушателей зажигательной речью. Она способна на это, но чаще склонна к благоразумию и использует слова, для многих остающиеся непонятными. Ее божий дар связан скорее с первоначальным значением этого слова, а это значит, что она обладает талантом так сказать о чем-то, чтобы выразить всю суть. Это становится, например, очевидным, когда она объясняет, какие решения более всего соответствуют основным идеям признанных авторитетов. Она постоянно спрашивает себя, какую позицию заняли бы в отношении определенной проблемы Гёте, Кёниг, Штайнер или их комментаторы, включая свою собственную персону, и потом этого придерживается. Что думает при этом социальное министерство, является для нее, может быть, поводом к размышлению, но никак не последним словом. Она так погружена в мир высоких идей, что часто бескомпромиссно ведет себя в отношении властей вне деревень. Она всегда дружелюбна, но без какой бы то ни было сентиментальности. Она никогда не идет на компромиссы, но постоянно готова испробовать самую радикальную альтернативу. Она верит в Бога и в то же время охотно бы посмотрела на деревню, ориентированную на буддистскую философию. Она скептик с твердыми убеждениями. Такова личность женщины, оказывающей в настоящее время наибольшее влияние на кэмпхилл-движение в Норвегии.

И все же границы такого влияния уже обозначены. Причина этого опять-таки во всеобщем требовании, чтобы жители деревни активно участвовали в решении общих важных задач. Это требование препятствует тому, чтобы влияние приобрел кто-либо, не прошедший через все жизненные испытания в деревне. Некоторые из мировоззренческих систем способствуют возникновению довольно странных

руководителей. Так, например, существуют фанатики, которые берут с собой в Карибское море верующих из США и там побуждают их к коллективному самоубийству, гуру, которые используют своих сторонников экономически или сексуально, и политические вожди, которые преобразуют своих приверженцев в экстремистскую партию. Чтобы добиться признания, таким руководителям нужна дистанция, а именно дистанция как в отношении сторонников, так и простых житейских дел. Выделиться при выполнении повседневных обязанностей для них почти невозможно. Они оказываются несостоятельными, если речь идет о том, чтобы сменить пеленки, внимательно обращаться с сумасшедшими, собрать урожай овощей или представить на сцене Марию или вора. Но руководители, которые есть в деревне, знакомы с этими делами, знакомы так, что постоянно учитывается вся система норм повседневной жизни. Если бы они не проявляли заботливости и сердечного участия, они не занимали бы того положения, в котором находятся сейчас. А так как они знакомы с простыми жизненными делами, они, по всей видимости, никогда не забудут этих норм.

Все жители деревни должны активно участвовать в решении общих задач. Вследствие этого ограничения возникают другие, прежде всего ограничение величины союза деревень. Для смены пеленок требуется время. Также требуется время для руководства большим делом. Если кто-то связан повседневными обязанностями, то для руководства неизбежно остается меньше времени. Когда сеть деревень растет, она распадается, что, в сущности, хорошо. Если бы союз увеличивался при центральном руководстве, система должна была бы быть совершенно иначе организована. Произошла бы опять формализация отношений власти, возникла бы бюрократия, четкое разграничение полномочий при принятии решений и развились бы иерархические структуры. Достоинств, которые сейчас неотъемлемы от жизни деревни, больше не стало бы, работа превратилась бы в пытку; решения больше не принимались бы на местах. И, наконец, возникло бы требование компенсационных вознаграждений по принципу материальной заинтересованности.

Тогда снова была бы различная оплата. Деревни стали бы учреждениями, и все, что до сих пор было достигнуто, оказалось бы напрасным.

8.2 Вознаграждения

На всех предприятиях, которые мы знаем, в сфере труда существует система оплаты. Чаще всего речь идет о служебной лестнице, устанавливающей различия в зарплате, в должности, размерах кабинета и виде орудий труда. Часто даже место за столом во время обеда или на заседаниях зависит от ранга отдельных людей. Самый важный участник приходит чаще всего последним, чтобы ни одна секунда его драгоценного времени не пропала. По окончании заседания он почти всегда покидает помещение первым. Неотъемлемой частью системы вознаграждения считается право осуществлять власть. Иногда оно рассматривается даже как столь важная часть, что другие вознаграждения отступают на задний план.

Деревни же не имеют почти что никаких из обычных вознаграждений. Повышений по службе нет, потому что нет мест, на которые можно выдвинуться. Правда, каждый в отдельности ответственен за решение определенных задач, но-

все задачи одинаково важны, и никто не может выдвинуться с течением времени как особенно важный. Если кто-либо склонен придавать преувеличенное значение одной какой-то проблеме внутри деревенского объединения, такого человека побуждают оставить эту область проблем и работать в других сферах. Так, например, от одного из деревенских жителей, обладавшего талантом работы с компьютером и до определенной степени усовершенствовавшего и централизовавшего бухгалтерское дело, мягко, но настойчиво потребовали вместо этого работы на крестьянском подворье. Другой пример этого процесса - пекарня, которая постоянно повышала свою производительность. Приговор гласил: "Дело идет слишком хорошо. Если пекут так много хлеба, это признак того, что к решению" других проблем относятся небрежно." И чтобы приостановить перепроизводство, главные участники получили важные задания в сфере культурной жизни.

Когда-то было так, что группа опытных жителей деревни ездила от селения к селению и консультировала на месте. Принадлежность к этой команде, вероятно, ближе всего к официальной должности. В то время, когда я писал эту книгу, я узнал, однако, что эта группа распалась, потому что решили, что она умаляет значение представительного комитета. Быть членом этого комитета - проявление доверия. Но сам комитет стремится принизить это значение, приглашая всех заинтересованных принимать участие в большинстве заседаний правления. То, что доступно всем, не может быть вознаграждением для немногих.

Жизнь в деревенском объединении имеет определенное сходство с жизнью семьи. При этом все же элементы как традиционной, так и современной семьи соединяются в совершенно новой форме. Жизнь в деревне сходна с традиционной семьей тем, что общими узами связано большое число ее членов. Семейные объединения довольно велики, и каждая деревня может считаться еще большим единством разветвленных родственных связей. Так, например, небольшие праздники происходят в отдельных домах, а большие открыты для всех жителей деревни. Рождение ребенка вызывает всеобщий интерес, а крещение представляет собой такое большое общественное событие, что на празднование приглашается вся деревня. То же относится к свадьбам и погребениям. В деревнях семейная жизнь не скрывается: все жители принимают в ней участие.

Аналогия же с современной семьей заключается в антиавторитарной структуре. В некоторых семейных объединениях, правда, отец семейства (или чаще мать семейства) действительно играют главную роль, но с местом главы семьи вряд ли связаны какие-либо привилегии. В отдельных случаях можно наблюдать некие роли "пап или мам", при этом речь идет о членах семьи, которые больше способствуют выполнению обязанностей остальными, чем они, собственно говоря" должны были бы делать. Но в общем это довольно трудно - утвердиться в роли главы в деревенской семье. Потому что новые, чаще всего молодые сотрудники привозят с собой стандартные представления окружающего общества. Они не признают старый авторитарный стиль руководства и жалуются, либо же порывают с деревней. Такие случаи бывали. К тому же многие сотрудники имеют собственных детей, и всегда удивительно видеть на них сильный отпечаток общей культуры норвежских детей и подростков. В деревнях нет телевизора; центр тяжести там переносится на духовную жизнь и только очень немногие ценности из

общества потребления находят признание. Дети же, как и все дети: чаще всего шумные и непослушные, живой пример той распространенной духовной позиции, которая ' начисто отвергает, всякое проявление старомодного авторитета. Воспитание ребенка требует много такта; помочь молодому существу перейти ко взрослому существованию - это все равно, что тащить лосося из реки удочкой, которая так хрупка, что грозит вот сломаться. И так, польза авторитета ограничена. К этому надо добавить, что родителям в деревнях постоянно не хватает времени. Они же должны не только выполнять домашнюю работу, но и участвовать в культурной жизни. Таким образом, проблема большинства семей в деревне не в абсолютной претензии на авторитете, а скорее в том, что членам семьи не хватает как времени, так и готовности взять на себя ответственность за необходимость решения и действия.

Поэтому вознаграждения там больше похожи на вознаграждения в семьях, живущих довольно демократично. Это значит, что, собственно, нет никаких - только уважение и любовь, больше ничего. Не избирается мать года, нет особых наград для отца, тети или послушного сына. Совместная жизнь идет вполне нормально и определяется вполне нормальными принципами. В отличие от официальных учреждений там не выдвигаются ни точные цели, ни правила, каким образом достичь этих целей. А раз нет подробных. указаний, то и достижения невозможно измерить. Таким образом, победителей нет. Часто говорят: "Она была хорошей матерью." Почему же она была хорошей матерью? Если детям приходится отвечать на этот вопрос при погребении, они затрудняются найти точное объяснение. Как? Почему? Возможно, это связано с домашней атмосферой, с повседневным ходом вещей, с бесконечными встречами, большинство из которых, наверно, были хорошими. Внутри организаций надо карабкаться по лестницам и достигать целей. Семейная же жизнь представляет собой цель сама по себе. Путь и есть цель.

В деревнях все жизненные связи похожи на семейную жизнь. Отсюда возникает совсем особая проблема: что происходит с теми, кого раздражает их многофункциональное существование и они считают, что заслуживают внимания. и вознаграждения? Что происходит с искателями престижа, если престиж не может быть получен?

Внутри социальных организмов, устроенных по-другому, практикуются следующие два решения. Или упомянутые получают какое-нибудь престижное задание, или они должны уходить. Ни одно из этих двух решений нельзя перенести на деревню, особенно решение об исключении. Невозможно просто покинуть деревню. Она является своеобразным миром, который так притягателен, что нормальное общество как в глазах тех, кто думает об уходе, так и тех, кто хотел бы поддержать их в этом, кажется довольно непривлекательным. И тот, кто уже несколько лет прожил в такой деревне, не имеет достаточно денег, чтобы начать где-то новую жизнь. Все потребности удовлетворялись, а все лишние деньги вкладывались в деревню. Кроме того, исключение тех, кто долгое время провел в деревне, рассматривается как нарушение самых элементарных правил. Деревни предназначены для всего жизненного цикла. Это именно та вещь, которую приносит нам кладбище.

Также не существует возможности раздавать почетные должности, так как нет официальных властей имущих. Поэтому почетные функции не постоянны. Ни за возраст, ни за особо добрые дела не выдаются какие-либо особые права. Бремя старости по сравнению со многими другими трудностями, которые можно наблюдать в каждой из этих деревень, относительно невелико. Возраст представляет там только атрибут, вызывающий лишь небольшой интерес. Никто не обращает внимания на законный пенсионный возраст. Хотя нет вознаграждения, люди до тех пор работают над многочисленными неотложными задачами, выдвигаемыми совместной жизнью, пока они в самом прямом смысле этого слова не становятся недееспособными. В сравнении с тем, что влечет за собой старость в остальном мире, это имеет свои преимущества; если же брать возраст за критерий предоставления особых прав, то шансы для стариков в деревнях плохи.

Деревни, таким образом, не предоставляют возможностей роста по вертикали, зато рост по горизонтали почти неограничен. Жители деревень, как и сотрудники, находятся постоянно в пути. Они путешествуют или переезжают, и не только внутри одной и той же деревни, но и в другие деревни, и даже в находящиеся за рубежом. Только меньшинство остается дольше трех-четырех лет в одном и том же доме. Часто переселяются отдельные лица, или пары, иногда и большая часть семейного объединения. И место работы часто меняется. Эта мобильность действует как своего рода предохранительный клапан. Может случиться, например, что отношения в определенной семье омрачились, потому что члены семьи действуют друг другу на нервы. В другом случае, может быть, семья или даже целая деревня ищут нового члена. То же относится и к рабочим местам. Такого рода изменения имеют то преимущество, что они неоднозначны. Так, переезд может быть результатом побуждения или осложнения; он является результатом либо сильной потребности в перемене, либо желания освободиться от вполне определенной персоны, либо, наоборот, принять определенное лицо в свой дом. Кто в одной среде был пиллой, действующей на нервы, другую, может быть, обогатит. Кто-то, являющийся экстравертом и всегда производящий много шума, может стать проблемой среди таких же людей, а среди слишком тихих - благословением. С точки зрения мобильности жителей деревень очень выгодно, что как семейные объединения, так и целые деревни организованы по одному основному принципу. Переезд при этом означает новых людей и новое социальное окружение, но не новую форму жизни и не новый жизненный ритм. Многие жители деревень уезжают за границу, чтобы несколько дней или даже лет побыть в гостях у других деревень. Часто они не говорят на языке той страны и заносятся властями в разряд умственно отсталых. Но ритм и организация деревни, в которую они приезжают им знакомы. Через несколько дней после прибытия они уже включены в новую систему.

Перед деревенскими жителями открыт и совершенно иной путь. Это может быть с одной стороны бегство, а с другой - вознаграждение. Это путь, который ведет внутрь - либо в мыслях, либо в медитации. Деревни являются местами созерцания. Короткие мгновения молчания перед трапезой или встречами дают возможность участникам снова и снова выверить свой курс. Жизнь в деревнях бурная; это жизнь со множеством обязанностей и постоянной борьбой за их точное исполнение. И

все же одновременно в ней есть особая тишина. Она открывает путь к сокровищам внутреннего мира.

8.3 Социальный контроль

26 августа 1988 года в газете "Иерусалим пост" появилось сообщение, что редактор попал в очень трудное положение. Одна из его статей возбудила недовольство ультра-ортодоксальных читателей его газеты. Редактор предстал перед судом. Приговор гласил примерно следующее:

"Богобоязненные жители призываются по решению суда держаться на расстоянии не менее четырех локтей - 2,4 метра - от рабби Хаима Катценэлленбогена, главы Торы Вира Иешива и предводителя воинствующей антиссионистской Нетурай Карта. Он не может быть десятым в кругу молящихся. Он не может получать никакого жалования сверх того, что необходимо для поддержания жизни. Запрещено желать ему "Шолом".

Жестокое наказание, если предположить, что приговор имеет законную силу. Но не поступаем ли мы в повседневной жизни иногда также. Мы колеблемся между близостью и одобрением с одной стороны и отстранением и осуждением с другой. В социальных системах с тесным переплетением связей имеются тысячи возможностей выразить недовольствие. Они используются также и в деревнях. И там они еще действеннее, чем обычно, потому что меньше возможностей спрятаться. Так, например, внутренняя дистанция ощутимее, потому что большинство людей, до которых есть дело, постоянно вблизи. Нет возможности избежать встреч, которые больше не являются настоящими встречами. В деревнях нет обычных предпосылок, дающих нам возможность избежать неофициальных санкций.

Там в распоряжении находятся еще четыре других механизма санкций, а именно, деревенское собрание, праздник Св. Николая, переезд и, как последнее средство - исключение из деревенского сообщества.

Деревенское собрание часто служит для выражения критики. Так, например, для жителей, чья задача состоит в том, чтобы готовить материал для компоста, вероятно, оскорбительно постоянно вылавливать из отходов бутылки, банки или синтетические вещества: во время деревенского собрания они инсценируют скетч, чтобы продемонстрировать опасные последствия этого. Критикуются также отдельные лица. "Кто-то распространяет за моей спиной ложь обо мне", - говорит Петер. Эва отвечает раздраженно, что это не она, но что Петер должен вовремя являться на работу. Вспыхивает ссора, и собравшиеся жители деревни с интересом слушают. Кто-то жалуется, что по пешеходным дорожкам, ездят на мотоцикле. Имени не называют, но это и не нужно: в деревне только один мотоцикл.

День Св. Николая, 6 декабря, предоставляет изобилие возможностей. По мнению жителей деревни, это очень подходящий день, чтобы одаривать тех, кто заслуживает вознаграждения. Когда я жил в деревне, я получил пару ангельских крыльев. В коротком обращении Св. Николай сказал мне, что хоть я и в порядке, но должен направить на небо немного больше внимания. Элла получила красивое платье. Она склонна к тому, чтобы брать на себя заботы и нужды других, и из-за этого забывает о своей внешности. Другие получили подарки, которые были

просто милы. Вся деревня была на вечере, на котором некоторые жесты были красноречивей слов.

Изгнание - это, последний шаг. В истории норвежских деревень эта мера до сих пор очень редко применялась. Обычный порядок приема состоит в том, что сельчане сначала проводят в деревне испытательный срок. Если этот промежуток времени прошел, и вы хотите остаться, то в общем исходят из того, что вы проведете там остаток своей жизни. В ряде случаев государственные власти посылают кого-либо в деревню насильно. Были здесь также люди из закрытых заведений, имевшие множество проблем с поведением и создававшие беспорядки. С этой ситуацией деревни не справлялись. А потом еще этот случай с Z, который прибыл прямо из заключения. После того, как он месяцами будоражил деревню, его поведение в отношении маленьких детей стало так опасно, что он должен был возвратиться в тюрьму. Однажды от двух сотрудников официально потребовали оставить деревню; и все же один из них продолжал работать для этой деревни, но за жалование, соответствующее обычному уровню. Случилось также, что несколько молодых сотрудников собрались покинуть нынешнюю деревню. Некоторые уходили по собственному желанию, потому что деревня или определенные лица внушали им отвращение. Конфликты возникают особенно быстро в связи со специализацией. Нелегко признать, что все другое, возможно, важнее, чем дело, в котором являешься специалистом.

Посетители, которые приезжают в деревни, часто удивляются дружеской, перемежающейся моментами тишины атмосфере, которая там царит. В известной мере ваше впечатление соответствует действительности, что не должно означать, будто жизнь в деревне - сплошной покой. Когда живут, так близко друг от друга, отдельные партии приобретают огромную важность друг для друга. Кипят чувства любви и ненависти. Собственно, удивительно, что взрывы не происходят чаще. Отчасти это объясняется, вероятно, ритмом жизни деревень. Если возникают конфликты и накапливается гнев, это приводит, естественно, к разрядке. Также происходит и в деревнях. Но здесь идут дальше. Отдельные группы встречаются по различным поводам. Если в доме ссора, то ее участники встречаются на библейском вечере. Это своего рода процесс очищения, как сказал однажды один из жителей деревни, очень значительное событие, встреча, темы которой так огромны, что затмевают повседневные споры. Не нужно даже говорить о конфликтах, к концу вечера они уже улажены. На следующий день противники встретятся, вероятно, на совместном богослужении, а в воскресенье вечером состоятся почти всегда совместно посещаемые концерты или лекции. Моменты молчания, искусство и духовные потребности создают ситуации, когда чувствуешь себя несколько неприятно, раздувая конфликт со своими согражданами,

В этой главе мы напрасно искали в деревнях власть имущих. Нет ни короля, ни королевы, ни президента, ни главы, который бы заслуживал этого названия, ни президиума, сражающегося за принятие решений, ни выборов. Есть только определенные запрограммированные рамки любой формы специализации; поэтому влиянием пользуется лишь тот, кто умеет сочетать свои обязанности по дому, свою работу и свои задачи в культурной жизни деревни. Правда, есть женщина, которая имеет немного больше влияния на остальных членов поселения, но каждый волен возражать ей, не боясь оказаться в невыгодном положении.

Что же это за общественная система?

Выносят решения, покупают крестьянские подворья, строят дома, принимают новых людей а иных удаляют. Таким образом, налицо осуществление власти, но в чьих руках эта власть?

Мы опять должны вернуться к противоречию между государством и обществом, между открытыми жизненными сообществами и навязанными системами классификации, между дифференциацией и изображением черно-белой краской. Деревни представляют собой небольшие островки сопротивления государственному разделению на категории.

В понимании этого мы немного продвинулись вперед: властные структуры в деревнях и между ними похожи на те, которые встречаются в относительно открытых системах без строгого иерархического порядка. Правда, есть договор о разделе собственности, но он говорит лишь о том, что все принадлежит деревенскому опекунскому совету.

Далее, существует договор между государством или коммунальными властями и деревнями. Он регулирует выплату государственных денег жителям деревень. Но в отношении тех, кто не считается нуждающимся в социальном обеспечении, не существует никаких письменных соглашений. Они просто приезжают, остаются или когда-нибудь снова уезжают. До сего дня у них нет никаких прав, зафиксированных на бумаге: ни регулирования с помощью договоров, ни гарантированного дохода, который они могли бы . взять с собой, уходя. Их личное влияние основывается с одной стороны на ценности, которую они представляют для деревни, с другой, на принципах приличия и справедливости, принятых среди живущих там.

Никаких гарантий, никакой ясности, жизнь по ту сторону от любых договорных гарантий - сегодня нам это кажется невозможным делом, пока мы не задумаемся о том, что это всегда являлось образом жизни большинства людей.

9. РЕДКИЙ ВИД

Когда гуляешь по лесу, тебя окружает множество тайн. Если, скажем, в лесу только что выпал снег, то белая пороша приглушает каждый .звук. Но и кажущийся безмолвным лес никогда не бывает совершенно тихим. Вдали раздается призыв зимней птицы, а деревья поскрипывают под .тяжестью снега. Всюду можно обнаружить следы лесных обитателей. Здесь проскочил заяц, там его подстерегала опасность: виден след лисицы, которая смела верхний слой снега своим пышным хвостом. А там что за глубокий отпечаток? Может быть, здесь, вблизи от города, спал лось?

Жить - это значит интерпретировать, читать знаки и толковать их. Что это за феномен? Что это за растение? Что это за животное? Что это за человек? Что это за объединение людей?

Чтобы понимать, мы сравниваем. Один след сравниваем с другим следом, одну общественную систему - с другими системами.

9.1 Усадьба в городе

Когда норвежские кэмпхилл-деревни были в начале своего развития, в министерстве здравоохранения состоялась конференция. Компетентный врач, благожелательно настроенный человек, который постоянно высказывался в пользу деревень, поднял вопрос о плане лечения жителей деревень: об их реабилитации, об их возвращении в общество, и одобрительно отозвался о том, что Видарозен купил в близлежащем городе усадьбу, чтобы дать возможность нескольким жителям деревни, имеющим относительно небольшие затруднения в развитии, вместе поселиться там во главе с опытными "родителями". Это намерение рассматривалось как первый шаг на пути возвращения в общество.

Покупка усадьбы казалась успехом. Все, кто там поселились, нашли в городе работу. Они зарабатывали деньги и, казалось, соответствовали требованиям современного индустриального общества. Их работа в деревне скоро стала легендой.

Но далеко не столь восторженное одобрение встречало то, как они проводили вечера и свободное время. С работы они шли прямо домой, в усадьбу: правда, там их сердечно встречали "родители", но изо дня в день это были одни и те же люди. Пять или шесть лет обитатели усадьбы были совершенно одни, и возможности этой маленькой группы были весьма ограничены.

Итак, они жили в городе, были с одной стороны готовы покончить с деревенской жизнью, а с другой стороны хотели стать совершенно нормальными людьми в нормальных городских буднях. Они начали тосковать по нормальной жизни среди нормальных людей. Соседи приглашали их на кофе, но это были пожилые люди, а те, кто поселился в этой усадьбе, ощущали себя молодыми. И они отправлялись на поиски себе подобных, совершенно нормальных друзей.

Они отправлялись на поиски туда, где ищут все остальные: в привокзальный ресторан, в постоянно открытые закусочные или в порт. То есть в общественные места, которые для большинства людей оказываются лишь промежуточной станцией, а для социально уязвимых становятся местом надежды. Но в таких местах нельзя находиться, не съедая чего-нибудь. Пиво оказывалось слишком доступным, и некоторые из сельчан сбивались с пути. Кто-то и по сей день его не нашел.

Почему эксперимент не удался?

Оглядываясь назад, можно найти две основных причины этого. Во-первых, усадьба все же не была деревенским сообществом, а во-вторых, современные города неподходящее жизненное пространство для людей, иных, чем большинство из нас.

9.2 Являются ли деревенские сообщества учреждениями

Тот благожелательный врач ценил Видарозен и хвалил деревню как выдающееся учреждение, открытое для экспериментов и создающее возможность множеству внутривидовых контактов. И все же деревня была для него по-прежнему институтом, организацией, а не настоящей жизнью. Поэтому для него, несомненно, было улучшением, что живущие там люди покидали деревню и возвращались в настоящую жизнь.

Но те, у кого контакты с сельчанами теснее, имеют совершенно другое мнение. Для них деревни представляют собой реальную жизнь, может быть, даже слишком реальную. Они единодушны в том, что жизнь в других частных или общественных учреждениях гораздо менее позитивна, и утверждают, что деревни имеют характер совсем не учреждений. Правильно ли это утверждение?

Четыре признака характерны для большинства приютов и заведений. Во-первых, большая часть времени там проводится на ограниченном пространстве. Работа, свободное время, сон - все под одной и той же крышей, и в этом принимают участие постоянно одни и те же люди. Это характерно и для деревень. В данном случае это образ жизни, ориентированный на сообщество, резко отличающийся от обычного быта большинства норвежских семей. Обычно люди часто покидают свой дом и близких соседей, чтобы где-то в другом месте работать и проводить свободное время, они пытаются там примкнуть к той или иной группе людей, подчас даже не знакомых друг с другом. Деревни же в этом сравнимы с учреждениями.

Второй характерный признак учреждений - явное различие между обслуживающими и обслуживаемыми. Особо важные лица из персонала претендуют слыть специалистами в своем деле. Часто они имеют специальное профессиональное образование. Так, например, есть рать в белом, врачи и медсестры, или рать сторожей с ключами, содержащая в заточении местных жителей. Еще есть те, кто пользуются преимуществами возраста, например, старики в интернатах или молодые люди в домах для престарелых. И есть те, кто принимают участие в обсуждениях, имеют собственные кабинеты, собственную столовую или особые столы в общественной столовой. Почти всегда эти представители персонала имеют полномочия власти над не-персоналом.

Иерархические различия являются определяющими почти для всех учреждений, но не для деревень. Как мы видели, разница между "ними" и "нами" сокращается до минимума. Это проявляется в разных сферах социальной жизни, например, в сети дорог и улиц, действующей как альтернатива обсуждениям, в принципе деления труда и вере в достоинство каждой отдельной души. Фундаментальное различие между деревнями и жизнью в заведениях и приютах заключается в том, что охранники и медсестры уходят домой, то есть покидают ограниченное пространство данного учреждения, так как вне его они живут собственной жизнью, с собственным домом, с собственной семьей и собственным свободным временем. Время, которое они проводят в учреждении, является оплачиваемым трудом. В деревне, напротив, все находится постоянно, некоторые даже навсегда. Они живут, действуют, работают и отдыхают вместе. Это единое целое, жизнь в полном единении, более всеобщем, чем любое тоталитарное учреждение, как парадоксально утверждал Гоффман в 1961 году. Если деревни вообще с чем-нибудь сравнимы, то скорее с кораблем, чем с больницей.

Третий существенный признак приютов и заведений состоит в том, что жизнь идет там по определенному плану и направлена к точно сформулированной общей цели. Места заключения и больницы являются наиболее типичными примерами, но сюда относятся также детские дома, студенческие общежития, дома для престарелых или учреждения для различных групп инвалидов. На первом плане там цели наказания, лечения, воспитания или ухода.

Само собой разумеется, что кемпхилл-деревни не имеют целью какое-либо наказание. Они существуют не для того, чтобы каким-то образом обособлять или изолировать людей. Никому не мешают уйти, если он хочет. Новые члены вначале проводят в деревне две недели. Если им нравится жизнь в деревне и сообщество их принимает, они находят там постоянный дом. Вопрос о возможных методах лечения является, однако, более обширным. Другое слово, означающее "лечение", это "исцеление", понятие, которое содержит в себе процесс исцеления, выздоровления. С этой точки зрения деревни являются действительно здравницами. Но процесс исцеления в них не ограничен временными рамками, а является длительным и непрерывным. Он охватывает всех, кто там живет, а не только тех, кто отнесен властями к лицам, имеющим аномалии в развитии. Также и жители деревень рассматривают деревню не как место временного пребывания, а как место для постоянной совместной жизни. А что касается изначального понимания лечения, то деревни, конечно, не предназначены для таких мероприятий. Не существует метода лечения для синдрома Дауна. Благодаря тестам и прерыванию беременности на ранней стадии может быть предотвращено существование страдающих этим заболеванием, а путем операций на лице возможно в определенной мере придать больным с синдромом Дауна вид совершенно нормальных людей. Но члены деревенских сообществ отвергают оба "решения". Они хотели бы создать формы совместной жизни, полезные для таких людей. Само собой разумеется, что больных лечат, но лечения от иного рода бытия нет.

Как в Видарозене, так и в других деревнях есть разнообразные формы обучения. Некоторые жители учатся читать и писать, другие вяжут или играют на флейте, а иные упражняются в эвритмии. Большинство слушает несколько раз в неделю лекции или концерты. Но все это лишь часть совместной жизни в деревне; воспитание не является специальной целью пребывания там.

А как обстоит дело с социальным обеспечением? Ответ примерно тот же. Социальное обеспечение есть во всех деревнях, но и оно охватывает всех жителей, потому что неотделимо от жизни там и не является специальной целью. Жизнь и есть цель. Но именно в этом пункте и трудно провести различие между деревнями и учреждениями в остальном обществе. Особенно дома для престарелых или приюты для лиц, имеющих длительные затруднения развития, похожи на деревни тем, что в них не обязательно идет речь об ограниченном по времени пребывании в учреждении.

И, наконец, последний аспект. В приютах и заведениях всегда вместе живут много лиц совершенно определенной группы. Это либо заключенные, либо пациенты, школьники, старые люди или инвалиды.

Так ли это в деревнях?

Ответ на этот вопрос зависит от того, с каких позиций смотреть. С традиционной точки зрения на ограниченном пространстве деревни можно найти гораздо больше людей определенной группы, чем это обычно имеет место в обществе. Там больше людей, получающих пенсию по инвалидности, и много получающих денежные компенсации. В этом отношении деревни похожи на большинство учреждений, на ограниченном пространстве которых живет вместе относительно много лиц одной и той же группы.

Однако с точки зрения самих деревень дело обстоит совершенно иначе. Жители деревень - это индивидуальные характеры, личности. Они похожи друг на друга своим отличием от большинства населения, но различаются как индивидуальности. Приюты и заведения часто уничтожают эти различия. Иногда имена заменяют номерами; униформа или предоставленная государством одежда, обязательная стрижка, а также голые комнаты или камеры, которые не терпят личного имущества, способствуют тому, чтобы сделать упомянутых людей похожими друг на друга. В отличие от этого деревенская жизнь подчеркивает индивидуальность каждого, и, в определенной мере, его своеобразие. Под таким углом зрения ситуация оказывается совершенно противоположной. В обществе вне деревень находятся люди, совершенно похожие друг на друга. Приспособленные к основным требованиям индустриального общества, принуждающего потреблять произведенные товары, они производят впечатление бледных копий. Деревни, напротив, представляют собой жизненный уклад, способствующий развитию индивидуальных различий. В них господствует индивидуальность.

Кратко подведем итог: эти деревни сходятся с частными и общественными учреждениями в том, что охватывают на ограниченном пространстве различные сферы жизни. С официальной точки зрения они похожи также в том, что принимают у себя большое число лиц одной группы. (С точки зрения жителей деревень это видится совершенно наоборот.) Деревни отличаются от приютов и заведений тем, что их организация не служит выполнению точно сформулированной абстрактной задачи, а прежде всего тем, что нет сознательного разделения на "меня" и "тебя", на "вас" и "нас".

9.3 Нормальна ли жизнь в деревне?

Если мы возьмем индустриальное общество за образец нормальной жизни вообще, тогда жизнь в деревне с чисто статистической точки зрения не является нормальной.

Люди там знают друг друга. Почти все знают, как зовут каждого в отдельности. Они зовут друг друга по именам, постоянно встречаются друг с другом, они важны друг для друга, они ненавидят и любят друг друга и не стараются это скрыть. Они помогают друг другу, причиняют друг другу боль и заботятся друг о друге. Таким образом, деревни очень жизнеспособны. Они представляют собой совершенно типичные прочные сообщества.

Когда возвращаешься из них к нормальной жизни больших городов, удивляешься большому различию. Города густо заселены, и их общество основывается на процессе специализации. Это создает предпосылки для неравенства и раскола. Правда, в более крупных общественных формациях есть взаимозависимости, но лишь между отдельными должностями или функциями. Исполнители, наоборот, заменимы. Комплексная система технических и социальных инструментов должна функционировать; при этом успех все-таки не зависит от кого-либо одного. Общественные функции должны выполняться; при этом безразлично, кто в отдельности берет на себя определенную роль. В интересах слаженного процесса уравниваются друг с другом даже большие группы населения, чтобы быть взаимозаменяемыми. При этом возникает опасность

отчуждения людей друг от друга. Большинство из нас включено в определенные модели отношений, но большинство живущих рядом с нами людей мы не знаем.

Чужие были всегда. Они жили на краю охотничьего угодья, вне деревни или за воротами городка и распространяли страх и ужас. С ростом городов для большинства людей возникла совершенно новая ситуация. Примета современных городов - анонимность. Чужие поселились вблизи нас; часто они живут в одном и том же доме и все же остаются на расстоянии.

По сравнению с обществом этого рода деревни совсем иные. Они образуют прочное объединение, в котором отдельные люди зависят друг от друга как индивидуумы, как личности, а не только как некто, кто выполняет определенную задачу или функцию, которая, мало того, принадлежит не ему одному. Кемпхилл-деревни сравнимы с маленькими средневековыми городами; с нынешними формами поселений они не имеют ничего общего. Но и это сравнение тоже хромает. Потому что, как уже много раз говорилось, в деревенских объединениях с точки зрения находящихся вне их государственных инстанций живет очень много людей, которые не могут жить в нормальном обществе и имеют право на пенсию или нуждаются в особой помощи. Этим они отличаются от средневековых городов, в которых различные группы населения расселились более гармонично. Концентрация отдельных групп существовала всегда только в специально для этого предназначенных кварталах. Такие кварталы часто назывались гетто.

9.4 Деревня как гетто

Согласно спорному историческому объяснению понятие гетто происходит от итальянского *bourghetto* ("маленький замок"), которое означало как прибежище, так и место ссылки. Большие тюрьмы возникли из замков; это было либо глубокое подземелье, либо оно находилось высоко на башне, как место уединения впавшей в немилость принцессы. Жизнь в гетто охватывает согласно этому толкованию два аспекта: люди либо насильно помещаются туда, либо собираются там для защиты.

В более позднее время со словом "гетто" больше связывали мысль об определенной расовой принадлежности. Так, словом "гетто" называют итальянские, или китайские общины в Нью-Йорке, турецкие в Берлине или жилые кварталы скандинавских пенсионеров в Испании. Но за этим необдуманном словом встает другая картина, навсегда связанная с уничтожением евреев и позором Европы. Гетто называли те районы городов, где позволялось жить евреям. Там были их синагоги, школы и центры образования; там они жили и работали, и там они вновь и вновь, как в далеком, так и в недалеком прошлом, становились жертвами убийств. Их убивали либо в самих гетто, либо депортировали оттуда в газовые камеры. С понятием гетто связаны, таким образом, только плохие ассоциации.

И все же, страшась употребления определенных слов, мы не изменим реальность. Есть люди, которые сравнивают деревни с гетто. По праву, ибо действительно существуют параллели, которые нужно исследовать. Если правда, что кемпхилл-деревни имеют нечто общее с гетто, то при таком сравнении у кого-то может возникнуть сомнение, не следует ли как можно скорее освободить деревни от какой бы то ни было связи с этим ужасным словом и его ассоциациями? Но это бы

означало помочь Гитлеру и Гиммлеру одержать троекратную победу. Искоренив понятие гетто, мы не только уничтожим евреев и разрушим гетто в его созидательном смысле. Мы потеряем в этом случае языковой символ идеи важной формы совместной жизни. Нацисты - и их предшественники в прошлых столетиях - могли убивать и разрушать. Но если мы при каждом злоупотреблении властью над окружающим, миром будем терять часть нашего мира представлений, тогда мы проиграем больше, чем войну с ними. Тогда мы потеряем наследие, связь со всем тем, что было хорошего в старых представлениях, а в конце концов не будем даже знать, как сохранить те виды жизни, которым угрожает опасность. Кроме того, мы осквернили бы память о людях, живших в разрушенных формах культуры. Таким образом, мы должны спасти основную идею гетто, мы должны выяснить, в чем ее суть, чтобы понять, содержатся ли в ней ценности и основные структуры жизни, важные для современного общества.

Таким образом, сравнивая деревни с гетто, мы видим одновременно существенное различие. Находящиеся вне деревень и представители общественности считают, вероятно, что жители кэмпхилл-деревень похожи на других сельчан. Но люди, живущие в деревенских сообществах, придерживаются другого мнения. С одной стороны, они осознают различия между собой, а с другой - общность с людьми из общества вне деревень. Сходство же жителям кэмпхилл-деревень придает их гордость за нынешнюю деревню как форму совместной жизни, но не гордость происхождения от какой-либо расы или же вера в принадлежность к избранникам божьим.

9.5 Деревня как форма совместной жизни

В связи с проблемой наркотиков возникло много жилых сообществ наркоманов. Эта форма совместной жизни сходна с деревенской. Условия жизни наркоманов и обслуживающего их персонала одинаковы; они делят кров и рабочее место, вместе участвуют в культурных мероприятиях. Но есть существенные различия. В упомянутых жилых сообществах присутствует явная дифференциация между действующими лицами, между "ними" и "нами". И жизнь там полностью спланирована; все идет по плану лечения и образования, преследующему точно сформулированную цель. Наркоманы поставлены в такое положение, чтобы в одиночку справиться со своей проблемой. Жизнь в сообществе имеет, таким образом, временные рамки. Высшей целью считается приобретение способности справляться в одиночку, находясь вне сообщества. Поэтому совместная жизнь делится на отдельные фазы, которые должны выявлять предполагаемый прогресс: больные проводят сначала два года в объединении; на третий год им оказывается гораздо больше доверия, и они получают определенные особые права. Исходят из предположения, что часть из них к этому времени уже созрела для жизни в нормальном окружении. Для вновь прибывших эти люди должны служить образцом.

В действительности этой последней фазы достигает только меньшинство. Некоторые, относящиеся к этому меньшинству, а также кое-кто из тех, кто удирает раньше, утверждают иногда, что они хотят подольше оставаться в объединении, чтобы использовать его как своего рода базу, куда они всегда, а, возможно, даже и

навсегда, смогут возвратиться. Это желание вызвано глубокой тоской по сообществу, по совместной форме жизни и по ее основным принципам. Некоторые воплощают ее в жизни; они приезжают в качестве обслуживающего персонала.

С точки зрения сельчан основная проблема таких сообществ состоит как раз в том, что проявляется у части этих молодых людей. Совместная жизнь в благоприятной социальной среде включает в себе нечто нереальное, если она служит только лечению или образованию и ограничена какими-то сроками. Когда-нибудь больные будут вырваны из положительных, ориентированных на определенные идеалы жизненных связей, пробуждающих теплоту между людьми, и отправлены в общество, являющиеся чем угодно, только не общиной, в общество, эмоциональная жизнь которого находится на совсем другом температурном уровне. В кэмпхилл-поселениях находят очень естественным то, что положительные жизненные объединения никогда принудительно не заканчиваются. Те, кто хочет остаться, должны получить возможность сделать это навсегда.

"Это невозможно", - так, вероятно, звучит ответ со стороны общества и многих сотрудников терапевтических объединений. "Тогда бы у всего этого дела иссяк запас воздуха, так как не было бы больше мест для новых наркоманов". С точки зрения сельчан решение просто: "Тогда пусть новые люди образуют новые сообщества!" Старые люди, вероятно, и без того едва ли в состоянии зарабатывать деньги и нуждаются в небольшой социальной поддержке со стороны государства. Таким образом, поколения новых наркоманов имели бы возможность переехать в новые объединения, и проблема наркомании могла бы стать движущей силой при создании социальной структуры страны.

Вероятно, опять последовала бы реплика о невозможности, на этот раз, вероятно, от специалистов. Если сообщества больше не служат терапии, что тогда происходит с терапевтами? Что тогда будет с профессиональными принципами и сбором фактов? Что тогда будет с общественной пользой и знанием, как одолеть эти проблемы? Если директивы, прагматическое мышление, точно сформулированные цели и роль пациентов были бы отвергнуты, то и роль специалистов стала бы незначительной, и в терапевтических объединениях действовали бы обычные жизненные масштабы.

Итак, все остается по-старому. Если бы что-либо изменилось в указанном направлении, то жизненные сообщества для наркоманов стали бы общественными системами, похожими на кэмпхилл-деревни, какими они являются сегодня.

9.6 Деревня как деревня

Чтобы понять, что же такое, собственно, деревенские объединения, мы попытались описать эти особые виды деревень, как я надеюсь, с тщательностью и осторожностью. Чтобы расширить наше зарождающееся понимание, мы попытались сравнить деревни с другими формами совместной жизни, например, тоталитарными учреждениями. Мы заметили некоторые важные общие черты, а также и существенное различие. Деревни, о которых здесь идет речь, не представляют собой ни учреждений, ни государственных институтов, хотя они охватывают больше, чем жизнь внутри нормального общества. Гетто и

терапевтические объединения близки к ним, но и здесь существуют фундаментальные отличия. Что представляют собой такая деревня? Я попытаюсь ответить словами греческого лирика Константина Кавафиса, который в своем стихотворении "Итака" так описывает плавание на остров:

Пожелай себе долгого плавания.

...

Постоянно думай об Итаке.

Тебе предназначено приплыть туда.

Но не торопи свое путешествие.

Лучше, чтобы оно продлилось много лет;

и, состарившись, причаль к острову,

богатый тем, что ты приобрел во время своего плавания,

и не надейся, что Итака даст тебе богатство.

Итака дала тебе прекрасное путешествие.

Без нее бы ты не отправился в плавание.

А теперь ей нечего больше дать тебе.

Кэмпхилл-деревни имеют определенную общность с другими названными здесь социальными системами; но одновременно они отличаются от всех. У них собственный характер, такой своеобразный, что в нашем распоряжении нет ни общей теории, ни ходового понятия, чтоб сказать коротко и ясно, в чем состоит их сущность. А так как нет привычного слова или готового плана, чтобы популярно описать такую совместную жизнь, такое объединение многих людей, не знающее другой цели, кроме жизни и понимания, сохраним для такого вида сообщества название деревня.

Деревни не относятся, собственно говоря, к историческому наследию нашей страны. В Норвегии, большей частью состоящей из камней и скал, расстояния между полями и пашнями так велики, что семьи раньше были вынуждены селиться рассеяно. Но при взгляде на деревни Центральной Европы можно усомниться, относится ли их современная форма к тому же виду, что и описанные здесь. Деревенские объединения прошлого несколько больше похожи на кэмпхилл-деревни, хотя и они знали классовые различия и управлялись как изнутри, так извне. Но в них было как определенное качество культурной жизни, так и форма сплоченности, очень похожие на культурную жизнь и единение в Видарозене и других деревнях. Современный мир покончил с деревнями как важной формой социальной организации. Может быть, необычные потребности необычных людей в деревнях будут способствовать тому, чтобы возродить в виде модели такую форму совместной жизни, которая, вероятно, благоприятна почти для всех людей. Может быть, жителям этих деревень удастся вызвать по крайней мере теоретические дебаты о том, как могли бы быть преобразованы определенные части наших городов в скопления более или менее независимых деревенских объединений.

10. ДОЛГИЙ ПУТЬ

Иногда я задаю своим студентам вопрос, как бы они вели себя в следующей ситуации: "Вы сели в автобус. Впереди свободны только два места. Одно рядом с

человеком, который выглядит как большинство людей, а второе - рядом с кем-то, кто явно не такой, как большинство. Официально его назвали бы умственно отсталым или помешанным. Какое место вы выберете?"

10.1 Дегоспитализация

Недавно был выдвинут лозунг: "индивидуальное обслуживание людей, имеющих затруднения". В Италии это началось еще раньше, когда были закрыты государственные учреждения для душевнобольных. Пациентам пришлось покинуть клиники и возвратиться в нормальное общество. США начали с тюрем для молодежи. Джером Г. Миллер, новый директор, был шокирован тем состоянием дел, с которым он там столкнулся, и распродал несколько заведений, так что не оставалось ничего другого, как выпустить молодых заключенных. В скандинавских странах исчезли не только все учреждения для обременительных городских бродяг, но и многие спецшколы и приюты для людей с затруднениями в физическом и душевном развитии. Повторявшиеся, скандалы подорвали доверие к этим институтам. Сегодня в основном стремятся интегрировать бывших обитателей различных учреждений в существующую систему здравоохранения, образования и социального обеспечения. Действует основной принцип, что все должны вести нормальную жизнь внутри нормального общества.

Это приятно слышать, пока не присмотришься повнимательнее к этому нормальному обществу.

Итальянские женщины первыми запротестовали против лозунга: "Верните душевнобольных в свои семьи." Эти семьи за прошедшее время сильно изменились. Они теперь не столь большие, как раньше, и потому не могут гарантировать длительное время бесплатный уход со стороны женщин семьи. Путь из психиатрической клиники часто ведет не в дом, полный энергии и жизни, а очень закономерно кончается пансионом в центре города или даже бездомностью, вроде тех бродяг, кто, засунув все свое имущество в пластиковый пакет, населяют роскошные улицы наших современных городов. Иногда он приводит также в учреждение другого типа: в тюрьму.

Таким образом, в конце пути из учреждений часто стоит отчаяние. Деар и Уолх в своей работе, опубликованной в 1987 году, не только убедительно описали путь от дегоспитализации к беспризорности, но и показали особую опасность, возникающую при этом. Те, у кого нет положительных альтернатив, вообще часто заканчивают жизнь в центре больших городов. Там не только больше работников социальной сферы, но и немного больше терпимости со стороны общества.

В чистом приятном соседстве социально ущемленные люди вряд ли найдут пристанище; жители пригорода смыкают свои ряды. Центры же городов нередко отчасти обветшавшие и поэтому не очень плотно заселены; в них находится место для тех, кто не такой, как другие. Итак, они переезжают туда и создают своего рода собственное государство.

Но границы этих обособленных кварталов не столь неприкосновенны. Поэтому они опять рушатся, даже не начав по-настоящему функционировать. Причиной этому то, что во всем индустриализированном мире в настоящее время городские центры снова пользуются растущей популярностью. В пригородах вряд ли найдешь

место, и снова считается престижным не только работать, но и жить в центре. Фабрики, загрязняющие окружающую среду, вынесены далеко за город или заменены чистой электронной промышленностью. В ходе обновления города административный центр приобретает иной облик. Это больше не центр города, но центр жизни и общения. Люди, высоко стоящие в социальном отношении, постепенно переезжают в более старые жилые дома. Это плохо для тех, кто живет в городских кварталах. Те, кто незнатен, изгоняются из своих районов. Городские центры стали слишком хороши для них, а пригороды, которые за это время не изменились, их не принимают. Таким образом, они остаются на улице и переезжают из города в город как в средние века, в поисках дешевого жизненного пространства. При этом они часто попадают в руки юстиции. Но теперь их называют уже не только социальной проблемой или обузой, а уголовниками. Все приюты, находившиеся на государственном обеспечении, распущены, центры городов отреставрированы; места заключения начинают играть ведущую роль.

Конечно, и в этой ситуации бывают исключения. Дегоспитализация во многих случаях действительно означает улучшение. Так, юношество тем самым избежало огрубляющего воздействия тюрем для молодежи. Пациенты из закрытых учреждений возвратились в общество. Итальянский эксперимент не был таким уж провалом, как имеют обыкновение утверждать защитники традиционной психиатрии. Люди, бывшие прежде обитателями заведений, имеют теперь собственные четыре стены, где они живут или в одиночку, или делят их с несколькими товарищами по судьбе. Если есть необходимость, заходит кто-либо из работников социальной или медицинской сферы, оказывающий конкретную помощь в лечении или в снабжении едой и чистым платьем. В некоторых случаях обслуживающие живут в той же квартире, в том же доме или поблизости и всегда оказываются на месте, если угрожает какая-либо опасность. Таким образом, действительно большое число прежде госпитализированных людей нашли путь обратно в нормальную среду.

И из школ мы слышим сообщения об успехах. Дети, которые раньше посещали специальную школу, принимаются теперь в нормальные школы. Чтобы помочь им участвовать в обычных занятиях, в некоторых случаях в распоряжении имеются специальные преподаватели. В других случаях есть специальные классы, где преподавание ориентировано на потребности этих детей. Часто им идет на пользу участие в обычной школьной жизни и пребывание вместе с другими детьми. Да и другие дети знакомятся с ними; таинственность, которая их окружает, частично исчезает. Это в особенности относится к сельским районам. Там дети быстро знакомятся со всей общиной, если посещают нормальную школу. Таким образом, у них, вероятно, более легкая жизнь.

Но и в школах существует возможность выбора - точно также, как в автобусе. Часто дети грубо обращаются друг с другом. И все же выбор, который они делают, часто не случаен. Правда, учителя могут противодействовать и подбадривать родителей, но в решающие моменты тот, кто не такой, как остальные, окажется в безнадежном положении. Если их несколько в одной и той же школе, они, вероятно, сплотятся - конечно, с неохотой, потому что критерии выбора друзей, которые их отвергли, это и их критерии. Но у них нет другого выбора. В школах, в

которых они одни, они и остаются одни. Почему остальные дети должны вести себя иначе, чем это делают взрослые, которым они подражают?

Взрослые, нуждающиеся в помощи, часто получают поддержку в том, чтобы найти собственные четыре стены. Уже само это выражение говорит о чем-то. Стена имеет нечто общее с отделением: после трудного рабочего дня ты приходишь домой и открываешь дверь; она закрывается за тобой, ты один, что является благом для людей, у которых есть потребность наконец-то сбросить маску притворства.

Те же, кем мы занимаемся в данной книге, придут, вероятно, домой с рабочего места, на котором они по шкале избирательных возможностей стоят в самом низу. Не иначе это и в автобусе по дороге домой. Годами они знали, что такое быть отверженными. И когда они наконец-то приходят в свои четыре стены, они остаются наедине с самими собой или с двумя-тремя другими отверженными.

10.2 Оплаченные друзья?

В ходе дегоспитализации значительное число нуждающихся возвратилось в нормальное общество. При этом речь идет все же не о подлинном возвращении, потому что между "ними" и "нами" остаются невидимые стены. Правда, на улице, в автобусе, в школе, дома и на рабочем месте они находятся среди нас, но все же, несмотря на пространственную близость, они далеки и одиноки.

Актуальная задача в связи с освобождением из приютов и заведений состоит в том, чтобы создать сеть поддержки для освобожденных. Общеизвестно, что нормальное общество между тем сильно изменилось. Так, например, семьи стали меньше, и отдельные члены семьи живут так далеко друг от друга, что взаимная помощь при уходе за родственником затруднена. Люди, особенно нуждающиеся в помощи и уходе, испытывают сегодня в связи с этим большие трудности.

Требуется помощь, и помощь предоставляется. Войско профессионально обслуживающего персонала находится в состоянии готовности не только днем, но и ночью. Это оказание помощи, оплачиваемое по часам. Темпы роста оплачиваемого труда сиделок и родственных профессий значительно увеличились. И все же люди, которые интересуют нас здесь прежде всего, одиноки. Возникает вопрос, можно ли вообще дать кому-нибудь профессиональную подготовку, которая бы сделала его способным заниматься этими проблемами. Можно ли подготовить кого-либо к тому, чтобы он мог просто быть рядом, как это бывает среди друзей и родственников? Какой должна быть такая профессиональная подготовка? Какое вознаграждение ей соответствует? Можно ли вообще делать профессию из того, чтобы помогать другим справляться с одиночеством?

Наперекор всем вопросам мы предоставляем сеть профессиональных помощников: занятых полное время или добровольных помощников, работающих под наблюдением таких профессионалов. Для тех и других необходимость помогать является стимулом социального взаимодействия. Персонал устанавливает связи с пациентами, потому что тем нужен уход - ситуация, которую можно в известной мере сравнить с ситуацией родителей, заботящихся о своих детях, или с супружескими отношениями, при которых один заботится о заболевшем супруге. Но ситуации лишь сравнимы, но не идентичны. Дети значат для родителей больше, чем нуждающиеся в помощи люди для обслуживающего персонала. Супругов или

партнеров в дружеском союзе связывают комплексные отношения, охватывающие гораздо больше, чем только болезнь или трудную ситуацию. Кроме того, тот, кто получает помощь от своего партнера, находится в положении слабого лишь временно. Именно это явно противоречит ситуации, когда оказание помощи становится профессией.

Другим характерным признаком сосуществования в нормальном обществе является распределение прав и обязанностей между отдельными группами людей. В противоположность этому как профессиональные, так и добровольные помощники должны удерживаться от того, чтобы проводить четкие границы и точно намечать свои обязанности. Для обслуживающего персонала, профессия которого состоит в том, чтобы снова и снова общаться с людьми, нуждающимися в помощи, очень важно это соблюдать. Так, например, существуют правила относительно допустимой близости между персоналом и пациентами, сохранения барьера от чрезмерной доверительности, а также количества времени, которое может быть уделено одному пациенту.

Подводя итоги, можно констатировать, что отношения между персоналом и пациентами, когда речь идет об оплачиваемых специалистах или квазиспециалистах, характеризуются двумя существенными признаками. С одной стороны, отсутствует равновесие, потому что "отдавать" и "брать" распределены неравномерно. Отдает постоянно один и тот же, и один и тот же берет. С другой стороны, ответственность дающего четко определена; Оба основных признака существенно отличаются от того, что означает дружба. Равенство между друзьями и отсутствие каких-либо ограничений в отношении обязательств поддерживать друг друга представляют собой два столпа дружеских отношений.

10.3 Принцип сеятеля

Сеятель может считаться символом осуществления определенных идей современной социальной политики. Если заявить: никаких приютов и заведений, никакой изоляции, никаких анклавов для тех, кто не соответствует нашим представлениям о норме, но возвращение их в нормальное общество - тогда главное заключается в том, чтобы распределить этих людей в обществе так равномерно, как распределяется посев ранней весной на полях. Вместо того, чтобы объединить под одной крышей нескольких необычных людей, надо их широко рассеять. Это дает им чрезвычайно большие шансы приблизиться к обычным людям. Но одновременно они страдают от непривычного нам недостатка возможностей быть вместе с людьми, имеющими те же проблемы, что и они.

Нуждающихся в помощи нормальное общество, в котором они распределены, в определенной степени щадит. Зато они окружаются особым обществом оплачиваемых помощников. Им трудно найти друзей; товарищей по несчастью немного, и те немногие к тому же далеко, найти их едва ли возможно и потому они имеют очень ограниченное социальное значение. Оплаченные помощники оказываются основной альтернативой пребывания в состоянии несчастливого человека и полного одиночества. Вместо установления комплексных связей, при которых обе стороны равноправны, нуждающиеся в помощи принимают статус

подчиненных внутри системы, созданной для их поддержки. Они становятся не друзьями, а пациентами.

10.4 Как -меньшинствам навязывают роль пациентов

Как происходит процесс создания пациентов, можно наглядно показать на примере судьбы некоторых беженцев и иммигрантов в государствах всеобщего благосостояния, отмеченных принципом сеятеля. И они зачастую тонко и равномерно распределены в обществе. Допустимое число их внутри определенного округа явно ограничено сверху. Это должно было бы соответствовать привыканию самих чужеземцев среди них. После второй мировой войны по всей Норвегии распространился тонкий слой беженцев. Сегодня это прежде всего латиноамериканцы, курды, африканцы или иранцы, распространившиеся от Кристиансанда на юге до русской границы на севере - расстояние, соответствующее расстоянию от Осло до Африки. В надежде, что они найдут быстрый доступ в нормальное общество, беженцы, разделенные друг с другом многими километрами, должны начать новую жизнь.

Конечно, они избегают этой ситуации. Так как речь идет о людях, имевших достаточно сил, чтобы отвернуться от своей родины, когда дальнейшая жизнь там стала невозможна для них, то у них хватит и энергии, чтобы избежать внутреннего изгнания, которое навязывается им на новой родине. Они делают именно то, что не должны делать. Они объединяются. Они покидают свои новые хорошие квартиры, рассеянные по всей стране, в которых они предоставлены сами себе, и приезжают туда, где они встречают своих земляков. Они не боятся никаких лишений, живут в недостойных человека домах, только чтобы быть вместе с себе подобными. Теоретически они зависимы, то есть являются пациентами, и поэтому должны бы быть обременительны для системы государственной социальной помощи. В действительности же все совершенно иначе. Как показывают Беккерт и Лённрот на примере отношений в Дании, только тот факт, что иммигранты находятся вместе со своими земляками и товарищами по судьбе, означает для них шанс на выживание. Беженцы развивают множество межличностных связей друг с другом. Они помогают друг другу в различных условиях. Так они становятся совершенно нормальными, общительными людьми, а не пациентами. Но именно это и противоречит принципу сеятеля. Решение, которое находят беженцы для своей проблемы, направлено против принципа равенства.

10.5 "Естественные" анклав

Когда этнические меньшинства становятся достаточно сильными, они пытаются объединяться в группы. Но не все их члены действуют таким образом. Некоторые продлевают общественные преграды и становятся совершенно нормальными гражданами. Через определенное время распускаются целые анклав, потому что все их члены преодолели барьеры. Примером этого служат финны в Швеции. Правда, они пытаются сохранить финский язык, но это нелегко. Финны и шведы имеют одинаковые представления о цели - работа и деньги; поэтому финны приехали в Швецию. За исключением языка между ними нет явных различий.

Сомнительно также, есть ли у финских переселенцев какая-либо особенность, ради которой стоило бы оставаться среди своих.

Но в подобных случаях часто кажется, что ассимиляция идет быстрее, когда переселенцы первые несколько лет в новой стране проводят среди себе подобных. Израиль, например, вначале пытался построить свое государство по принципу сеятеля, но потом отказался от этого и поощрял представителей разных государств сначала оставаться вместе и лишь потом медленно примкнуть к большому образованию. Соединенные Штаты являются замечательным примером этого; с другой стороны, там тоже есть иммигранты, остающиеся в своих анклавах, если они достаточно многочисленны. Так, Миннесота все еще полна норвежских поселений, жители которых ненавидят шведов, живущих в тридцати милях к северу.

Нормальные люди организуют свою общественную жизнь таким образом, что их окружают им подобные. Не должны ли делать то же самое и не столь нормальные?

Но это им запрещено. Концентрация многих нуждающихся в помощи людей в одном месте - это именно то, что характерно для учреждений или, хуже того, гетто.

Здесь мы сталкиваемся с основной дилеммой нашего общества: те, кого называют душевнобольными, или просто робкие люди одиноки среди нас. Они еще более одинокие, чем многие одинокие, которые есть и без того. Правда, им можно помогать, но тогда они попадают в зависимость и становятся пациентами. Или они получают возможность помогать друг другу, но тогда они остаются иными, чем другие, и отгороженными от нормальной повседневности. Возникает обоюдоострый вопрос, что же лучше. Что лучше, равномерно и понемногу быть рассеянным по нормальному обществу, жить рядом с нормальными людьми - правда, не совсем равноправными, но по крайней мере вблизи них и получать от них помощь при этом, вести почти нормальную жизнь в почти нормальной повседневности, которая все же является жизнью пациента? Или лучше быть вместе с не вполне нормальными людьми, инвалидами, и вести иную жизнь, чем остальные, но зато не быть ни зависимыми, ни одинокими?

10.6 Глухонемые

Берит хорошая студентка. Она живет со своим другом; оба представляют собой совершенно нормальную пару, ведущую совершенно нормальную жизнь. Берит приходит в ярость, когда речь заходит о совместной жизни многих людей, имеющих затрудненное развитие. У самой Берит проблемы со зрением и она долгое время жила со многими другими, большей частью слепыми людьми, в одном большом доме. Ее обучали всему, что обычно должны изучать слепые. Судьбой Берит должно было стать существование телефонистки, но она сбежала, чтобы стать совершенно нормальной. Она ни за что больше не хотела быть вместе с исключительно ей подобными; она не хотела больше оставаться пациенткой.

У Берит могла бы быть другая судьба; она могла бы, например, быть глухой от рождения. Расти одной тогда означало бы, вероятно, необыкновенную меру изоляции. Вне пребывания с глухими она, по, всей вероятности, рассматривалась бы как душевнобольная. Не имея возможности слышать, она не смогла бы и говорить. С людьми вблизи нее она, вероятно, создала бы примитивную систему

коммуникации. Если бы ее семья располагала достаточными средствами, ее, вероятно, послали бы в учебное заведение для глухонемых.

Было бы ей там лучше? Очень вероятно, что да. Не обязательно благодаря учителям, а благодаря другим глухонемым детям, которые, вероятно, тоже считаются умственно отсталыми. Они находятся вместе, разделяют одну судьбу и делают то, что делают все люди, если им предоставлена для этого возможность; они создают альтернативы. Каждый человек стремится объясниться. Если кто-то лишен обычных средств коммуникации, он создает необычные. Глухие дети создают язык знаков, язык, основанный на положении и движениях пальцев, рук, губ и тела. Благодаря пребыванию вместе дети преодолевают ущербность, выпавшую на их долю.

Но на такое решение проблемы обрушиваются те, кто выступают за общественную интеграцию. Они утверждают, что нужно помочь лишенным слуха выйти из этого изолированного состояния. И если одной помощи недостаточно, надо их вынудить. Это происходит, когда распускают социальные учреждения для подготовки глухонемых, препятствуют применению языка знаков и глухонемых обучают индивидуально читать с губ и говорить.

Так противостоят друг другу два взгляда. Один рассматривает лишенных слуха как представителей культурного меньшинства, имеющего собственный язык и поэтому - как все культурные меньшинства - зависящих друг от друга. Другой рассматривает глухоту как тяжелый недуг, который необходимо преодолеть. Чтобы этого достичь, необходимо искоренить культуру и язык глухих и силой направить несчастных в русло нормальной жизни.

Спор между этими двумя точками зрения разгорелся особенно ожесточенно на рубеже столетий, а именно в США. Главным представителем мнения, что глухие относятся к культурному меньшинству и должны быть поддержаны в этом, был француз Лоран Клер. Он сам был глух и прибыл из знаменитого национального института глухих в Париже, учреждения, основанного, на использовании языка знаков. Для Клера путь из его родной деревни в этот институт был дорогой из трущобы, "в которой понятия скользили по серым стенам, как тени, таинственно и беспокояще. Я вышел на ясный дневной свет подлинной коммуникации, в которой я понимал каждый довод, как только он выражался."

Но противник Клера был сильнее. Это был человек, который мог слышать, у которого был чудесный голос и острый ум: Александр Грахам Белл, изобретатель телефона. Его интерес к лишенным слуха людям не был следствием его изобретения; скорее, наоборот: изобретение телефона полностью соответствует ожесточенной борьбе Белла с языком знаков. Лане так описывает это:

"Клер и Белл были противниками не только в главном своем стремлении, которому оба посвятили свою жизнь, и в его историческом значении, но практически и в любом другом отношении. Клер видел в различии людей силу, Белл, напротив, слабость и опасность. То, что Клер считал отличием, Белл рассматривал как отклонения. Один рассматривал нетипичных людей как социальный феномен, другой как, медицинский. Для Клера глухота представляла собой прежде всего социальную ущербность; по его мнению, главная проблема лишенных слуха состояла в мире слышащих, в котором они составляли меньшинство; он надеялся на тот день, когда те, кто имеют слух, проявят добрую

волю и' решат проблему таким образом, что признают культуру и язык лишенных слуха. Для Белла, наоборот, глухота являлась физическим дефектом, который, если он неизлечим, может быть уменьшен тем, что исчезнут его признаки. Люди со слухом, имеющие добрые намерения, помогли бы при этом глухим отказаться от собственного языка и культуры и считаться слышащими в мире слышащих. В своей речи во время конференции преподавателей языка Белл сказал однажды про глухих детей: "Мы должны были бы сами попытаться забыть, что они глухи, и мы должны были бы научить их забыть, что они глухи."

В то время, как для Клера первостепенной целью воспитания была самореализация, для Белла это была интеграция в общество людей, которые слышат:

"Я признаю, что глухонемой ребенок без труда овладеет языком знаков и что этот язык замечательно подходит для тренировки его ума, но в конце концов это не язык миллионов людей, среди которых ему предстоит жить." Клер, напротив, предпочитал нанимать глухонемых учителей в школы глухонемых, поскольку они могли быть образцом для детей, а также из-за их старательности и ради их собственной самореализации. Белл отвергал это, потому что глухонемые учителя были для него препятствием на пути к интеграции. Клер видел в сообществе тех, кто использует язык знаков, языковое меньшинство данной страны, и лингвистическая наука последних десятилетий подтверждает его правоту, потому что она открыла много связей между американским языком и очевидно универсальными свойствами человеческого языка. Белл же причислял глухих к инвалидам, к которым он относил также слепых и умственно отсталых. Клер видел смысл в любой форме объединения глухих, например, в браках, чтобы партнеры подходили друг к другу, в школах, чтобы дети учились друг у друга, во встречах любого типа, усиливающих общие и совместные социальные действия. Белл видел в браках между глухими зло, также, как и в предназначенных для глухих интернатах или социальных организациях.

Для Клера, который сам был иммигрантом и владел несколькими языками, двуязычие было достойной достижения целью как для глухих, так и для слышащих людей. По его мнению, каждый глухой должен был учиться писать, по крайней мере важнейшее на языке данной страны, и в особенности образованные люди среди глухих, руководство сообщества, не имеющего устной речи, должны были даже овладеть языком большинства; он сам это сделал. Белл напротив, отдавал предпочтение одноязычию всех американцев. Он сказал однажды, выступая перед Национальной Образовательной Ассоциацией: "Наше население пополняется представителями всех стран мира, к отсюда для государства возникает новая опасность. Для сохранения национального единства важно, чтобы люди этой страны говорили на одном языке."

Превосходство языка было для Белла неоспоримо. Лане пишет, как однажды реагировал Белл, когда на повестку дня конференции ректоров в Миннесоте был поставлен вопрос: "Что означает язык для глухих?" Белл был совершенно сбит с толку. "Я удивлен; я глубоко задет. Поставить под сомнение значение языка? Это все равно, что поставить под сомнение ценность жизни!"

Дилемма интеграции в общество редко становилась так наглядна, как в истории с глухонемыми. Белл вскоре очень хорошо понял, что ни один другой язык не

является для них более подходящим, чем язык знаков. Но это не могло быть мнением всех, потому что главная цель образования глухонемых состояла в том, чтобы сделать их способными жить, слышать и говорить в мире людей." Это в точности соответствует тому, что говорят другие сторонники интеграции: главной целью является приспособление к жизни в нормальной среде. И это справедливо, ибо "что хорошо для меня, то должно быть хорошо для всех".

Последние слова книги Лане: "И наступила тишина". Наконец-то исполнилось желание Белла. Те, кто появился на свет без способности слышать, потеряли свой язык.

В то время, как я писал это в Норвегии, среди глухих в США произошла революция. Я узнал об этом лишь тогда, когда предлагаемая книга была почти готова, а именно благодаря статье Оливера Сакса (1988).

В революции, которую он описывает, идет речь о своего рода борьбе за свободу. Местом действия был Галладет, единственная высшая Духовнонаучная школа для глухих в США. Ее традиции восходят к Клеру и к зарождению языка знаков, и все же именно эта система коммуникации долгое время была там под запретом. Вдруг произошел переворот; язык знаков вновь был узаконен и пережил возрождение во всех университетских сферах, кроме управления и попечительства. Таким образом, Галладет должен был получить нового президента. Было выставлено шесть кандидатов; трое из них были глухие. Три тысячи человек, доценты и студенты, собрались и выразили желание, чтобы президентом стал глухой. Но попечительский совет не принял это во внимание и выбрал другого кандидата. Последовала неделя ожесточенных акций протеста. Вновь избранный президент проявил суровость. Но к протесту примкнули глухие по всему США; давление было необыкновенно большим; президент сдался и на этот раз перенес свое поражение сдержанно; его пост принял глухой. Но уже сама кампания имела значение.

Сакс следующим образом цитирует одного из участников:

"Я родом из семьи, в которой все слышат... Всю мою жизнь я ощущал на себе давление мира слышащих: "Ты не можешь делать того-то, ты не можешь делать этого. Но теперь давление исчезло. Я чувствую себя вдруг свободным и полным жажды деятельности. Клеймо "глухонемой" наконец-то уничтожено.

Кампания была направлена против фальшивого опекуства, которое, по мнению глухих, может быть каким угодно, только не благотворным, так как основано на сострадании и снисходительности и содержит невысказанный приговор, что глухие не только больны, но и некомпетентны. Поэтому протест был направлен в особенности против некоторых врачей, ввязавшихся в это неприятное дело с Галладетом, которые были явно склонны рассматривать глухих как людей с дефектными ушами, а не как особый народ, привыкший к иному функционированию органов чувств."

Сакс подчеркивает, что исключение языка знаков в восьмидесятых годах прошлого столетия имело в течение семидесяти пяти лет вредные последствия для глухих, и не только для их образования и академических успехов, но и для их представления о самих себе, а также для всего их сообщества и культуры.

"Культура лишенных слуха возникает из самого отсутствия слуха, хотя здесь старались вычеркнуть слово "лишенный слуха" и заменить его на "визуальный"

или говорить о визуально ориентированной культуре, которая исходит из повышения роли зрения."

Почему глухонемые в Галладете в конце концов имели успех? Приведенные Саксом слова одного из предводителей акции протеста дают объяснение этому:

"Все это действительно чрезвычайно примечательно, так как всю мою жизнь я видел глухих только пассивными. Они принимают любое обращение с собой со стороны других. С моей точки зрения они были или казались готовыми принять роль пациентов, даже если они должны будут находиться под контролем..."

"Я не понимаю, что ты имеешь в виду под пациентами", - сказал я.

"Ты же знаешь Тима Раруса, - объясняет Боб, - это тот, которого ты сегодня утром видел на баррикадах и подписью которого ты восхищался как подлинной и страстной - так вот, он выразил в двух словах, о чем идет речь при этом изменении. Он сказал, что это совершенно ясный случай: если мы не получим президента, лишённого слуха, университета больше не будет. Это было первый раз, когда лишённые слуха осознали, что предприятие с использованием пациентов не может существовать без пациентов. Речь идет о предприятии в миллиарды долларов для людей, которые могут слышать. Если лишённые слуха больше не участвуют в этом, бизнес кончается."

Между лишёнными слуха и теми, кто нас интересует в этой книге, есть несколько параллелей. Как лишённые слуха, потерявшие свою систему коммуникации и приговоренные к молчанию, так и все люди, живущие в изоляции, прекращают общение. Для способности к общению многих, чье тело устроено иначе, чем у большинства, обязательной предпосылкой является, чтобы социальная жизнь проходила в условиях, в которых эти люди полностью могут использовать свои возможности для взаимопонимания. Их межличностные контакты должны быть длительными, чтобы возникала возможность выразить общие значения с помощью несловесных знаков. Всякого рода помощники, а также имеющийся обслуживающий персонал и работники социальной сферы представляют собой худшее из возможных решений проблемы. Этим людям прежде всего нужна более спокойная среда, чтобы их сигналы могли быть приняты. Им нужно больше терпимости - с одной стороны к их возможно неожиданному поведению, с другой - к тому, что все происходит слишком так, как и следовало ожидать. Им нужно то, что нужно почти всем людям.

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ К НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

11.1 Деревенские объединения в городе

Недавно была предпринята попытка организовать в центре Осло кэмпхилл-селение. При этом намеревались создать объединение типа описанных здесь деревень, чтобы те, кто не такой, как все, могли жить здесь вместе. Мотивировка этого намерения ясна: большинство из тех, кто живет в деревнях, являются горожанами. То, что им приходится покидать родные места, плохо для них. Места совместной жизни должны были бы находиться там, откуда люди родом. Наконец, и для городов это плохо. Неправильно, что они экспортируют именно то, что они рассматривают как свою проблему. В действительности же ситуация

представляется как раз противоположной, поэтому мой аргумент следующий. Неправильно, что города теряют именно тех жителей, которые могли бы стать их особым богатством. Таким образом, считается, что настало время продвинуть на шаг вперед движение кэмпхилла путем создания сообществ внутри городов. В Осло, например, быстро нашли подходящее место: блок домов 19 века, окружавших участок зеленых насаждений. Каждый этаж домов давал место для группы величиной, обычной для деревенских семей. Некоторые из домов могли бы быть превращены в мастерские, так как особые потребности города, вероятно, принесли бы с собой новые возможности для работы. Один жилой дом можно было бы использовать под больницу. Далее должна была бы быть мастерская по ремонту велосипедов, дневной дом отдыха для людей, имеющих сходные проблемы, но живущих в других городских кварталах, и зал для больших мероприятий, таких как обычные лекции, концерты, деревенские собрания и т. д. Конечно, близость к суете большого города принесла бы с собой новые проблемы, но она бы имела и преимущества. Как только поселение стало бы располагать окрепшими социальными структурами, оно не оставалось бы больше окраинным явлением, а стало бы центром встреч. Его члены были бы не просто гостями города и не только искали бы там общения, но и сами принимали бы у себя людей, ищущих их общества. Те, кто испытывают определенные трудности, могли бы вместе обследовать город с его рынками и музеями, парками, театрами и другими общественными местами. Деревенское объединение внутри города имело бы определенные черты жизни в гетто, но это было бы гетто с очень сильным контактом с городским окружением.

Так выглядел план, ставший вызовом для всех. В Норвегии есть объединение, которое поставило перед собой цель содействовать людям с затрудненным развитием. Членами его являются в основном представители как раз таких людей. Президент общества содействия в Осло писала, что предложение о создании сообщества в городе способствовало бы выделению и особому обеспечению людей, имеющих затруднения развития. Следствием таких объединений было бы то, что этих людей удерживали бы от слишком нормальной жизни со всем тем опытом, который относится к такой жизни. Более того, следовало бы создать предпосылки, чтобы они, несмотря на свои специальные проблемы, могли бы вести исполненную смысла жизнь.

Это мнение было официально представлено для рассмотрения в министерство социального обеспечения. Вскоре пришел ответ. Недвусмысленно отметив позицию общества содействия, министерство отказано в какой-либо помощи при создании кэмпхилл-объединений в городах. Безрезультатными оставались также обращения, неоднократно направляемые непосредственно городским властям Осло. Согласно плану, единогласно принятому в норвежском парламенте, все учреждения для людей с затрудненным развитием будут в ближайшие годы упразднены. Их сочли не достойными человека. Коммунальные службы обязали возратить "их" пациентов в семьи, и государство предоставило значительную сумму (в 1990 г. она составила на одного пациента 500 тыс. норвежских крон, что соответствует примерно 130 тыс. немецких марок), чтобы службы могли выполнить эту задачу. Ко времени напечатания этой книги все лица, особенно ответственные за то, чтобы помогать обитателям приютов и закрытых заведений

при их освобождении и возвращении к нормальной жизни в столице, отказались обсуждать идею сообщества внутри города.

11.2 Право или обязанность?

Большинство из нас "справилось". Мы в состоянии функционировать в основных сферах общественной жизни. Мы выбираем людей, с которыми мы общаемся, а они выбирают нас. Мы бросаемся из одной крайности в другую, участвуем в чем-то и снова отстраняемся. Для избранных частная сфера в жизни - это хорошо. Но слова имеют двойной смысл. В них заключено с одной стороны что-то от свободы, а с другой - от лишения. Для кого-то, кто, например, не имеет собственного автомобиля, скоростные магистрали, пересекающие жилой район, означают, может быть, снижение качества жизни. Но для других выделение сферы личного, возможно, имеет сходные последствия. Эти другие при определенных обстоятельствах очень многочисленны, но их положение неважное, если брать во внимание их отстраненность, их исключенность. Они оказываются в стороне от арены общественных обсуждений.

У необычных людей, конечно, есть круг друзей. Эти друзья нормальные люди, и их мышление отмечено принципом справедливости. Почему нуждающиеся в помощи этого общества не могут вести ту же жизнь, что и мы все? Что хорошо для нас, должно выпасть и на их долю. Лишать их такой возможности сродни обману. А тут еще вызов, который представляет собой совместная жизнь в кэмпхилл-поселениях. Совместная жизнь там вызвала, по крайней мере у меня, сомнения относительно путей, которыми обычно идет наша жизнь. Деревенские объединения ставят под сомнение основные предпосылки нашей обычной повседневности. Норма их жизни, несомненно, пригодна для большого числа нуждающихся в помощи в нашем обществе. А помощь нужна ведь почти всем людям, например, в молодости или во времена кризиса, а, может быть, даже постоянно. Им нужна помощь, чтобы справиться с общими проблемами жизни, с одиночеством или с неспособностью распоряжаться деньгами (неспособностью, которая не в последнюю очередь означает неумение уравновесить потребность в деньгах и идеальные представления об их применении.) Может быть, жители деревень ведут жизнь лучшую, чем другие, вне их. Может быть, нам всем следовало бы жить в деревенских объединениях. Такой ход мыслей подрывает основы нашей повседневности. Это дополнительная причина, почему идея деревенских объединений для людей, не таких, как мы, так часто отвергается.

С учетом всех этих аспектов кажется упрощением говорить о праве на нормальную жизнь. Потому что речь здесь идет не только о праве, но и об обязанности. Люди обязаны вести нормальную жизнь. Потому что речь больше не идет только о равных условиях жизни для всех, но о господствующем положении такой культуры, которая гарантирует защиту первоочередных решений нашего общества. Деревни кэмпхилла представляют собой столь провокационную альтернативу, что часто сталкиваются с неприятием.

11.3 Два почитаемых понятия

Одно из них - ассимиляция. в нем есть что-то от уравниловки. Необычные люди все-таки не похожи на обычных.

Второе слово интеграция. Оно занимает свое неоспоримое положение прежде всего в тех движениях, которые задались целью сделать людей, не соответствующих норме, нормальными членами нормального общества. Многие знают ответ, часто даже правильный, на вопрос о том, что, собственно говоря, это слово означает. Один опрошенный соединил, например, руки и сказал, что это - выражаясь образно - интеграция. Другие говорили, что интеграция имеет нечто общее с образованием целого, с растворением в целом, с принадлежностью к целому. Некоторые видят в интеграции значение, противоположное значению слова разделение. Не удивительно, что слово так уважаемо и стало воплощением всех устремлений, связанных с теми, кто имеет затруднения в развитии.

Но слова часто имеют двойной смысл и отражают скрытую дилемму. Если мы обратимся к истории этого лейтмотива, этого ключевого слова всех, кто выступает за возвращение в нормальную жизнь, мы столкнемся с совершенно другим корнем. Понятие интеграция возникло из латинского глагола *tangere* - "прикасаться". Приставка "ин" является отрицанием, таким образом интеграция имеет нечто общее с неприкосновенностью, с неповрежденностью. Это значение ясно обнаруживается, если мы говорим о ком-то как об интегрированной личности. Неприкосновенные люди, таким образом, являются интегрированными.

Необычные люди никогда не смогут быть похожими на обычных. Они получают больше помощи, чем другие - веря, что эта помощь, с одной стороны, является компенсацией за то, что всеми рассматривается как недостаток, и что, с другой стороны, когда-нибудь в результате этого наступит то, что соответствует нашим обычным? представлениям. Но как мы видели, при современном уровне нашего сознания помощь оказывается в виде оплаченной дружбы. Поэтому полное приспособление является невозможным делом. Потому что чем больше помощь в процессе адаптации, тем сильнее угрожает опасность превращения принимающего помощь в пациента, что дословно означает "зависимый". Роль пациента означает исключение; быть пациентом значит быть вне целого.

Поэтому ближе к действительности содействовать восстановлению в правах члена общества в старом смысле слова. Никто не может пройти по жизни полностью неприкосновенным. Потому что именно благодаря мягким, а иногда и не очень мягким ударам извне люди преодолевают свою изоляцию. Но польза прикосновений имеет границы, точно также, как и возможность пройти по жизни невредимым имеет границы. Для тех из нас, кто не соответствует норме, вероятно, полезнее жить среди социальных отношений, предохраняющих от вынужденной роли пациента. Кэмпхилл-поселения представляют собой один из возможных примеров этого. Занимаясь нашими особенными согражданами в соответствии с их индивидуальными способностями, мы будем, вероятно, в состоянии создать жизнеспособные альтернативы стандартным решениям индустриального общества. И в конце концов мы, вероятно, сможем констатировать, что для большинства из нас полезно жить в социальных структурах, которые считаются особенно пригодными для людей, нуждающихся в помощи.